На большом пути

ВЛАДИМИР УСПЕНСКИЙ

ПР

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1981

СЕРИЯ • ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ •

Владимир Успенский

НА БОЛЬШОМ ПУТИ

ПОВЕСТЬ
О КЛИМЕНТЕ ВОРОШИЛОВЕ

Р2
У77

Владимир Успенский — автор многих книг, посвященных событиям Великой Отечественной войны, в которой он участвовал. Это двухтомный роман-эпопея «Неизвестные солдаты», повести «Поход без привала», «Можайское направление», «Бой местного значения». О морских десантных операциях рассказывает автор в книгах «Колокол заговорил вновь», «Глазами матроса», «Ухожу на задание».

Часто бывая в отдаленных районах страны, В. Успенский пишет об огромных стройках, развернувшихся там. Книги «Далекая и желанная», «Морские ворота БАМа» посвящены людям, которые сооружают Восточный Порт — самый крупный в Советском Союзе.

В серии «Пламенные революционеры» выходила повесть В. Успенского «Всесоюзный староста» — о Михаиле Ивановиче Калинине. В новой документальной повести «На большом пути» автор рассказывает о легендарном советском полководце Клименте Ефремовиче Ворошилове. От батрака, от рабочего-подсобника до крупного военного и политического руководителя — таков путь, пройденный убежденным большевиком.

$У \frac{10202—022}{079(02)—81}$ 246—81 0902030000

Н. Н. СЕЧКИНОЙ-УСПЕНСКОЙ —
комсомолке двадцатых годов.

Автор

Глава первая

1

В ночь на 3 декабря 1919 года со станции Воронеж тихо, без гудков, отправился бронепоезд. Пушки были развернуты по бортам: вправо и влево. Напряженно вглядывались в темноту наблюдатели. Медленно, словно проверяя надежность каждого пролета, вполз поезд на мост через Дон и, лишь миновав его, увеличил скорость.

Минут через двадцать с запасных путей станции столь же тихо двинулся другой состав, необычный даже по внешнему виду. Перед паровозом — платформа, нагруженная рельсами и шпалами. К станковому пулемету, установленному среди шпал, прильнули несколько бойцов. Следом за паровозом — пять классных пассажирских вагонов и снова открытая платформа: тоже с ремонтными материалами и с пулеметом. Тускло светились зашторенные окна. Вспыхивали на площадках огоньки цигарок — покуривали часовые.

Только один вагон в самой середине состава выглядел совершенно темным, пустым. А он-то как раз и был главным. В просторном его салоне сидели двое. Командующий Южным фронтом Александр Ильич Егоров, склонив крупную, по-солдатски коротко остриженную голову на крепкой шее, просматривал телеграммы, полученные

перед самой отправкой: одни были из Москвы, другие — из Серпухова, где располагался штаб фронта. Лицо у Егорова добродушное, открытое, какие бывают чаще всего у людей уравновешенных, сильных физически. Рисунок губ твердый, чуть ироничный. Большой подбородок казался бы слишком тяжелым, массивным, если бы не маленькая веселая ямочка, разделявшая его и придававшая лицу законченность, гармоничность.

Рядом с Егоровым — худощавый, затянутый ремнями Ворошилов. Тонкие губы плотно сжаты. В карих глазах — чуть заметное любопытство. Недавно здесь, еще не освоился.

— Товарищ Ворошилов,— негромко произнес Александр Ильич.— Вы обратили внимание на сообщение об успехах конницы товарища Примакова?

— Опять подтверждается, что фронтальное наступление, лобовые атаки успеха нам не приносят.

— А обходятся дорого.

— Вот именно. Белые отступают там, где возникает угроза их флангам и тылу. Начали пятиться, как только кавалерийская группа Примакова прорвалась к ним в тыл, рассекла коммуникации.

— Да, роль кавалерии сейчас особенно высока,— кивнул Егоров,— маневр, маневр и еще раз маневр. Знаю, товарищ Ворошилов, что вы твердый сторонник стремительных и решительных действий...

— Поэтому и направляете меня в конницу? — быстро спросил Климент Ефремович, пытаясь наконец разобраться, чем вызвано его новое назначение — членом Революционного военного совета к Буденному. Очень уж неожиданно это произошло. Почти год он был народным комиссаром внутренних дел Украины, возглавлял борьбу со всякой контрой, с националистами, с многочисленными бандами. Страна жила в эти дни под лозунгом: «Все на борьбу с Деникиным!» На юг отправляли новое пополне-

ние, слали туда последние запасы снарядов, патронов, военного снаряжения. Предупреждая о нависшей угрозе, Владимир Ильич писал сурово и откровенно: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции...»

Горькой утратой стала потеря Киева. И на других участках фронта дела шли неудачно. 20 сентября белогвардейцы захватили Курск. 6 октября их конница ворвалась в Воронеж. Еще через неделю деникинские полки вступили в Орел и двинулись дальше: на Тулу, на Москву.

После того как оставлена была Украина, Ворошилова назначили командовать 61-й стрелковой дивизией. Он начал приводить ее в порядок. Дивизия была малочисленная, дисциплина из рук вон скверная. А впереди — большие бои. Красная Армия как раз только-только перешла в контрнаступление, начала теснить деникинцев. Климент Ефремович думал, что скоро поведет на врага свою 61-ю, но вдруг — вызов в штаб фронта, короткий разговор, назначение в конницу...

— Почему именно меня? — повторил свой вопрос Ворошилов.

Егоров, отложив не прочитанные еще телеграммы, всем корпусом повернулся к Ворошилову.

— Хочу, чтобы была полная ясность. На главном направлении, вдоль железной дороги Орел — Курск — Харьков, успехи наши весьма скромные. Здесь наша пехота медленно, с трудом оттесняет противника. Большую помощь оказывает ей Примаков со своими червонными казаками, рейдируя по тылам противника. Они делают свое важное дело, однако самые существенные достижения у нас сейчас на левом фланге. Одержав победу под Воронежем и Касторной, Буденный врезался в расположение деникинских войск... Конечный результат будет определяться тут. И поэтому прямо в ходе боев мы создаем здесь

новую армию. И не просто армию, а конную. Это особенно важно.

— Понимаю.

— Буденный, я думаю, станет со временем хорошим командующим. Он энергичен, смел,— продолжал Егоров приятным рокочущим баритоном.— Но формировать армию и управлять ею Семену Михайловичу будет очень трудно. Особенно на первых порах. А вы, Климент Ефремович, имеете большой опыт...

— Я привык к строевым должностям.

— У нас есть командиры, которых выдвигают из народа сами события. У нас есть военные специалисты. При этом нам очень важно иметь на фронте испытанных политических руководителей, способных усилить влияние партии. Эта задача поставлена перед нами VIII съездом. Важно иметь таких политических руководителей, которые способны направлять в нужное русло неорганизованные или слабо организованные массы, принимать на месте правильные партийные решения. И даже противостоять ошибочному давлению сверху, если подобное давление будет. Вот так, Климент Ефремович,— развел руками Егоров.— Ваша кандидатура была бесспорной, поэтому и отозвали вас из шестьдесят первой дивизии.

— Конная армия — совсем новое дело, просто не знаю, с чего начинать?!

— Вот мы и начнем вместе, для этого и едем,— весело блеснули прищуренные глаза Егорова.

2

Близилось утро, когда Климент Ефремович ушел в свой вагон. Поезд двигался очень медленно. Поскрипывали рессоры, потрескивала обшивка старого, давно отслужившего срок вагона.

В полутьме, в тишине раздавался храп, столь мощный, что его, наверно, слышно было во всех купе. Ворошилов открыл дверцу двухместного отделения: на полке поверх одеяла, не сняв даже сапог, богатырски раскинулся Александр Пархоменко, успевший только расстегнуть бекешу. Зашел, наверное, с холода, после проверки постов, прилег на минутку, и разморило его в тепле.

На соседней полке чуть слышно посапывал Ефим Щаденко, накрыв голову подушкой и выставив лишь острый, как петушиный клюв, нос. Климент Ефремович, пожалуй, никогда прежде не видел, чтобы Ефим спал по-настоящему, раздевшись. В Царицыне, где Щаденко был политкомиссаром и особоуполномоченным Реввоенсовета 10-й армии, он, кажется, вообще никогда не ложился, такая уж у него была беспокойная должность. Прикорнет среди дня, расслабив ремни, а затем снова отправляется по делам.

Хорошо, что Пархоменко и Щаденко едут вместе с ним. Друзья давние, надежнейшие из надежных.

Пошел в купе, отведенное для него с женой. Так уж повелось у них: без Кати Климент Ефремович никуда. Особенно она помогает ему в такое время, как сейчас, когда нет настоящей, ощутимой работы. Он уже готов принять новые обязанности, нетерпение одолевает его, а возможности такой еще нет. Климент Ефремович не любил и не умел ждать, сам знал эту свою слабость, но не мог справиться с ней. Становился раздражительным, скверно и мало спал, жалея попусту пролетавшие часы. Катя действовала на него успокаивающе.

Давно подмечено: чем сильнее различаются люди, тем надежней они сходятся, словно бы дополняя друг друга. Может, не все, но у Ворошиловых получилось именно так. Сам он невысокий, худощавый, черты лица резкие, рот маленький. А Екатерина осаниста, полновата,

несколько даже медлительна. Плавный, мягкий овал лица, пухлые, как у девочки, губы, большие глаза, всегда словно бы затянутые легкой таинственной дымкой — так казалось ему. Своей спокойной рассудительностью она сглаживала, утихомиривала порывы впечатлительного увлекающегося Клима. Когда он чувствовал, что горячится, может наломать дров, старался хоть минуту побыть рядом с женой. Посидеть молча или переброситься двумя-тремя ничего не значащими фразами — и к нему возвращалась уверенность, способность рассуждать хладнокровно, без спешки.

Когда не было поблизости жены, пытался представить ее лицо, её голос: даже это помогало ему.

С тех пор как на далекой Северной Двине, в малом городке Холмогоры, политический ссыльный Ворошилов познакомился со ссыльной одесситкой Екатериной Давыдовной Горбман и со свойственной ему стремительностью сделал ей предложение, они почти не разлучались. В ссылке, в скитаниях по стране, в подпольной работе, на фронтах гражданской войны — всюду и всегда были вместе.

Просто удивительно, как умела она чувствовать состояние мужа, жить его интересами. И при всем том не мешала, не связывала Климента Ефремовича, сама находила себе полезное дело. В Царицыне заботилась о беспризорных детях, организовала столовую при штабе армии. В те трудные дни люди не знали, не помнили, где и что ели последний раз. Перекусывали на бегу. Но каждый, кто появлялся в штарме-10, будь то командир с передовой, ординарец или связной,— каждый обязательно получал горячую пищу.

Климент Ефремович тихо открыл дверь, однако Екатерина Давыдовна услышала. Смутно белевшая рука ее привычно скользнула под подушку, к нагану.

— Это я,— шепнул он и присел рядом, зарылся лицом в копну ее жестковатых волос, ощутив родной теплый запах. Теперь-то она, конечно, совсем проснулась, но лежала не двигаясь, не открывая глаз.

Климент Ефремович ладонями осторожно повернул к себе лицо жены, поцеловал несколько раз.

— Что случилось? — приподнялась она, удивленная неожиданной нежностью.— Произошло что-нибудь, Клим?

— Еще бы!

— Очень важное?

— Да! Событие, какого до сих пор не бывало!

— Ты улыбаешься?.. Не могу понять.

— А надо бы... Десять лет назад, ровно десять лет назад, в этот самый день на тебе была кофта с глухим воротом, с петлями и пуговками. И еще вроде бы лямки от плеч до пояса.

— Ты никогда не научишься разбираться в платьях,— засмеялась она.

— Зато я разобрался в тебе. Сразу понял, что ты самая красивая женщина на земле и мы с тобой созданы друг для друга. Больше того, сумел убедить в том же тебя, и довольно быстро.

— Ой, Клим! — у нее вдруг осел, пропал голос. Откашлялась.— Десять лет! Как же ты вспомнил?

— Просто никогда не забывал... Помнишь ссылку, север, заснеженную улицу, наш дом с окнами под самой крышей...

— А как празднуют десятилетие? Это хоть не серебряная, но все же...

— Не знаю. Первый раз,— пожал он плечами.

— Сейчас приготовлю что-нибудь... Чай вскипячу.

— А я пока проверю посты... Этот чертов Пархоменко так ухайдакался, что заснул прямо с шашкой на ремне. Слышишь, храпит? Жалко будить.

— Есть же комендант.

— На коменданта надейся, а сам не плошай! Не знаю его, тревожусь.

— Только не очень долго...

3

На концевой платформе около пулемета дежурили пятеро. У всех — добротные мерлушковые папахи: солдатские, сохранившиеся, вероятно, на каком-то тыловом складе еще с германской войны. И ботинки новые, армейского образца. Обмотки накручены неумело: у кого до колен, у кого едва закрывают щиколотку.

Другого обмундирования для бойцов не нашлось, остались в своих пальтишках, перехватив их ремнями с подсумками. Только у старшего по возрасту, который лежал возле «максима», потертая шинель и армейские сапоги. Видать, фронтовик.

Занимался серый рассвет, такой унылый, что от него стало вроде бы еще холодней.

— До костей проняло,— тер ладони боец в коротком пальто с большими металлическими пуговицами.— Так и пронизывает.

— Перед паровозом еще хуже,— сказал Ворошилов.— Тут потише, а там ветер хлещет.

— Но от этого не легче,— боец в коротком пальто спрыгнул с тормозной площадки, пошел рядом с платформой, широко размахивая руками.— Братцы, пробежимся! Кто со мной?

Двое присоединились к нему.

— Не дурите,— нахмурился Ворошилов.— Отстанете.

— Мы? Да если бы командир разрешил, до станции добежали бы, погрелись, поели и встречать вышли бы — как раз к сроку. Позволь, Фомин?

— Ишь чего выдумал,— проворчал несердито боец в сапогах. — Пойми, Леснов, не ровен час, налетит кто...

Здесь, на платформе, особенно заметно было, как медленно ползет поезд. Вот почти остановился, опять дернулся. Проплыли мимо деревья, изувеченные снарядами, поваленный телеграфный столб. Насыпь сплошь изъязвлена большими и малыми воронками, вскрывшими дерн, желтел сыпучий песок.

— Больно уж густо наковыряли,— произнес Фомин.

— Только что фронт прошел. Бои главным образом вдоль полотна,— Ворошилов прилег рядом с Фоминым, увидел вблизи темное усталое лицо. Шрам на виске оттянул кожу около левого глаза, он продолговатый, узкий, в отличие от правого, круглого.

— Пулей чиркнуло?

— Осколок. Еще в шестнадцатом.

— Унтер-офицер?

— А вы, извините, кто?

— Ворошилов моя фамилия.

— Слышали о вас,— в голосе Фомина прозвучало уважение.— А я не унтером, вольноопределяющимся был. Чуть до производства не дотянул. Свалило снарядом — уволили по чистой.

— Теперь годным признали?

— Сам пошел. По призыву Владимира Ильича Ленина.

— Вот оно что! И товарищи ваши?

— Группа из двадцати человек. Направлены в распоряжение политотдела Конной армии.

— Партийцы?

— Все! — не без гордости подтвердил Фомин.

— Ясно! — обрадовался Климент Ефремович.— Щаденко говорил мне... Расскажите подробно, откуда вы, кто?..

— Да какие подробности-то,— пожал плечами Фомин.— Сам я из железнодорожников. Отец, машинист, хотел, чтобы я в инженеры вышел. Ну, а жизнь вместо студенческой фуражки солдатскую носить заставила. Когда ранило, в депо определился. После революции народным образованием предложено было заняться. А этим летом губнаробраз самого на курсы послал. В Москву... Послушай, Леснов,— позвал он бойца в коротком пальто, вернувшегося на платформу,— ты согрелся?

— Вполне.

— Приткнись тут. Вот товарищ Ворошилов нами интересуется. Поговори, я закурю пока.

— Что за курсы такие? — спросил Климент Ефремович.

— Голодно-просветительные,— Леснов сел рядом, прислонившись спиной к шпале. Молодое веснушчатое лицо раскраснелось, светлые волосы выбились из-под папахи, глаза озорные.

— Не балуй, Роман,— остановил его степенный Фомин.

— Разве я балую? Самые что ни на есть просветительные. Организованы стараниями Надежды Константиновны Крупской. Официальное название — Всероссийские курсы по внешкольному образованию. Вот и собрали нас, сто пятьдесят гавриков из разных городов и весей, которые, конечно, не под беляками.

— По направлению губернских и городских отделов народного образования,— добавил Фомин, любивший, вероятно, порядок и точность.

— А что за люди?

— Разносортные. Но в общем-то народец съехался толковый,— все в той же полушутливой манере продолжал Роман Леснов.— Учителя, работники клубов, библиотек. На новые масштабы переучивались. Как широкие массы к знаниям приобщать, к культуре и грамоте.

— Партийная ячейка большая?

— Ого! Половина курсантов — коммунисты, остальные сочувствующие,— ответил Леснов. И перестал улыбаться.— К нам товарищ Ленин недавно приезжал. Когда на фронте самые трудные дни были.

— Это верно,— подтвердил Фомин, с удовольствием затягиваясь самосадом.— Двадцать восьмого октября выступил Владимир Ильич перед курсантами. Напутствовал нас, которые против Деникина вызвались. И задачу перед нами поставил: политически просвещать красноармейцев, поднимать боевой дух.

— Короче говоря, словом и делом помогать укреплению Красной Армии,— теперь голос Леснова звучал совсем серьезно, а Климент Ефремович подумал: «Не очень-то ты укрепишь, конопатый парень. Куда тебя определить? Бывалые солдаты, много повидавшие на своем веку, и слушать тебя не станут. Ты небось в седле-то не удержишься... Фомин — это другое дело...»

— Сфотографировался потом Владимир Ильич с курсантами,— продолжал Леснов.— Только я не попал, с краю сидел, в аппарате не уместился.

— Всей партийной ячейкой на фронт? — спросил Климент Ефремович Фомина. Тот оторвал взгляд от убегавших рельсов, ответил не сразу:

— Вернее будет — значительная часть ячейки. Женщины, девушки остались. Нестроевые, которые еще в старую армию не попали, тоже просились, да куда ж их... Один вот Роман Леснов добился...

— А что — Роман? Стреляю не хуже других.

— Помнишь, как врач-то тебя? — улыбнулся Фомин, и при этом левый глаз его еще больше сузился, превратился в щелочку.— Если бы, говорит, Леснова в штаб поставили, войсками командовать, тогда можно. А в рядовые — нет. Рука сломана и срослась неправильно. Как от него службу требовать?

— Мальчишкой с яблони упал,— пояснил Роман.

— Но все же пустил врач-то? — Клименту Ефремовичу интересно было узнать.

— На время. Чтобы Деникина разбить. А потом сразу доучиваться. Старичок оказался понимающим, оценил текущий момент...

— Военное обучение проходили?

— Две недели в Спасских казармах. По плацу гоняли, в караул ставили. Гранату показывали. Правда издалека, в руки не давали. Одна была.

— Какое это обучение,— поморщился Фомин.— Затвор разобрать не умеют... Занимаюсь с ними в свободные часы, показываю...

«К артиллеристам, что ли, направить этого Романа? — подумал Климент Ефремович.— Нет, не потянет. Парень вроде смекалистый, бойкий, да уж очень тощий... И перелом опять же. А в артиллерии надо снаряды таскать, пушки тягать... Может, на бронепоезд политруком?»

— Как ты насчет техники? — спросил Ворошилов.

— Насчет какой? Топор, пила, долото, стамеска — пожалуйста. Или соха, плуг, жнейка...

— Непохоже, что ты деревенский.

— В деревню только в гости ходил.

— А городскому откуда жнейку и плуг знать?

— Я и не городской.

— Между небом и землей, что ли?

— Почти так,— улыбнулся Роман.

— Не балуй,— опять осадил его Фомин.— Объясни человеку.

— Я не балую. Фамилия-то у меня какая, товарищ Ворошилов? Не случайно дана. В лесу родился. И все предки оттуда. Отец в лесниках состоит. Казенный лес охранял, а теперь, соответственно, народный бережет. И хлеб сами сеяли, и огород свой. Мебель в избе — собственного изготовления. Полное натуральное хозяйство.

— Кто же тебя в натуральном хозяйстве читать-писать научил?

— Не только читать-писать, товарищ Ворошилов, я в Петровской сельскохозяйственной академии два курса закончил. Больше не успел. В семнадцатом отправился вместе с товарищами против юнкеров, а потом закрутило водоворотом. Пришлось пока свою мечту отложить. Грушами и яблоками заниматься хотел.

— Про учебу-то объясни,— напомнил Фомин.

— А про учебу что? Ведомство посылало за свой счет. Лесники и лесничие нужны были. Казеннокоштный я. Казенное носил, на казенном спал, казенным кормился. От истощения не умер, привык заниматься на пустой желудок, и эта привычка теперь очень пригодилась на наших голодно-просветительных курсах, — весело уточнил он.— Легче других мне было. Дневной паек: сто граммов хлеба и тарелка супа из травы. Для меня не в новинку, а вот Фомин, к примеру, крепко тосковал с голодухи по своему губернскому базару.

— Ноги протянул бы, если бы не ребята,— подтвердил Фомин.— Коммуной в комнате жили. Одному картошку привезли из деревни, другому — пшена. А Роману отец меда прислал.

— Какой там мед,— отмахнулся Леснов.— Его на два дня к чаю хватило. Другим я, товарищ Ворошилов, нашу коммуну потчевал.

— Чем же?

— Грушами и яблоками, которые после войны выращивать буду. Каждый вечер рассказывал перед сном... Вот такие яблоки,— показал он.— Румяные, сочные... Если, конечно, смертельную простуду не заработаю нынче на этой платформе.

— Все бы тебе серьезный разговор на шутку свернуть,— укорил Фомин.

— От серьезности еще холодней, а шутка хоть немного, да согревает. Верно, товарищ Ворошилов?

— По части согревания шинель хороша, а полушубок еще лучше.

— На нет и суда нет,— хмыкнул Леснов.— Пойду-ка я еще платформу потолкаю, может, хода прибавлю. Ребята, кто со мной ноги размять?

Роман спрыгнул с подножки. Следя за ним взглядом, Климент Ефремович решил нынче же поговорить с комендантом поезда и со Щаденко об этих товарищах. Добровольцы, коммунисты — надо их обмундировать при первой возможности. А с распределением не торопиться. Люди грамотные, идейные, смогут партийное слово сказать: каждому надо найти такую должность, на которой принесет больше пользы.

4

От Воронежа до Касторной и от Касторной до Нового Оскола расстояние не ахти какое, нормальным ходом поезд одолел бы за половину суток. Но не разгонишься. Чем дальше, тем чаще останавливались вагоны, ремонтная бригада осматривала опасные места, укрепляла насыпь, меняла шпалы и даже рельсы. По всей этой дороге еще не было регулярного движения, ходил только особый состав, специально выделенный Буденным, чтобы оберегать проводную связь, соединявшую быстро наступавших кавалеристов с Воронежем и далее — со штабом Южного фронта. Единственная ниточка эта была ненадежной: дорогу рассекали остатки казачьих сотен, пробивавшиеся на юг, к своим, рвали проводку затаившиеся беляки, бандиты, налетавшие пограбить полустанки, и просто крестьяне, которым каждая железка была нужна.

Миновала ночь, прошел день и еще ночь, а конца пути не видно. Многие станционные постройки, вокзалы и во-

докачки были сожжены или полуразрушены. Холодной чернотой зияли пустые глазницы окон. Сотни и тысячи беженцев грелись возле костров, спали на вокзальных полах, на истертой в труху соломе. Одни ушли от красных, другие — от белых, перемешались, скитаясь и бедствуя вдали от дома. Около барыни в манто и с муфтой куталась в дырявую шубенку крестьянка. Рядом с чиновником, приткнувшимся к своему громоздкому баулу, спал заводской трудяга в насунутой на уши фуражке. Краснорожая баба в три обхвата царицей восседала на сундуке, а бледная гимназистка робко хлюпала носом, размазывая платочком грязь по щекам. Как они существовали тут без пищи и без воды — одному богу известно. Многие бедолаги уже и двигаться не могли: одних свалило истощение, других — тиф. Лежали полураздетые закоченевшие трупы. А живые все еще надеялись вырваться отсюда, из разоренных войной мест. Бросались к поезду, отчаянно цеплялись за подножки и буфера, пытались проникнуть в вагоны. Наученный горьким опытом, комендант поезда на каждой станции выделял оцепление. И еще — по часовому к каждой вагонной площадке. Приказ был категорический: не пускать никого.

У Романа Леснова кончалось дежурство, близкой реальностью стала возможность согреться горячим чаем, когда сквозь оцепление на железнодорожные пути проникли каким-то образом трое. Роман сразу обратил на них внимание, особенно на того, который шагал первым. Кубанка с малиновым верхом заломлена на затылок, шикарно выбился кучерявый смоляной чуб. Усищи неимоверной длины — хоть за уши закладывай. Смушковая бекеша перехвачена широким офицерским ремнем с деревянной коробкой маузера. Через плечо — сыромятный ремешок, на нем невиданная прямая шашка с большой рукояткой, такая длинная, что почти волочилась по земле, хотя ростом ее владельца родители не обидели.

Огненно-красные широкие шаровары из гайдамацкого обмундирования заправлены в сверкающие лаком сапоги, на задниках которых позвякивали большие серебряные шпоры с зубчатыми колесиками. Такие шпоры Леснов видел однажды в музее, среди доспехов средневековых рыцарей.

«Грозный вояка»,— подумал Роман. И скомандовал:

— Стой! К вагону не подходить!

— Га?! — удивился чубатый. За его спиной насмешливо скалил зубы бритоголовый крепыш с горделивым лицом. Безучастно смотрел раскосыми глазами кривоногий калмык.— Га?! — повторил вояка.— Я командир буденновского эскадрона, чуешь?

— А я на посту,— едва заметно качнулся к нему Леснов.

— Ну и хрен с тобой,— кавалерист презрительно окинул взглядом тощую фигуру в коротком пальтишке, из-под которого палками торчали ноги в зеленых обмотках.— Покличь своего начальника!

— Обратитесь к коменданту вон в тот вагон.

— Я тебе що, мальчик по комендантам бегать? — лицо чубатого побагровело.— Брысь с дороги!

— Ни с места! — повысил голос Леснов.— Нельзя! Командование здесь!

— Намахивал я это командование вместе с тобой... Я сам тут командование.

— Раз сам — понимать должен!

— Га, врезать ему, что ли? — лениво спросил чубатый своих товарищей.

— Не,— сплюнул крепыш.— Он хилый. Не встанет.

— Он при службе,— сказал калмык.

— Поблагодари их — пожалели тебя,— чубатый усмехнулся и ловким движением перехватил руку Леснова с зажатой винтовкой.— Тоже мне, караульщик, куга зеленая...

И не окончив фразы, как подкошенный, рухнул на шпалы лицом вниз. Случилось это столь быстро и неожиданно, что спутники его на несколько секунд остолбенели. Леснов успел отскочить, вскинул к плечу винтовку.

Бритый крепыш присел, спружинился, не сводя глаз с часового, медленно вытягивал из серебряных ножен кривую саблю. Калмык правой рукой лапнул кобуру нагана.

— Отставить! — резко хлестнул командирский голос над головой.

— Миколу вбылы! — прохрипел бритый.

— Отставить! Я Ворошилов! — Климент Ефремович соскочил с подножки. Следом — Щаденко в распахнутой шинели, с револьвером в руке.

— Яким! — узнал его крепыш.— Ты?

— Сичкарь? А ну убери шаблюку!

— Да Миколу ж!

— Убери, говорю! Куда, к черту, лезли?

Вокруг них уже собралась толпа. Решительно протиснулся Елизар Фомин с винтовкой, встал возле Ворошилова. От паровоза, придерживая шашки, бежали кавалеристы. Опять резанул по ушам чей-то голос:

— Хлопцы, командира вбылы! Где командир?

— Да тут я,— сконфуженно ухмыляясь, потирая шею, поднялся с земли чубатый.— Вот стерва какая!

— Тягай его!

— Отставить! — снова прикрикнул Ворошилов. И к чубатому: — На часового лез?

— Га? — еще не пришел в себя тот.

— А часовой, он кто по уставу? Какое лицо есть часовой?

— Часовой есть лицо неприкосновенное! — привычно вылетели у кавалериста слова, намертво вдолбленные еще с новобранства.

— Какое же у тебя право на часового идти?

— Сосунок дохлый... Молоко не обсохло!

— Может и сосунок, а землю тебя заставил понюхать,— Щаденко успокаивающе положил руку на плечо чубатого.— Ты сам виноват, Микола.

Пострадавший неуверенно улыбнулся.

— Ты чем это меня саданул, какой железкой? — уставился он на Леснова.

— Рукой.

— Будя брехать! Чуток шею не перерубил.

— А вот потрогай,— протянул руку Роман.— Ребро тронь.

— Потом разберетесь,— прервал Ворошилов.— Всем разойтись, товарищи. А вы задержитесь,— велел он чубатому.— Кто вы такой?

— Командир эскадрона Микола Башибузенко! — щелкнули каблуки сапог и мелодично звякнули шпоры.— Оставлен со своими ребятами добивать беляков, которые удрать не успели.

— Ну и справились? — Климент Ефремович любовался живописным могучим казачиной.— Добили?

— Подчистую. Теперь своих догонять надо. Погрузил людей и коней в восемь вагонов, а паровоз хоть из пальца делай. Может, к своему составу прицепите?

Ворошилов не торопился с ответом: поезд-то особенный...

— Климент Ефремович, я этих товарищей еще по Сальским степям помню,— негромко произнес Щаденко.— Все они с самого начала с Буденным. И Башибузенко, и Сичкарь, и Калмыков. Ну, погорячились, бывает... Возьмем для общей пользы. И нам охрана. Ближе к фронту опасности больше.

— Пошли поглядим,— сказал Ворошилов.— Фомин и Леснов — с нами.

Башибузенко повел их в дальний конец станции, за водокачку. Там действительно стояли вагоны с людьми

и лошадьми. Один вагон больше чем наполовину завален был ящиками, тюками, узлами.

— Что за груз? — нахмурился Климент Ефремович.

— Патроны трофейные. Ящики с консервами. Разное обмундирование.

— Откуда?

— Да вы не сумлевайтесь, у нас насчет этого строго,— в голосе Башибузенко звучала обида.— Только военная добыча. Обоз захватили. Обувка и форма казачья. Ребята приоделись, остальное своим везем.

— Шинели есть?

— Десяток. Английские.

— Утеплил бы Леснова. Пальтишко-то на рыбьем меху... Он ведь тебя неплохо согрел,— пошутил Ворошилов.

— Да уж куда лучше! — белозубо засмеялся Башибузенко, оглянувшись на бойца.— Пущай останется, одежку подберем, потолкуем.

— Ну что ж, побеседуйте,— разрешил Ворошилов. И распорядился: — Прицепить вагоны. Вместе поедем.

5

Посреди теплушки возле железной печки сдвинуты несколько ящиков, накрытых попоной. На этом «столе» — четверть с мутным самогоном, заткнутая разлохматившейся бумагой. Большими ломтями накромсан черствый хлеб. Вскрыты ножом консервные банки с яркими иностранными этикетками.

— Бобы с мясом намешаны,— сказал Башибузенко.— Другой жратвы нет, а этого добра много. Деникину слали — нам досталось, весь полк кормится.

— Обрыдло,— сплюнул кто-то из кавалеристов, рассевшихся на соломе вокруг ящиков.— Картохи бы горячей да сала шмат...

— Откуда здесь? Белые прошли, потом беженцы...

— Навроде саранчи эти беженцы,— презрительно произнес Сичкарь.— Все подчистую изглаживают.

— Ну, бобы — это еще не так плохо,— улыбнулся Леснов, умостившийся вместе с Фоминым и Башибузенко на почетном месте около «буржуйки».— Бобы с мясом просто клад по нынешним временам. В Москве и в Питере четверть фунта хлеба на едока выдают и без всякого приварка.

— Шибко большой голод? — спросил калмык.

— Очень трудно, товарищи. Вы на нас с Фоминым гляньте: неделю в Воронеже отъедались, а кости торчат.

— Не дюже подорвала тебя голодовка, силенку не растерял,— уважительно произнес Башибузенко, все еще не оправившийся после пережитого потрясения.— Я в станице на кулачках среди первых шел, а ты меня в один секунд с копыт опрокинул.

— Не силой — только ловкостью! Рука у меня натренированная.

— Это заметно. Где обучился-то?

— Понимаешь, когда в реальном училище занимался, в книжке одной прочитал, как со здоровяками справляться. Я-то щуплый, и физия, видите, в конопушках, неавторитетная... Доставалось первое время. И дразнили, и «смазь» делали, и на тычки не скупились. Тогда и начал левую руку тренировать. По утрам гирю выжимал, вечером тоже. А главное, все время ребром ладони по твердому колотил. Где остановлюсь, где прислонюсь, там и постукиваю. Даже на ходу приспособился — по палке.

— Во терпение у человека! — крутнул бритой головой Сичкарь.— Нарвался ты, Микола!

— Ладно, хватит об этом... Налили, хлопцы? Давайте за знакомство, за наших московских гостей.

Чокнулись кружками, котелками, отбитыми черепушками.

— Ну, прощай, винцо! — Башибузенко выпил, обтер усищи, потянулся за хлебом.

— Сгинь, гадость! — Сичкарь брезгливо, одним глазом, покосился в кружку, осушил ее единым глотком.

Леснов чуть не задохнулся, настолько крепок был самогон. Догадливый Фомин подвинул ему банку бобов.

— Ешь побольше.

Следующую кружку Роман только пригубил слегка, сославшись на то, что скоро дежурство.

— Это мы вполне понимаем,— пробасил начавший хмелеть Башибузенко.— Служба наперед всего. А после дежурства опять приходи. Гульнем по-нашенски: или в стремя ногой, или в пень головой... Мы ведь как? Мы свой приказ выполнили в наилучшем виде. Белых — в клочья! Теперь гулять имеем полное право. Верно я гутарю?

— Отдых не помешает,— сдержанно ответил Елизар Фомин.

— А самогона-то хватит? — с улыбкой подзадорил Леснов.

— Ты не скалься, скубент, этого добра у нас на цельную дивизию. Дружков своих приводи.

— Вы хоть в охрану трезвых назначьте,— посоветовал Фомин.

— И это у нас опять же в полном порядке,— пояснил Башибузенко.— Видишь, молодняк на нарах скучает? Им нонче ни одного глотка. А Сичкарь с Калмыковым, сколько ни пьют, завсегда трезвые. Кое-что смекаем, не первый год на войне.

— Мы тоже,— сказал Фомин.

— Вижу, как глаз тебе скособочило. Стрелять не мешает?

— Нет, притерпелся.

— А вы, слышь, с Ворошиловым и Щаденкой к нам едете? На пополнению, что ли?

— Вроде того.

— На кавалеристов вы не дюже смахиваете.

— Нас на политическую работу направили.

— Партийные, что ли? Оба?

— И мы, и все товарищи наши.

— Ну да? — недоверчиво глянул Башибузенко — Цельный вагон?

— Говорю — все! — подтвердил Фомин.

— Слышь, хлопцы, чего гутарят! Сразу столько партийных! И все к нам! Мы их поштучно от случая к случаю видели, а тут гуртом!

Башибузенко задумчиво поскреб подбородок, спросил:

— Это самое... Вы из каких будете, коммунисты или большевики?

— Никакой разницы нет.

— Ты брось,— погрозил пальцем Башибузенко.— Нас не закрутишь, разница нам известна.

— Зачем мне тебя закручивать? — удивился Леснов.— Большевики — это, по-твоему, кто?

— У большевиков программа наша, рабочая и крестьянская. Весь народ равный — это первое. Земля трудовым казакам и крестьянам — это тебе второе. Вот я отвоююсь, возьму свой пай, хату поставлю.

— Жинку заведешь,— ухмыльнулся Сичкарь.

— И заведу.

— Тебе одной мало.

— Будя шутковать-то. И женюсь, и детишков настрогаю. Стану сам себе свободный хозяин на свободной земле. А вот этот товарищ Фомин, к примеру, рабочий. Верно?

— Предположим.

— Вот ты иди к себе на завод, давай нам железу, плуги, серпики, сукно и всякие прочие тряпки для баб.

— Водку,— подсказал Сичкарь.

— Самогоном обойдемся.

— Водка слаще.

— Будя, Кирьян, я всерьез гутарю,— нахмурился Башибузенко.— Ты ответь мне, приезжий товарищ, для того большевики всю кашу заварили, для того мы свояк на свояка в мертвую драку лезем, чтобы вольная и справедливая жизнь повсюду установилась?

— В общем правильно, только слишком просто.

— Ага, правильно,— ухватился за слово Башибузенко.— А коммунисты чего желают? Согнать всех в коммунию, под один гребень постричь, из одного котла обедом кормить...

— Не обязательно из одного котла.

— Ишь ты, не обязательно. А я вот хрен положил на такое удовольствие. Я в своей хате своей семьей жить хочу, а в общий хлев никакими силами не затащишь.

— Никто и не намерен тащить. Живи, как тебе хочется. Но работать лучше коллективно — выгодней.

— Дюже ты умный, скубент! Я шею гну от зари до зари, потому как ни в поле, ни в бою дурака валять не обучен, а другой спустя рукава хозяйничает. Поошивается лодырь абы как с весны до осени, а урожай на равные доли делить? Да намахивал я такую дележку!

— Говорят, и бабы общие станут, а дитев, вроде бы как цыплят в курятнике, скопом взращивать будут.

— Брехня все это, товарищи!

— Большевики что велели: бери землю, бери заводы и фабрики, живи и работай с полной радостью,— гнул свое Башибузенко.— За такую власть и голову положить не жалко. А чтобы в коммунию под одной дерюгой спать да своим трудом ленивых кормить — это кукиш!

— Извини, Микола, по в голове у тебя мешанина.

— А ты уважь, поясни, раз такой грамотный.

— Был уже в нашем полку один грамотей,— напомнил Сичкарь.

— Га! — обрадовался Башибузенко. — Верно, имелся

такой коммунист в кожаной куртке. Казак из Бердичева. К лошади подойти опасался, в тарантасе ездил. Вот он про сладкую общую жизнь расписывал. Иной раз даже любопытно послухать было.

— Комиссар?

— Может, и комиссар, черт его знает, как он назывался. К командиру полка был приставлен. Только вскорости кокнули его.

— Как это «кокнули»?

— Обнаковенно, пулей. Она ведь дура, чинов-званий не разбирает,— в глазах Башибузенко появился холодный блеск.— Ребята гутарили: и бой-то не ахти какой был, а вот нагнала его пуля. Не приживаются у нас торопливые. Не ко двору.

— Спасибо тебе, Микола, за угощение, за приятные разговоры,— насмешливо поклонился Леснов.

— Чем богаты, тем и рады, не обессудь,— в тон ему ерничал Башибузенко.

— А задам я тебе, друг любезный, такой вопрос: если меня комиссаром в твой эскадрон направят, ты как?

Рука Миколы невольно потянулась к затылку. Помедлил с ответом:

— Га? На что нам комиссар? За мной, за хлопцами надзирать и начальству о наших грехах докладывать?

— Читать ты умеешь?

— Да уж разберу как-нибудь.

— А еще читающие есть в эскадроне?

— Человек пять.

— Так вот, надзирать за тобой я не стану, а насчет коммунистов и большевиков мы бы потолковали. Книжки бы почитал вам, статьи товарища Ленина... А в самом крайнем случае, если зарвешься, тогда уж того...

— Стукнешь? — повеселел Башибузенко.

— И стукну. По-товарищески.

— Это у тебя получается.

— Да не рукой: от удара проку немного,— поморщился Леснов.— На тяжелое слово не поскуплюсь.

— А что, хлопцы? — обратился к своим Башибузенко.— Веселый скубент, га?! Примем его?

— Грамотный лишним не будет!

— Взять легко, потом не отделаешься...

— Парень самостоятельный, за себя постоит!

Башибузенко громыхнул кулаком по ящику. Дождавшись, когда все смолкли, произнес серьезно:

— Лучше ты, чем другого пришлют... Приходи, не обидим, мое слово надежное! Скажи там начальству, что я согласный.

— Скажу,— твердо ответил Леснов.

И все кавалеристы, как по команде, повернулись к нему. Люди смотрели на него совсем не так, как минуту назад: с любопытством, с пристрастием разглядывали худого, беловолосого парня, еще чужого и непонятного, но уже ставшего вроде бы членом их боевой семьи.

Роман почувствовал: надо снять напряженность. Протянул руку к ножнам, зажатым между коленями Башибузенко:

— Ну и шашка у тебя, Микола. Громадная и прямая, как палка.

— Эх ты, скубент, совсем это даже не шашка,— снисходительно пояснил эскадронный.

— Ну сабля.

— И не сабля. Палаш называется. Этим палашом меня мадьярский офицер наискось по спине рубанул. Двух Башибузенков из одного хотел сделать, да конь у него шарахнулся. А я того мадьяра из карабина достал. Урядник после боя палаш мне принес. Вот, мол, Микола, где твоя гибель таилась. Пока этим палашом владеешь, никакая тебя смерть не возьмет. С тех пор палаш всегда при мне. Есть такие хлопцы, которые насмехаются надо мной, а я к ним без внимания.

— Вера помогает человеку,— согласился Леснов.

— Вот я и верую! — Микола уважительно и ласково погладил большую, тускло поблескивающую рукоятку.

6

Лишь на исходе третьих суток, поздно вечером 5 декабря, поезд прибыл наконец в Новый Оскол. Климент Ефремович, изнывавший от нетерпения, первым спрыгнул с подножки. За ним — Щаденко.

Здесь чувствовался порядок. Станция оцеплена кавалеристами, перрон и освещенный вокзал пусты. Ни беженцев, ни любопытствующих зевак. Морозный ветер нес из темноты запах дотлевавших пожарищ.

Придерживая шашку, подбежал командир в длинной шинели, представился:

— Комендант буденновского штаба Гонин. С приездом!

— Чем порадуете? — спросил Ворошилов.

— Товарищ Буденный находится в Велико-Михайловке, в пятнадцати верстах отсюда. Ждет. Сани готовы.

— Не поморозите нас?

— Сена положили, тулупами укроем.

— Белых поблизости нет?

— Бродят на дорогах остатки. Но у нас охрана: полсотни сабель и пулемет.

— Хорошо, товарищ Гонин, давайте сани поближе.

Комендант махнул рукой. Из-за станционного здания вылетела тройка орловских рысаков, развернулась лихо, замерла как вкопанная. Только рослый коренник гнул могучую шею, правым копытом бил землю, рвался в стремительный бег, на простор.

Гонин улыбался, довольный.

С прибытием поезда станция ожила. В конце состава раздавались хриплые голоса бойцов, ржали лошади: вы-

гружался эскадрон Башибузенко. На перроне, поеживаясь от холода, строились московские добровольцы. Им предстояло идти в Велико-Михайловку пешком.

Убедившись, что все в порядке, Климент Ефремович отправил Щаденко доложить Егорову: можно ехать.

Забежал в купе к Екатерине Давыдовне:

— Ты пока здесь... На станции типография, которую буденновцы еще в Воронеже у белых отбили. Посмотри печатную машину, шрифты. И вообще — займись газетой.

— Хорошо, Клим.

— Завтра или послезавтра потребуется напечатать приказ номер один по Первой Конной армии. В виде листовки.

— Как только пришлешь текст...

— Вот и все,— он прижался щекой к плечу жены, замер на несколько секунд, будто впитывая надежную теплоту. Повернулся резко и пошел не оглядываясь. Ему трудно было расставаться с Катей, даже на короткое время.

Из соседнего вагона появился рослый Егоров в офицерской папахе, в добротной шинели, перехваченной портупеей. Под сапогами размеренно скрипел снег. Среди разномастно одетых людей, не соблюдавших никакой формы, Егоров словно бы олицетворял незыблемость и необходимость армейских порядков, и это внушало невольное уважение. При виде его бывалые вояки застегивали пуговицы, поправляли шапки, опускали поднятые воротники. Климент Ефремович поймал себя на том, что сдвигает кобуру, съехавшую на живот. Усмехнулся: даже на него действует Александр Ильич. Воистину военная косточка!

Вслед за Егоровым из вагона вышел член Реввоенсовета Южного фронта Сталин. Осмотревшись, ответил на приветствие коменданта и прямо, ни на кого не глядя, направился к саням.

Щаденко и Пархоменко вскочили на приготовленных для них коней. Возница, не сводивший глаз с коменданта Гонина, уловил его знак и тотчас отпустил вожжи, свистнув разбойно. Тройка рванулась, взвихрив снег.

7

Климент Ефремович завидовал людям, которые в любой обстановке способны думать и рассуждать хладнокровно, логично. Как Егоров, например. У Александра Ильича железная выдержка. Мысли и слова у него четкие, ясные, убедительные. Такого поставь на край пропасти под дуло нагана, он все равно веско и объективно изложит свое мнение о сложившейся обстановке и окружающих людях.

А у Ворошилова это получается далеко не всегда. Волнение свое сдерживать не может. Начнет выступать — как в атаку понесся: говорит быстро, неудержимо, страстно, сам разгораясь от своих слов, зажигая людей. Но слова у него иногда опережают мысль.

В практической работе Ворошилов сам стремился всегда к организованности, к порядку и дисциплине. А на VIII съезде, на заседании военной секции, получилось совсем другое. Очень уж волновала обида на Троцкого, который отстранил его от командования 10-й армией, с гневом вспоминал, как мешали ему некоторые военспецы, бывшие генералы и офицеры, которых прислал все тот же Троцкий. Кто-то из них потом ушел к белым.

Вот и обрушился Климент Ефремович с высокой трибуны на всех «бывших», на руководящие военные органы. А заодно вроде бы и на новые строгие порядки, вводимые в Красной Армии. Во всяком случае, так была понята его слишком уж запальчивая речь... Даже Владимир Ильич на закрытом заседании съезда 21 марта выска-

зал свое мнение по этому поводу. Климент Ефремович записал и наизусть выучил его слова:

«Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории. Это была действительно громаднейшая выдающаяся работа. Но сам же сейчас, рассказывая, Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины.

...Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами...».

Вот это и есть самое главное, самое важное на новом этапе: создать регулярные войска — с умелыми командирами, с обученными бойцами, с крепкой сознательной дисциплиной. Ради этого партия и направила его, Ворошилова, убежденного коммуниста, в Первую Конную армию, да еще на столь необычную должность. Как член Реввоенсовета, Климент Ефремович будет возглавлять всю партийную, массово-политическую работу. Это само собой. Но он в такой же степени, как и командарм, отвечает за формирование и сколачивание Первой Конной, за ведение боевых действий, за все ошибки и неудачи. У него такие же права, как и у командарма, а круг забот, пожалуй, даже побольше. Как представитель партии, он ответствен буквально за все...

Климент Ефремович шевельнулся, вытянул поудобнее ногу, покосился на попутчиков. Они, вероятно, дремали.

Тройка неслась быстро по ровной дороге, сани плавно раскатывались на поворотах. Сзади то нарастали, появляясь из полутьмы, то расплывались, почти совсем исчезая, сопровождавшие всадники.

Климент Ефремович подумал с улыбкой, что самые правильные, самые нужные мысли появляются у него не в дискуссии, не во время споров, а в спокойной обстанов-

ке, чаще всего в пути, или когда он один, ничто не отвлекает, не возбуждает — и вот то, что тревожило, беспокоило, мучило его, постепенно начинает отливаться в понятные формы, в простые фразы. Мысль идет, как гайка по хорошей нарезке. Укрепляется вера в собственные возможности. Как сейчас.

Итак, через несколько часов он вступит в новую должность. Конечно, на первых порах без неполадок не обойдешься. Да и старый знакомый Семен Михайлович не очень-то охотно будет делить с ним власть. Буденный обидчив, крут в поступках. Уж чего-чего, а «страшных следов партизанщины», выражаясь словами Ленина, в буденновских эскадронах немало. Каким образом с этими недостатками бороться, Климент Ефремович решит на месте, по мере того как «следы» эти будут проявляться. А сейчас очень важно определить свою роль в новом деле.

Какую пользу способен принести он Конной армии, чем поможет командарму? Над этим следует поразмыслить... Буденновские полки и эскадроны возникли из мелких отрядов, самостоятельно поднявшихся на борьбу с беляками. Личный состав — почти полностью вчерашние крестьяне, казаки, многие из которых получили фронтовую закалку еще на империалистической войне, но в душе так и сохранили деревенскую или станичную закваску. И сам Буденный, и большинство его людей пришли в революцию стихийно, сердцем приняв Советскую власть, почувствовав в ней надежную защитницу своих интересов. Они готовы отстаивать республику в борьбе с белогвардейцами, хотя в общем-то далеко не всегда понимают, за какие идеалы сражаются. А если люди не знают точно, к какой цели идти, они могут колебаться, путаться, сбиваться с дороги.

Получилось так, что Первая Конная сейчас в основном крестьянская армия. Очень важно как можно скорее увеличить в ней партийную пролетарскую прослойку, пре-

вратить ее и по составу, и по духу в рабоче-крестьянскую армию. «Пролетарии — на коня!» — вспомнил он лозунг партии. В решении такой задачи Климент Ефремович и Семен Михайлович должны очень даже понимать и дополнять друг друга. Ворошилов полтора десятилетия в партии, у него пролетарская хватка, политическая подготовка — как раз то, чего недостает Буденному. Зато у Семена Михайловича огромный военный опыт, он хорошо знает бойцов, люди охотно идут за своим командармом.

И вот здесь, на гражданской войне, их интересы слились воедино. Им надо вместе отстаивать революцию.

Интересы-то слились, это безусловно. А вот как люди, как они сами притрутся один к другому? И не на день, не на месяц, а для долгой общей работы.

Глава вторая

1

Большое село Велико-Михайловка вытянулось длинной улицей, от которой в обе стороны сворачивали проулки. Вперемежку стояли рубленые российские избы и побеленные украинские хаты-мазанки, они попадались чаще. А на площади, возле церкви, несколько основательных кирпичных построек.

Недавний снежок припорошил воронки. Сквозь тонкий белый покров проступали кое-где пепелища со слабо чадившими головешками.

Для заседания подготовили пустовавший дом в центре села. Соседские женщины вымыли пол в просторной горнице, обмахнули пыль, повесили занавески. Хорошо вытопили печь. Посреди горницы — стол под цветастой клеенкой и пять стульев. Вдоль стен — широкие лавки.

Роман Леснов, Елизар Фомин и еще несколько человек, которые знали в лицо приехавших поездом командиров, были назначены в охрану. Фомин стоял на крыльце, загородив собой дверь. Леснов с винтовкой на плече прохаживался вдоль фасада, поглядывал то на распахнутые форточки, из которых тянуло табачным дымом, то на пустынную улицу. У соседнего двора зябли на тачанке два дежурных пулеметчика. Погода мутная, промозглая, лишь крайняя надобность выгонит кого из хаты. Две бабы прошли с коромыслами. Мужик проехал, свесив ноги с саней, заваленных почерневшими будыльями подсолнухов. Никому и невдомек, какое событие вершится сейчас в этом селе, в этом доме. Собрались два Революционных военных совета. Новый, только что создаваемой Конной армии и Реввоенсовет самого важного фронта республики — Южного фронта. Такие вопросы решаются, от которых и Мамонтову, и самому Деникину горько станет. Ближайшие сражения намечаются, планы на будущее.

Получилось так, что и Роман Леснов тоже вроде бы участник важнейших дел. Косвенный участник, но все же... Гордость и любопытство переполняли его. Прохаживался он степенно, с достоинством, хмуря брови и стараясь не заглядывать в окна. А ноги сами задерживались, и глаза сами косили поверх занавески. Через промытые стекла видны были середина горницы и люди возле стола. Согнутая спина Щаденко, который писал что-то. Против него, лицами к окнам, Сталин и Ворошилов.

Наверно, Сталин был немного простужен, не снял своей длинной солдатской шинели, лишь расстегнул крючки. Полуобернувшись к Ворошилову, спокойно слушал. Судя по возбужденному лицу, по резким жестам, Климент Ефремович произносил горячую речь. Невысокий, стройный, подтянутый, он выглядел среди собравшихся наиболее моложавым. Френч с четырьмя большими накладными карманами туго перехвачен ремнем. Наган, полевая сум-

ка. Вскочил порывисто: хоть сию минуту готов ринуться в схватку, увлечь за собой бойцов.

Буденный — весь внимание. Опершись на тяжелую шашку с медной рукояткой, подался вперед, ловя слова нового члена Реввоенсовета. И заметно было, не очень уверен в себе. Столько начальства прибыло, столько новостей — не сразу уяснишь, переваришь.

У Семена Михайловича лицо своеобразное, крупное. Большой нос, лихо закрученные усы. Под черными густыми бровями — калмыцкого разреза глаза. Сидит новый командарм у торца стола, против командующего Южным фронтом Егорова. По должности своей Александр Ильич самый главный здесь, самый старший, но этого не заметишь по его поведению. Скрестив на груди руки, слушает молча, чуть наклонив голову с большим лбом. «Что-то в нем от былинных русских богатырей...» — подумал Леснов.

Всего лишь несколько секунд глядел Роман поверх занавески, не успел даже рассмотреть, кто сидит на лавках, и заторопился дальше. Неудобно маячить под окном... Хорош *тот* часовой, который видит все вокруг, а для других незаметен. Эта мысль показалась Роману интересной. Даже не сама мысль, а четкость формулировки. Похоже на афоризм. «Вот как, совсем военным человеком становится товарищ Леснов»,— удовлетворенно подумал он о себе и поспешил к крыльцу, чтобы преподнести афоризм Фомину и вообще поделиться с ним впечатлениями. Но праздничная приподнятость Романа сразу разбилась о будничную озабоченность видавшего виды солдата.

— Не мотайся с места на место,— сказал ему Фомин.— Не стог сена охранять доверили.

— Там пулеметчики улицу просматривают.

— У пулеметчиков своя служба, у тебя — своя. Разговоры потом вести будем.

Нет, не почувствовал Елизар Фомин, при каком

событии им довелось присутствовать, не взволновался. Роман поскорей отошел от него, чтобы не угасло тревожное и радостное ощущение сопричастия к чему-то необычному, очень и очень серьезному.

На первый взгляд эта встреча за столом деревенской избы могла бы показаться случайной. Съехались люди, имевшие не очень-то много общего. Партийный руководитель Сталин и русский полковник фронтовик Егоров, долгое время воевавший на передовой. Профессиональный революционер Ворошилов, заводской рабочий, привыкший иметь дело с металлом, и крестьянин из Сальских степей, прирожденный кавалерист, отчаянный вояка, которого в эскадронах называли не только командиром, но и «батькой», и «атаманом». И все же... Такая встреча просто не могла не состояться. Они шли к ней долгие годы, каждый — своим путем. Но вместе их пути впервые перекрестились только в Велико-Михайловке. И пожалуй, решающим звеном, замкнувшим эту цепочку, оказался, сам не подозревая того, Александр Ильич Егоров.

Еще на германском фронте Александр Ильич сделал для себя окончательный вывод: военный и государственный аппарат страны настолько прогнил, что не способен ни к чему новому, умерщвляет все передовое, творческое, целесообразное. К тому же Егоров, выросший в городке Бузулук в не очень богатой семье, с детства видел тяготы и заботы трудового народа, знал, какой разрушительной волной прокатились теперь по деревням военные годы, как захирело крестьянское хозяйство без мужиков.

Ну, кончится победой эта война, а что принесет мир миллионам солдат, миллионам крестьян и рабочих, которые вернутся домой? Опять нищие избы, бесправие, каторжный труд? Неужели после ада боев, после моря пролитой крови все останется без перемен?

Александр Ильич никогда прежде не занимался политикой, но, едва свершилась революция, понял: рухнула

плотина, сдерживавшая развитие страны, открылись новые, многообещающие горизонты. Он сразу и без обиняков высказал свое мнение. И солдаты ответили ему полным доверием — избрали своим делегатом во ВЦИК.

В июле 1918 года Александр Ильич стал членом партии большевиков. Его назначили председателем Высшей аттестационной комиссии по отбору бывших офицеров в Красную Армию и одним из комиссаров Всероссийского главного штаба. Тогда же, в первое лето революции, он разработал докладную записку на имя Владимира Ильича, обосновал необходимость создания для обороны страны строго дисциплинированной регулярной армии, предложил ввести должность Главнокомандующего Вооруженными Силами республики, организовать при Главкоме авторитетный штаб.

Предложения Егорова были одобрены и быстро осуществлены.

Александр Ильич понимал, что приносит пользу, работая в столице, но все же не испытывал полного удовлетворения. Его место на передовой, где можно использовать все то, что было продумано, выношено им: сосредоточение сил на решающих направлениях и маневр, маневр, маневр. Особенно это важно на южных участках фронта, в степях, где белые располагают большим количеством подвижных войск, донской и кубанской конницей.

В ту пору, в конце восемнадцатого года, белогвардейцы в который уж раз вознамерились захватить Царицын — красную твердыню на Волге. К городу вел свои дивизии генерал Краснов. А советские полки были очень измотаны в предыдущих битвах, ослаблены тифом. Нелегкая ноша легла на плечи Александра Ильича — он принял от Климента Ефремовича 10-ю армию. Созданная из разрозненных частей и партизанских отрядов, она была любимым детищем Ворошилова. Вот тогда они и познакоми-

лись, вместе побывали в некоторых полках, съездили к конникам Семена Михайловича Буденного. Там и состоялся у них разговор о ведении боевых действий в условиях гражданской войны, и в первую очередь о роли кавалерийских частей и соединений.

После поражения в русско-японской войне в высших военных кругах царской армии сложилось убеждение, что конница не является больше самостоятельным родом войск. Куда уж ей против пушек и пулеметов! Пусть ведет разведку, устраивает набеги, несет дежурную и патрульную службу. Это мнение еще более окрепло во время войны с немцами. Враждующие армии зарылись в землю, обнесли свои позиции проволочными заграждениями, выставили минные поля. Ливень снарядов и пуль обрушивался на атакующих. Даже пехоте с танками редко удавалось прорвать такую оборону. А кавалерийские дивизии месяцами, годами ждали в тылу, когда появится возможность ринуться в прорыв, на оперативный простор, развить успех пехоты.

Не дождались.

И в Красной Армии теперь многие считали, что конница отжила свой век, превратилась в «ездящую пехоту». Формировались, правда, кавалерийские полки и бригады, но их подчиняли начальникам стрелковых дивизий. А обстановка между тем решительно изменилась. Сплошной фронт на гражданской войне отсутствовал, бои велись в основном на главных направлениях, вдоль магистральных дорог. Преимущество получал тот, кто имел подвижные войска. Это была та самая маневренная война, о которой много думал Егоров. Она сразу выделила из общей массы военачальников особого склада. У белых одним из таких был генерал Мамонтов. На стороне красных особенно проявил себя под Царицыном Семен Михайлович Буденный. Но белые более умело использовали свою конницу, объединив ее в дивизии и корпуса. Пано-

сили удары сжатым кулаком, а красные кавалеристы — растопыренными пальцами.

«Почему бы нам не создать свои крупные подвижные соединения? — такой вопрос задал тогда Ворошилову и Буденному Александр Ильич.— У нас достаточно всадников, найдутся люди, способные командовать крупными кавалерийскими группами».

Да, сильная конница была просто необходима. В 10-й армии удалось создать из партизанских отрядов первые кавалерийские бригады. Но дальше дело не пошло. Не хватало коней, вооружения. А главное — против формирования кавалерийских соединений решительно выступил председатель Высшего реввоенсовета Троцкий.

Семен Михайлович тогда, при первом же разговоре, напрямик спросил: почему, мол, этот самый председатель на конницу взъелся, какую мозоль ему кавалерийский конь отдавил? На это Александр Ильич ответил, что Троцкий действительно пренебрежительно относится к кавалерии и к кавалерийским начальникам. Считает этот род войск «аристократическим» и для дела революции малополезным. Конечно, казаки разгоняли демонстрации, участвовали в еврейских погромах. Верно, офицеры в коннице были все больше из аристократов, особенно до войны. «В войну-то всякий офицер был, сами знаете,— рассуждал Семен Михайлович.— Но не по офицерам счет. Рядовой казак или унтер — он кто? Такой же крестьянин, как и в пехоте. И среднего достатка, и голытьба. Взять хотя бы нас с Окой Городовиковым...» — «У Троцкого другая точка зрения»,— усмехнулся Егоров. «У него одна, у нас другая: вот и будем враскорячку, как некованая лошадь на льду».

Ворошилов, слушавший их, улыбнулся вдруг весело и озорно, заблестели его карие глаза: «Ничего, Семен Михайлович, подкуемся. Знаешь присказку — победителей не судят... Верно, Александр Ильич?»

Егоров кивнул. Они поняли друг друга.

Прошло несколько месяцев. За это время в 10-й армии постепенно окрепли две кавалерийские дивизии: 4-я под командованием Буденного и 6-я, которую возглавлял Апанасенко. И когда в мае девятнадцатого года под сильным напором белых пришлось отходить к Царицыну, Александр Ильич на собственный страх и риск объединил всю кавалерию в Первый Конный корпус, командовать которым назначил Семена Михайловича.

25 мая белогвардейцы форсировали реку Сал возле хутора Плетнева. Положение создалось угрожающее. И в этот момент по приказу Егорова на врага неожиданно обрушил всю свою силу конный корпус. Результат оказался блестящим. Пехота белых, находившаяся на северном берегу, была частью изрублена, частью взята в плеп. А было той пехоты немало — около трех полков. И трофеи достались богатые.

Случилось в том бою так, что Александру Ильичу пришлось вскочить в седло и повести за собой всадников, чтобы помочь Буденному. И никто не увидел в горячке, как рухнул сраженный пулей конь командарма, как упал, потеряв сознание, Егоров. Кусочек свинца навылет прошел через его левое плечо.

Кинулся Буденный после схватки: где командарм? Кто с ним был? Объехал все поле битвы, пока нашел Егорова метрах в четырехстах от хутора. Бойцы пытались и не могли остановить сильное кровотечение. Семен Михайлович разодрал на полосы свою нижнюю рубашку и сам перевязал раненого.

За тот успешный бой на реке Сал получил Егоров первую советскую награду — орден Красного Знамени. Это, конечно, была большая радость. А еще радовался он тому, что в трудном сражении доказапа была необходимость и целесообразность формирования крупных соединений красной конницы. И пожалуй, именно тогда у него,

у Ворошилова, у Буденного впервые появилась дерзкая мысль создать со временем целую Конную армию. Весь ход событий доказывал — это необходимо.

Корпус Буденного прославился в боях на Дону, под Воронежем. И вот наконец 19 ноября 1919 года командование Южным фронтом отдало приказ приступить к организации Первой Конной.

2

Начали с главного — с людей. Семен Михайлович коротко доложил о составе Конной армии. В ней три кавалерийские дивизии: 4, 6 и 11-я. Представил начдивов — Городовикова, Тимошенко и Матузенко. Все они были известны участникам заседания, их деловые и политические качества сомнений не вызывали. Им почти не задавали вопросов.

Климент Ефремович вообще слушал краем уха, занятый своими мыслями. Сейчас речь пойдет о политическом комиссаре буденновского корпуса Кивгеле. Он добросовестный работник, надежный коммунист. Семен Михайлович всегда горой за него. А Ворошилову придется выступить против. При всех своих положительных качествах не подойдет Кивгела для работы в новых условиях. В корпусе его влияние ощущалось слабо. Повсюду в Красной Армии прочно утвердились политработники, а в буденновской коннице их мало, авторитет невысок. Предстоит еще выяснить, почему так получилось, но одно не вызывает сомнений — для Кивгелы надобно найти другую должность.

Не испортить бы с самого начала отношения с Буденным. Он привык к независимости, а тут сразу и соратника отзывают, и единоначалию конец, власть — Реввоенсовету. И решать надо именно сейчас, когда армия толь-

ко создается. Все должно быть определено, чтобы потом не переделывать, не переиначивать. Хорошо, если бы Семен Михайлович осознал такую необходимость.

Между тем представление командного состава было завершено, в горнице остались только члены двух Реввоенсоветов и комиссар Кивгела.

— Сколько у вас коммунистов? — спросил Климент Ефремович.

— Во всем корпусе?

— Теперь уже в Конной армии.

— Больше двух сотен. Человек триста.

— Точнее.

— Не знаю.

— А кто должен знать, если не политкомиссар?

— Бои, потери,— произнес Кивгела.— Недавно одиннадцатая кавдивизия прибыла. Сводок не получаем.

— Мы сейчас даже личный состав не учитываем точно,— вступился за комиссара Буденный.— Все время в движении. Потери, отставшие.

Ворошилов лишь покосился на него и опять к Кивгеле:

— Как вести партийную и политическую работу, как опираться на коммунистов, если даже вы не знаете, сколько их?.. Скажите хотя бы, какова общая численность трех дивизий?

— Около семи тысяч.

— И всего двести партийцев!

— Руки не доходят.

— Но теперь в армии будет больше дивизий, значительно больше людей. Понимаете ли вы это, товарищ Кивгела? — Климент Ефремович хотел, чтобы комиссар сам понял: трудно ему будет справиться с новым объемом работы. Но на выручку опять поспешил Буденный.

— Товарищ Кивгела пользуется авторитетом. Бойцы его знают, привыкли. Давайте впишем его членом

Реввоенсовета, вместе воз тянуть будем. Предлагаю вписать.

Климент Ефремович чувствовал, как напрягся, ощетинился внутренне Семен Михайлович. Казалось, даже кончики усов торчат острыми пиками. Подрагивает рука на медной рукоятке шашки. Он словно необъезженный степной конь, почувствовавший вдруг уздечку, седло. Готов рвануться, сбросить всадника, освободиться от пут.

Так ведь то конь...

Конечно, нелегко сейчас Буденному. Год назад вольно казаковал он по родным просторам с партизанским отрядом. Привык ни от кого не зависеть, все решать самостоятельно. Но между отрядом и армией — дистанция огромная. Семен Михайлович, разумеется, понимает это, однако трудно ему расставаться с привычками, подчинять себя коллективной воле.

— Я против! — резко сказал Щаденко.— Я против включения Кивгелы в состав Реввоенсовета.

Буденный повернулся к нему, их взгляды столкнулись: вроде бы сталь звякнула.

Снова напряженная пауза.

Вероятно, Сталин почувствовал, что Буденный находится в таком состоянии, когда человек может сорваться от одного слова, от одного жеста, неизвестно, куда сгоряча занесет Семена Михайловича.

— Товарищ Кивгела действительно знает положение,— Сталин заговорил медленно, и его слова, падавшие размеренно и веско, успокаивали, заставляли подумать.— Товарищ Кивгела — ценный работник. Почему бы не ввести его в Реввоенсовет?

Напружинившееся тело Буденного заметно расслабилось, опустились плечи. Рука соскользнула с эфеса шашки. На лице — неуверенная полуулыбка:

— Вот и я про это...

— Ефим, почему ты против? Объясни,— сказал Кли-

мент Ефремович, желая, чтобы Семен Михайлович услышал веские доводы.

— Чем больше будет членов Реввоенсовета, тем больше безответственности.

— Думаю, Кивгеле слишком трудно работать в новых условиях. Да вы сами-то как на этот счет, товарищ Кивгела? — добивался своего Климент Ефремович. Тот пожал плечами, поглядывая на Буденного.

— Четырех человек в Военном совете иметь нельзя,— сказал молчавший до сих пор Егоров, и по его уверенному, доброжелательному тону было ясно: командующий знает нечто такое, с чем нет смысла спорить.— Война требует быстрых и твердых решений. Двое «за», один «против» — остается только выполнять. А если двое «за» и двое «против»? И это в тот момент, когда бой в полном разгаре... Ну, а если расширить состав до пяти человек, это будет уже совещательный орган, это парламент, конгресс, а не Реввоенсовет. Я считаю самым целесообразным первый вариант: Буденный, Ворошилов, Щаденко. А Кивгеле мы найдем достойное место, на политработников везде голод. Согласны, товарищ Кивгела?

— Да.

— В таком случае я снимаю свое предложение,— сказал Сталин.

— А ты не обижайся, Семен Михайлович, общее дело только выиграет,— весело произнес Ворошилов и подумал, что сегодня же надо поговорить с Семеном Михайловичем о его партийности. И для армии, и для самого Буденного лучше, если он станет коммунистом.

Совещание продолжалось. Александр Ильич Егоров заговорил о той роли, которую призвана сыграть Первая Конная:

— Хочу, чтобы в этом вопросе была полная ясность. Наша Конная армия создана для выполнения главной идеи плана партии по разгрому Деникина. Ей надлежит

рассечь фронт противника и стремительно двигаться вперед, увлекая за собой пехоту соседних соединений. Взгляните на карту. Решительным ударом через Донбасс мы расчленим Донскую и Добровольческую армии белых. Не одной конницей, разумеется. Кавалеристы будут взаимодействовать с 8-й и 13-й красными армиями.

— Нам нужна своя пехота,— сказал Семен Михайлович.— Соседям не накланяешься.

— Сколько? Бригада, дивизия?

— Лучше две стрелковые дивизии.

— Зачем так много, товарищ Буденный? — спросил Сталин.

— Стрелковые дивизии будут двигаться на основном направлении, послужат осью маневра кавалерийских частей.

— Я не военный специалист, не все понимаю, но выделить для вас пехоту будет очень трудно. Как вы считаете, товарищ Егоров?

— Все наши силы на передовой.

— А в перспективе?

— Постараемся. Но не будет ли пехота тормозить вас, Семен Михайлович? Конная армия создана для стремительного движения, а пехота медлительна.

— Стрелковые дивизии придадут нам устойчивость, укрепят тыл. И послужат осью маневра,— повторил Буденный.

— Согласен,— сказал Егоров.— Сейчас мы имеем только одну возможность: передавать вам в оперативное подчинение фланговые стрелковые дивизии соседних армий. Эти дивизии будут взаимодействовать с вами, пока вы рядом. А оторветесь, уйдете вперед — не ваша забота.

Климент Ефремович поднялся, привлекая к себе внимание:

— Хочу развить мысль Семена Михайловича. Заявить о создании Конной армии — этого еще мало. Надо уско-

рить передачу нам новых кавалерийских частей. Нужны люди для создания армейского штаба, политотдела, других учреждений. Требуется развернуть медицинскую и ветеринарную службы. Лазарет с командой выздоравливающих. И еще: отличившихся бойцов и командиров сразу представлять к наградам.

— Погоди о наградах-то,— усмехнулся Щаденко.

— А чего годить? Красные герои дерутся отчаянно. И должны чувствовать внимание, заботу. Выделять их в пример другим. Предлагаю просить для этой цели триста орденов Красного Знамени, а мы в недельный срок представим Реввоенсовету Южфронта перечень достойных с кратким описанием их подвигов.

— Не успеем за неделю,— сказал Щаденко.— А, Семен Михайлович? Кому писать-то?

— Прикажу — найдутся.

— Вы не спешите,— мягко улыбнулся Егоров.— Кто заслужил награду, тот получит. Давайте по существу... Мы, безусловно, постараемся расширить состав Конной армии до пяти дивизий. Но это потребует больших трудов и много времени. А сейчас для усиления пробивной мощи командование фронта передает в Первую Конную автобронеотряд имени Свердлова. Это пятнадцать грузовых автомобилей с установленными на них пулеметами. Кроме того, авиаотряд товарища Строева из двенадцати самолетов для ведения разведки и для связи. И еще — четыре бронепоезда: «Красный кавалерист», «Коммунар», «Смерть Директории» и «Рабочий». Это пока все.

— И то слава богу! — вырвалось у Буденного. Поморщился досадливо, скользнув настороженным взглядом по лицам. Никто вроде бы не заметил. Или сделали вид... Только у Ворошилова чуть приподнялась верхняя губа, выпятив короткую жесткую щеточку усов: сдерживает улыбку. А произнес вроде бы даже совсем серьезно:

— Авиэтки будут, может, нам, Семен Михайлович, самим в небеса подняться?

— Это еще зачем?

— На разведку.

— Я уж лучше поближе к земле. Привычней.

Минуту-другую собравшиеся обменивались шутливыми фразами, закуривали. Сизые струйки дыма протянулись к открытой форточке. Потом в наступившей тишине снова раздался голос Егорова.

— Попрошу внимания, товарищи. Мы не должны забывать, что у нашего начинания много противников. Многие руководящие работники считают, что создание Конной армии — затея надуманная и, больше того, неграмотная в военном отношении. По их мнению, на смену кавалерии пришла подвижная техника. Они мастера рассуждать, эти работники,— усмехнулся Егоров.— О какой технике речь, если не хватает даже винтовок. Но не сидеть же сложа руки? Массовой коннице белых мы противопоставим свою массовую конницу, как единственный в наших условиях подвижной род войск. Хочу особенно подчеркнуть, обращаясь к вам, товарищ Буденный, к вам, товарищ Ворошилов, и к вам, товарищ Щаденко: тех, кто не верит в красную конницу, заставьте поверить!

— Это мы сделаем! Не сумлевайтесь! — сказал Буденный, глядя прищуренными синими глазами поверх голов в окно — в снежную, холодную даль.

3

После утреннего заседания отправились обедать на квартиру Буденного. В большом купеческом доме, в столовой с высоким потолком, стол был накрыт по всем правилам. Скатерть накрахмалена. Закуска на любой

вкус. Огурцы соленые, капуста квашеная, грибы. Тонкими ломтиками нарезано сало. Блюдо с холодным мясом окружено заграничными консервными банками.

Для гостей, приехавших из центра, привыкших пробавляться чаем с воблой да кусочком хлеба, такой стол — роскошь. А у дородной хозяйки уже парила на кухне разварная картошка с курятиной.

— Сытно живете, Семен Михайлович! — покачал головой Ворошилов.

— Расстарались хлопцы,— Буденный сам был немного смущен таким обилием и разнообразием. В обычные дни за делами и к столу присесть некогда, жевал на ходу что подвернется, а тут генеральское угощение!

— Молодцы,— одобрил Егоров.— Кавалерийская традиция: последнее выложи, а гостей встречай подобающим образом.

— Совсем как у нас в Грузии,— улыбнулся, устраиваясь поудобнее, Сталин.— Только непохоже, что они выкладывают последнее. Верно, товарищ Буденный?

— Есть кое-какие запасы, не без того.

— Ну вот,— сказал Егоров.— А нам предлагают взять Первую Конную на полное довольствие Южного фронта. Да у вас такие деликатесы, каких ни на одном складе не обнаружишь.

— С продовольствием терпимо. На подножном корму перебьемся. С патронами плохо, с обмундированием. Что у белых добудем, то и носим.

— Знаю, товарищ Буденный. Мы позаботимся, чтобы вам отгрузили боеприпасы в первую очередь. А сейчас все же давайте закусим...

Климент Ефремович хоть и давно знал Егорова, впервые видел его в застолье, в непринужденной обстановке, и позавидовал умению владеть собой. У Ворошилова еще возбуждение не улеглось после заседания. Даже в тарелку смотреть не хотел. Это у него всегда так: если

настроился на работу, распалился, тут уж и еда не еда, и сон не сон, пока не доведет дело до конца или сам не вымотается.

Нетерпение одолевало его. А Егоров и Сталин обедали без спешки, с явным удовольствием. Наконец Егоров сказал:

— Ну что же, дорогие гости, не утомили мы хозяйку? — И после паузы: — У меня есть предложение. Ночью мы не выспались, встали рано. Давайте теперь отдохнем, а заседание продолжим вечером, на свежую голову.

Никто не стал возражать. Разобрали в сенях шинели и бекеши. Семен Михайлович отправился проводить Сталина на отведенную для него квартиру. Шел по-уставному на полшага сзади, чуть косолапя, как многие кавалеристы.

Глядя им вслед, Ворошилов подумал, что сегодня у Буденного очень трудный день. Столько начальства, столько сразу перемен, новых забот. А держится твердо, с достоинством. Вроде бы даже подчеркивает своим поведением: вы хоть и руководители, но сила-то вот она где, в моих руках... И действительно, пока что вся собранная Семеном Михайловичем конница признает только его авторитет...

— Климент Ефремович, вы спать будете? — поинтересовался Егоров, они вдвоем шли по тихой, безлюдной улице.

— Какой уж тут сон...

— И у меня особого желания нет. О Буденном думаю.

— Я тоже,— Климента Ефремовича порадовало такое совпадение.— Мне с ним работать.

— Заходите,— пригласил Егоров.— Чайком побалуемся.

В хате Александр Ильич придвинул к столу два стула, расстегнул ворот гимнастерки и сел в излюбленной

своей позе, скрестив на груди сильные руки. Климент Ефремович ожидал продолжения прерванного разговора, но Егоров начал вроде бы совсем о другом:

— Донские, кубанские, да и терские казаки за честь почитают у Мамонтова служить. Пожалуй, лучший кавалерийский генерал. Умен, удачлив, не боится риска.

— Что это вы так его? Даже слушать неприятно,— настороженно усмехнулся Ворошилов.

— Хочу ясность внести, Климент Ефремович. Среди кавалеристов Мамонтов — персона известная и даже почетная. А кто эту персону колошматил? Кто лучшие его полки растрепал? Причем дважды, под Воронежем и под Касторной... От кого Мамонтов уходит, не принимая боя? У казаков, у кавалеристов свой особый мирок, свой беспроволочный телеграф, свои критерии. Семен Михайлович, к примеру, еще летом на гребень славы поднялся. Его не только наши, но и беляки уважать стали. Особенно рядовые. Вот, мол, свой брат, урядником был, а теперь над генералами победы одерживает... И учтите: он прекрасно знает об этом.

— Буденный-то?

— Да, Климент Ефремович... Я часто встречался с ним, бывали вместе в сложных ситуациях. Он очень самобытный человек. За долгую службу Семен Михайлович видел много разных начальников, подчинялся им, слушал их, а теперь бьет их в бою.

— К чему вы это, Александр Ильич?

— У него своеобразный характер, все на ус намотает, все взвесит, да не всегда скажет, не всегда приоткроется. Вы щадите, пожалуйста, его самолюбие. Он постепенно отойдет от прежних привычек, оценит роль Реввоенсовета.

— Я всегда говорю то, что думаю.

— Да ведь одно и то же можно по-разному выразить. Давно замечено: сильные, незаурядные натуры часто бывают очень уязвимы, обидчивы.

— От нас он не качнется.

— Я тоже так считаю. Но не забывайте, Климент Ефремович, что в Первой Конной еще практически нет политаппарата, а все командиры — друзья и приятели Семена Михайловича, он им царь и бог. Любое недовольство Буденного сразу станет их недовольством. А они рубаки, горячие головы.

— Отличные кадры!

— Одно другому не противоречит. Я называю их «камешками»,— улыбнулся Александр Ильич.— Ветераны: кремни, оббитые и обкатанные двумя войнами. И это целое поколение людей от двадцати до тридцати лет. Их взяли под ружье совсем молодыми, еще не приобщившимися к труду. Они привыкли жить без забот, на казенных харчах, служба им не в тягость, знают ее досконально. Эти люди составляют основу кавалерии и у нас, и у белых. В пехоте это меньше заметно.

— Есть грань — к белым подались крестьяне и казаки из зажиточных.

— Безусловно, Климент Ефремович, но я хочу сказать о том, что ветеранами следует заняться в первую очередь. Их мнение, их настроение — решающее в эскадронах.

— Подступиться к ним трудно.

— В этом вся суть... А ведь ветераны, эти самые крепкие «камешки» — резерв командного состава для новых формирований. Поделикатней с ними, и особенно с Семеном Михайловичем...

— Поделикатней? — удивленно переспросил Ворошилов.— Барышни они, что ли?!

— Может, это не совсем подходящее слово, но другого сейчас не подберу.

— Да,— засмеялся Климент Ефремович,— прямо скажем: таких необычных распоряжений получать еще не доводилось.

— Это не распоряжение, это совет. Пожелание, если хотите,— ответил Егоров.

4

В тот же день Ворошилову удалось побеседовать с Семеном Михайловичем о его политических взглядах.

— Вы считаете себя большевиком? — напрямик спросил он.

— Так точно!

— Но вы не состоите в нашей партии.

— Нет, о чем и сожалею.

— Сожалеете?

— Очень даже. И давно считаю себя партийным.

— С какого времени, Семен Михайлович?

— Еще в семнадцатом году по заданию партийной организации разоружал «дикую» дивизию в Орше. А потом у себя в родной станице Советскую власть создавали...

— Это действительно конкретная партийная работа. Это наша большевистская работа,— кивнул Ворошилов.— Но почему заявление не подали о вступлении в партию?

— Горячка. То у меня времени нет, то другим недосуг. Писал в Политуправление десятой армии, просил принять, даже копия у меня есть. А ответа не получил. Небось шибко заняты люди были. А тут вскорости наш корпус вышел из состава десятой...

— Вы делом доказали свою партийность, Семен Михайлович, и это самое главное. Остается только формально закрепить такое положение. Я немедленно поставлю этот вопрос на заседании Реввоенсовета. Будучи коммунистом, вы сможете полнее использовать в Конной армии силу и влияние партийной организации.

— Я бы со всем удовольствием, только это самое,— запнулся Семен Михайлович,— этих... рекомендаций у меня нет.

— За рекомендациями дело не станет. Товарищ Сталин говорил мне, что готов поручиться за вас. И я полностью доверяю вам и тоже даю свою рекомендацию. Надеюсь, не придется краснеть!

Ошеломленный Семен Михайлович не сразу сумел ответить.

— Так ведь я!..— прижал он руки к груди.— Я теперь навсегда верой и правдой!

— Семен Михайлович,— голос Ворошилова звучал мягко, дружески.— Я помню ваше письмо, в котором вы настаивали на создании в Красной Армии крупного кавалерийского соединения. Командование Южного фронта учло ваше мнение. Владимир Ильич поддержал инициативу Реввоенсовета в создании Первой Конной. Ваша мечта сбылась. Как будет действовать Конная армия, оправдает ли она наши надежды, во многом зависит от тебя — командующего и члена партии. Согласен со мной? — Климент Ефремович даже не заметил, как перешел на «ты».

— Да! — сказал Буденный.— Я согласен! Я всей душой!

5

У генерала Мамонтова разболелась нога. Еще в октябре, но до боев за Воронеж, угодил он в перестрелку. Шальная пуля, ослабевшая на излете, пробила сапог, стукнула в кость. Рана затянулась, зажила, но все еще давала себя знать, особенно при резких движениях. Это раздражало Мамонтова, ухудшалось настроение, и без того далеко не радостное.

Вчера ездил в седле, потом трясся в повозке — и вот,

пожалуйста. Надо бы полежать несколько дней, но обстановка такая, что отдохнуть некогда. Буденный давит, давит безостановочно. Взял Волоконовку, развернул наступление на Валуйки.

Да и вообще, что это за вид: кавалерийский генерал в постели! Принимает доклады и дает распоряжения лежа, как последний штафедроп! Нет, настоящий кавалерист бодр и весел до самой смертной доски, а Мамонтов считал себя истинным конником, рожденным для боев и походов. Будучи в душе немного артистом, он любил покрасоваться перед публикой, охотно играл роль «идеального» кавалерийского генерала: вот он, высокий, стройный, с мужественным лицом (у Мамонтова действительно было такое лицо, нравившееся — он знал — женщинам), гарцует перед строем лихих казаков на белом своем коне. Синий походный бешмет сшит у столичного портного... Нет, лучше в шелковой рубашке, облегающей грудь и плечи, с кавказским наборным ремешком, с плетеной нагайкой, покачивающейся на сыромятной петле...

Он повернулся к зеркалу и невольно поморщился, увидев осунувшуюся, серую, постаревшую физиономию, обвисшие седеющие усы. Черт знает, как измотали его неудачи, отступление и эта нудная боль. Надо вызвать цирюльника.

Через полчаса Мамонтов вышел к ожидавшим его офицерам в мундире, свежевыбритый, как всегда, полный решительности и уверенности.

— Садитесь, господа. Докладывайте.

Слушал, посматривая на карту. Положение своих частей, соседей, противника. Наличие людей, лошадей, боеприпасов, фуража. Все это воспринималось машинально, автоматически. Резануло слух лишь необыкновенное словосочетание — Конная армия! Несколько раз упоминалось оно за последние дни, но все еще не привык. От

разведчиков, от пленных было известно, что красные создают или создали уже такую армию, и, когда говорилось об этом, Мамонтов испытывал чувство, в котором не хотел признаваться даже самому себе. Он чувствовал зависть.

Конная армия — давняя мечта генералов, венец всего развития кавалерии. И кому, как не Мамонтову, теоретику и практику боевого использования конницы, возглавить бы столь необычное воинское объединение?! Но по иронии судьбы оно создано врагами и командовать им будет не самый известный кавалерийский генерал, а какой-то старший урядник, лишь несколько месяцев назад вылупившийся из ничего в круговерти всероссийского хаоса.

Ходили слухи, что Буденный — фамилия вымышленная, под которой скрывается один из соратников Скобелева. Но это, конечно, для утешения любителей иллюзий. А истина такова: недавний старший урядник оказался способнее и хитрее Шкуро, Улагая и даже самого Мамонтова. Действовал Буденный расчетливо, не по шаблону. И еще: ему чертовски везло. Бывает так: фортуна повернется лицом, удача сама идет в руки. А у Мамонтова полоса блестящих успехов сменилась полосой поражений. Ранение, разногласия с Шкуро, мерзкая погода — одно к одному. Казаки, увлеченные им в дальний рейд, сначала шли очень охотно, надеясь пограбить, попользоваться чужим добром. И пользовались, разумеется. Но когда стало трудно, когда нажал на пятки Буденный, пропала у казаков охота воевать в чужих губерниях. Потянуло назад, к родным хуторам и станицам.

Фортуна фортуной, а Буденного надо остановить, и как раз теперь, пока отступление белых не превратилось в бегство. Разведка докладывает, что в штаб противника прибыли представители высшего командования, все начальники дивизий на совещании. Это хорошо. Основные

силы 6-й кавалерийской дивизии красных, заняв Волоконовку, прошли дальше на юг. Отлично! Казаки Мамонтова нависли над левым открытым флангом Буденного: более выгодную обстановку трудно представить. И если завтра нанести удар по Волоконовке на стыке двух красных дивизий... Причем не только своими силами, а привлечь к наступлению генерала Науменко...

Начальник штаба еще продолжал докладывать, а у Мамонтова уже готово было решение. Забыв про боль в ноге, он произнес весело:

— Господа, у всех есть карты? Обстановка понятна? Пора наконец воздать новоявленному красному генералу все, что он заслужил!

— Ох, пора, ваше превосходительство! — обрадованно выдохнул кто-то.

6

7 декабря, едва рассвело, поехали на передовую. Егоров и Сталин уселись в сани, сославшись на то, что кавалеристы они неважные. Им настелили сена, дали тулупы. Малорослый Сталин совсем утонул в теплой овчине, виднелась только черная шапка, да глаза поблескивали из-под нее. Александр Ильич мороза не боялся, сидел в шинели, прикрыв тулупом лишь ноги. Внимательно оглядывал безлесый простор. Искрились под холодным солнцем снега. Было пусто, тихо, никакого напоминания о войне, только впереди глухо погромыхивало.

Семен Михайлович предупредил Ворошилова: в поле крепко прихватывает мороз. Предложил бурку, но Клименту Ефремовичу бурки казались слишком тяжелыми, давили на плечи, стесняли движения. Под ними только дремать хорошо. Надел две нижние рубашки, френч, бекешу из плотного зеленого сукна на добротной подклад-

ке — и ничего, терпимо. Только ухо, не прикрытое папахой, пощипывало: приходилось сдвигать папаху с одного на другое.

Конь Клименту Ефремовичу достался редкой игреневой масти, невысокий, статный, широкогрудый и, чувствовалось, выносливый. Из офицерских, трофейный. Он послушно, привычно выполнял все команды, но в его поведении ощущалось безразличие и к новому хозяину, и к зимней дороге, и к громыханию канонады. Заметив несколько шрамов на крупе коня, Климент Ефремович ласково потрепал его холку: «Сколько же ты воюешь, бедолага молчаливая? Может, и германскую отломал, и эту теперь... Скольких людей с тебя пули и осколки на землю скипули? Немало, знать, повидал ты этими выпуклыми глазами, прежде чем опостылело тебе все до полного равнодушия...»

Он еще раз погладил ладонью его шею и ощутил мелкую дрожь, пробежавшую по коже коня. Игреневый покосился па седока, мотнул головой, пошел веселее.

Метров на двести опередив сани, двигался эскадрон Особого резервного кавдивизиона — личный резерв Буденного. Следом, бок о бок, начальник 4-й кавдивизии Городовиков и Щаденко. Сам Семен Михайлович держался возле гостей, свешивался с седла, что-то рассказывая. Когда дорога суживалась среди заносов, придерживал жеребца, пропуская сани.

Климент Ефремович присоединился к бойцам замыкающего эскадрона. Встретил знакомых из бывшего Морозовского отряда, который примкнул к группе Ворошилова, когда пробивался в прошлом году через донские хутора па Царицын. Здесь были и другие бойцы, помнившие Ворошилова по 5-й и по 10-й армиям. Народ все больше немолодой, самостоятельный. «Обкатанные камешки»,— вспомнилось выражение Егорова. Каждый со своим до-

стоинством, не то что робкие первогодки, которых не разберешь в куче...

Угощая ветеранов папиросами, вспоминая прошлые бои, Климент Ефремович приглядывался, слушал внимательно. Сразу заметно: подразделение это крепкое, вояки подобраны бывалые. И обмундирование хорошее, и кони ухоженные, упитанные, втянутые в походы. Основной костяк Особого резервного кавдивизиона — земляки Буденного, с которыми он создавал свой отряд, потом полк. Всех Семен Михайлович знал лично: полное взаимное понимание, взаимная выручка.

Летом восемнадцатого года Климент Ефремович видел отряд Буденного в бою и удивлен был необычной тактикой, основанной на вере в эту самую взаимную выручку, замешанную на дружбе и на землячестве. В атакующей лаве выделялись многочисленные звенья из двух-трех всадников. Впереди — опытный рубака с неотразимым ударом. А чуть сзади или чуть в стороне — отличный стрелок с карабином или с наганом, он прикрывал напарника, расчищал ему путь огнем. Может, и не всегда попадал на полном скаку, но не очень-то уверенно чувствует себя враг, когда рядом свистят пули, когда шарахается конь. А неуверенного и рубить проще.

С такой тактикой разбивали буденновцы противника, вдвое и втрое превосходившего по численности. Конечно, в обычных сабельных эскадронах, где народ разный, где всегда текучесть, трудно добиться столь крепкой спайки, но в Особом кавдивизионе отрядные традиции полностью сохранились. Надо бы их по всей Конной армии распространить...

Когда Семен Михайлович в очередной раз отстал от саней, Ворошилов подъехал к нему:

— Поговорил с хлопцами. Орлы!

— А там у меня почти каждый или унтер, или георгиевский кавалер.

— Старая гвардия?

— Почему старая? — не понял Буденный.— Как раз подходящий возраст.

— У Наполеона была гвардия из самых закаленных солдат. Опора, телохранители. Только в крайнем случае в бой пускал. Даже на Бородинском поле в атаку не двинул. Опасался, что перемелят.

— Башковитый мужчина,— одобрил Семен Михайлович.— При такой гвардии в спину не выстрелят, сонного не скрутят.

— Вот и у тебя тоже.

— Без Особого кавдивизиона нельзя. И охрана, и конвой, и всегда резерв при мне. Война такая: сейчас в поле пусто, а через минуту казаки из балки или из-за леска.— Буденный вскинул руку, прикрываясь от солнца, оглядел сверкающий белый простор. Недовольно обратился к подъехавшему Городовикову: — Где же твои части, Ока Иванович?

— За Волоконовкой. Скоро нагоним. Люди гордиться будут: такое начальство к нам в самое пекло! — с детской откровенностью радовался начдив.

— Не нужно в пекло-то,— усмехнулся Ворошилов.— Зачем нам фронтовым командованием рисковать? С хорошего пригорочка, да в бинокль.

— Тоже так думаю,— согласился Семен Михайлович.— Под Волоконовкой как раз холмы. Только от Егорова биноклем не отделаешься...

Дорога начала полого спускаться в низину, к замерзшему ручью. Громче звучала канонада, можно было различить отдельные выстрелы. За бревенчатым мостиком догнали странную кавалькаду. Сильные артиллерийские лошади с трудом тянули по снежному месиву серые бронеавтомобили с пулеметами в приплюснутых башнях. Водители помогали только тем, что рулили да покрикивали из открытых дверей.

Подбежал командир в полушубке, в больших валенках, доложил: броневики выдвигаются согласно приказу, отстали от дивизии по причине плохой дороги.

— Неисправные? — поинтересовался Ворошилов.

— Как это неисправные?! — в голосе командира звучала обида.— У нас полный порядок!

— Давно вы на конной тяге?

— С самого Воронежа. Заносы — колесом не проедешь. Да и горючего одни слезы.

— Не жалься,— сказал Буденный.— Хороших дорог не обещаю, а горючее будет в Валуйках. Станцию захватим — и будет. Товарищ Ворошилов пущай знает: на марше броневикам за конницей не угнаться. А как затычка у наших — тут, глядишь, и броневики подоспели, помогут своим огоньком.

— Смешки нам слухать осточертело. Вон эскадрон подходит, уже ощеряются весельчаки.

— Нашел обиду — жеребцы ржут! — ухмыльнулся Буденный, трогая коня.

Когда отъехали порядочно, Ворошилов сказал:

— Мало мы орденов попросили. Эти, которые с броневиками мыкаются, разве они недостойны?!

— Таких достойных у нас не сосчитаешь. Наград не хватит...— Семен Михайлович хотел добавить еще что-то, но запнулся, привстал на стременах. С тугим свистом пронеслись над головами снаряды, четыре черных фонтана вскинулись позади замыкающего эскадрона. Еще четыре — на дне низины. Потом левее. А впереди, за гребнем высотки, быстро нарастала пальба, перемежались дальние и близкие пулеметные очереди.

— Городовиков, туда-растуда, это еще что за новости?! — крикнул Буденный.— В чьих руках Волоконовка?

— Вчера взяли! — Ока Иванович был удивлен не меньше командарма.— Сейчас проверю.

— Вместе! — рванулся вперед Буденный.

Климент Ефремович поскакал следом.

Вынеслись на высотку и замерли, пораженные открывшейся вдруг панорамой. Вдали, за обширной равниной, смутно угадывались постройки населенного пункта. Оттуда темной массой двигалась конница, заполонившая уже почти треть видимого пространства. У горизонта эта масса была сплошной, слитной, но, чем ближе, тем заметней она редела, можно было различить интервалы между казачьими сотнями, взводами и даже отдельными всадниками.

Растекаясь вправо и влево, белая конница принимала боевой порядок, готовясь к атаке.

У подножия высоты развертывались полки 4-й кавалерийской дивизии, непонятно почему оказавшейся здесь. Выдвинутые для прикрытия пулеметные тачанки уже вели огонь по казакам, без ощутимого, впрочем, результата из-за дальности расстояния. Артиллерия тоже била по противнику, белые отвечали.

— Городовиков, чего стал! Командуй своими! — крикнул Буденный.

Ока Иванович прихлопнул рукой кубанку, чтобы не снесло, с места бросил коня в галоп.

Семен Михайлович остановился возле саней:

— Товарищ Егоров, товарищ Сталин, вам лучше уехать.

— Неожиданные осложнения,— подтвердил Ворошилов.

— Вы считаете обстановку очень серьезной?

— У нас открытый фланг, казаки могут обойти,— объяснил Буденный.

— Понимаю ваше беспокойство. Но если уж мы здесь... Как вы думаете, товарищ Егоров?

— Надо остаться,— Александр Ильич, расставив ноги, утвердился на самом гребне высотки.— Такой обзор... И поздно теперь уезжать. Здесь мы при войсках.

Климент Ефремович уважительно глянул на Егорова — обзор для него хороший! А ведь он рискует, пожалуй, больше всех. Не о смерти речь, смерть для всех одинакова. Однако убить командующего фронтом — случай из ряда вон выходящий, один, может, за всю войну. А уж в плен взять — тем более... Сталина, Ворошилова и Буденного беляки либо расстреляют, либо предложат обменять на своих генералов. А Егорову припомнят офицерское звание, спросят: почему, такой-растакой, добросовестно служишь красной власти?!

События между тем развивались стремительно. С высотки было видно, как подскакал к своим полкам Городовиков, как сгрудились возле него командиры, потом рассыпались в разные стороны. Минута, другая, и вот длинные шеренги кавалеристов качнулись, двинулись вперед, набирая скорость. Протяжный слитный крик долетел оттуда, заглушая пальбу.

Тем, кто находился внизу, на равнине, трудно было разобраться, понять, кого больше — красных или белых, как расположены их войска. Там у каждого свой узкий участок, там противостоял взводу взвод, красный эскадрон — казачьей сотне. А с высотки сразу бросалось в глаза одно очень тревожное обстоятельство: лава 4-й кавдивизии, катившаяся сейчас как раз на вражеский центр, была значительно меньше растекавшейся и расширявшейся казачьей массы. Беляки, находившиеся на флангах и в глубине построения, даже не видели еще атакующих.

Передние ряды красных и белых схлестнулись, перемешались, сверкнули лезвия шашек. Клименту Ефремовичу показалось, что сейчас, в эти напряженные секунды, решится исход боя. Но враждебные тысячные массы конницы были слишком велики для того, чтобы успех или неудача определились сразу, при стычке передовых линий. Во всяком случае, через какое-то небольшое вре-

мя между красными и белыми вновь образовался промежуток, достигавший сотен метров, а то и полукилометра. В этом промежутке носились лошади без седоков, скакали одиночные всадники, бросались вперед целые группы, даже очень большие, может быть, полки. Сталкивались, откатывались, оставляя на поле трупы, ползущих раненых.

С обеих сторон велась стрельба, некоторые кавалеристы даже спешились, били с колена и лежа. У буденновцев оказалось больше пулеметов, особенно на тачанках. Вероятно, пулеметный огонь как раз и сдерживал, отрезвлял беляков, не позволяя им идти на сближение.

Понял Климент Ефремович и еще одно: люди, оказавшиеся на равнине, на поле боя, не торопятся, не суетятся, делают свое привычное дело. Они ведь сталкиваются с врагом в малых и больших схватках почти ежедневно. И если бы каждый бой состоял из тех лихих атак, из той отчаянной рубки, о которых любят рассказывать конники на досуге, то враждующие стороны давно были бы истреблены. А в действительности, несмотря на частые стычки и схватки, на разбивание и рассеивание частей, численный состав враждующих сторон изменялся сравнительно мало.

И буденновцы, и казаки выходили на поле боя не как новички, готовые колошматить и мутузить один другого, а как опытные мастера, стремившиеся достигнуть крупного успеха ценой небольших потерь. Не спешили, не бились оголтело лоб в лоб, а ожидали, пока враг допустит ошибку, оплошность, чтобы немедленно этим воспользоваться. А нет — постреляют и разъедутся восвояси. Или возьмет перевес тот, у кого больше всадников, сильнее огонь.

Однако бывали и такие сражения, которые предопределяли ход боевых действий на недели и даже на месяцы.

И тогда противники не считались с риском, с утратами, шли на все, не щадя себя ради победы.

Известно было Клименту Ефремовичу, что даже бывалые кавалеристы, за редким исключением, по возможности избегают рубить шашкой или колоть пикой. Застрелить — одно. А вонзить клинок в живое тело — к этому невозможно привыкнуть. И лишь в решающих схватках, когда сходились грудь на грудь, когда в дикой горячке забывалось все, тогда и рубили, и кололи, и руками душили.

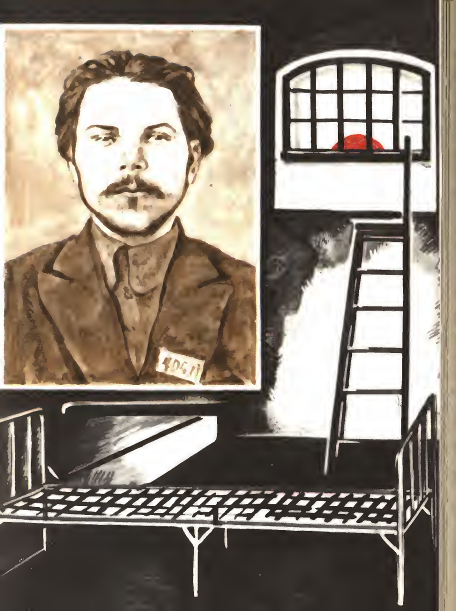
Похоже, именно такая схватка закипала сейчас, хотя люди еще и не осознали этого, еще не произошел тот перелом, который отделяет обычную боевую службу от безоглядной яростной ожесточенности.

Судя по всему, противник намеревался дать большой решающий бой. Постепенно прояснялся замысел белых. Развернув на тулупе карту, Егоров высказывал Сталину свои соображения.

— Шестая кавдивизия Тимошенко, взявшая вчера Волоконовку, проследовала дальше, а дивизия Городовикова вышла к населенному пункту только сегодня. Этим и воспользовался противник: захватив Волоконовку, мамонтовцы вбили клин между дивизиями красных. Часть сил бросили, вероятно, в тыл Тимошенко, часть повернули против Городовикова. Намереваются бить их поодиночке. Замысел весьма опасный,— объективно оценил Александр Ильич.

Перевес противника становился все заметней. Если в центре бой шел на равных, с переменным успехом, то на флангах казаки имели явное преимущество. Особенно слева, как раз против высотки. Туда не доставал пулеметный огонь с тачанок. Группы казаков, подавляя незначительное сопротивление, все глубже охватывали боевые порядки 4-й кавдивизии.

— Семен Михайлович,— Ворошилов, понизив голос,

кивнул в сторону начальства,— какое решение ты принял?

— Атакую резервным кавдивизионом.

— Маловато.

— Больше ничего нет. А дивизион — бригады стоит!

— Не затягивай, действуй. Того гляди, прорвутся сюда казаки!

Буденный повернулся в седле — лицо побагровело, глаза навыкате, голос звучал гневно:

— Чего учишь, сам знаю! Без прикрытия Реввоенсовет не брошу! Жду, пока пулеметчики развернутся!

— Какие еще пулеметчики?!

Буденный указал нагайкой через плечо. Климент Ефремович, обернувшись, увидел упряжки с броневиками. Ездовые нещадно хлестали коней, подталкивали сзади тяжелые машины. Вот первая из них выкатилась на гребень. Шевельнулась плоская башня. Глухо простучала пробная очередь.

— Теперь можно! — крикнул Буденный, выезжая к готовому для атаки Особому дивизиону. Привстав на стременах, выхватил из ножен клинок, качнул его над головой вправо, влево, резким движением выбросил лезвие прямо перед собой и ударил шпорами жеребца. Строй покатился по скату следом за ним.

Климент Ефремович не понял, толкнул ли коня, или сам игреневый, привычный к бою, рванулся вместе с другими,— во всяком случае, Ворошилов оказался в атакующей лаве, недалеко от Буденного, и поздно было натягивать поводья. Но, даже имея такую возможность, он ни за что не остановился бы, увлеченный общим порывом, охваченный азартом боя. Пригнувшись к шее коня, летел он, вскинув шашку и выбирая далекую еще цель. Весь — стиснутая пружина, восприятие обострено, и никакой черт не был страшен ему!

Успел заметить, что справа и слева от Буденного

вырвались вперед, выставив пики, несколько всадников, а следом за Семеном Михайловичем скакал калмык в лисьей шапке, без пики и без шашки, с одним карабином в руке — лучший стрелок. И рядом с собой тоже увидел Ворошилов чубатого донца в фуражке с околышем, высунувшего острие пики.

За спиной, почти над ухом, грянул выстрел, и казачий офицер, скакавший на Ворошилова, начал заваливаться в седле. Конь его вскинулся на дыбы. Игренька сам обошел врага слева, подставляя его под удар, но Ворошилов не успел секануть падавшего офицера, лишь концом клинка ощутил на мгновение что-то податливое, мягкое. Игреневый пронес его дальше.

Бойцы, обогнавшие Ворошилова, врезались в плотный строй казаков. Там рубились с криком, с хрипом, с дикими воплями. Звенели клинки, ржали лошади.

Остывая, Климент Ефремович сдержал коня, огляделся. Подумал радостно, что атака удалась, белые пятятся! Снизу, с поля боя, ему не было видно, как в считанные минуты атака Особого кавдивизиона изменила весь ход сражения. Белые начали перестраивать свои части в центре, поворачивая сотни навстречу новой, еще не совсем понятной опасности. И тут же, воспользовавшись замешательством у противника, заметив, как ослаб его огонь, пошли вперед эскадроны Городовикова.

Некоторое время белые еще держались, но настроение уже переменилось, вера в успех была поколеблена. Те, кто находился на флангах, с опаской прислушивались: как там в центре, не прорвались ли красные? А на главном участке все больше боялись за фланги. Не дай бог, обойдут буденновцы, отрежут пути отхода.

Потери у казаков были невелики, но они не добились выигрыша, задуманный план сорвался, положение осложнилось. Белые начали отходить на юго-восток, к Волоконовке.

Казалось, бой скоро закончится, не принеся заметной удачи ни одной из сторон. Но случилось такое, чего не ожидали ни мамонтовцы, ни красные кавалеристы. Начальник 6-й кавдивизии Тимошенко, узнав о вклинении врага и слыша у себя в тылу звуки большого боя, повернул свои полки назад и поспешил на помощь Городовикову. Отступавшая, потерявшая боевой настрой масса казаков, стремившаяся лишь к одному — оторваться от преследования, натолкнулась вдруг на свежую, развернутую для атаки дивизию красных.

Обрушившись на казаков, Тимошенко погнал их вспять, при этом окончательно перепутались все вражеские части и подразделения, управление ими было потеряно. Огромной дезорганизованной кучей кинулись они в сторону 4-й кавалерийской дивизии, а там пулеметные тачанки встретили их свинцовым ливнем.

Белые метались по всему обширному полю, утратив ориентировку, не соображая, где свои, где чужие. Сабельные эскадроны двух красных дивизий гоняли их, рассеивали, рубили. Лишь отдельным группам удалось вырваться из «мешка», большинство казаков полегло под пулями, под ударами шашек. Побоище длилось долго.

Буденный подскакал к Ворошилову в распахнутой бекеше. У загнанного жеребца мылилась в пахах пена.

— Видел, Клим Ефремович! Ай, молодец Тимошенко!

Хотел бросить шашку в ножны, но замедлил движение руки: клинок не блестел, а будто покрылся легким налетом ржавчины. Брезгливо поморщившись, Буденный достал из кармана галифе большой клетчатый платок, протер клинок раз, другой и швырнул покрасневшую тряпку на землю.

Ординарец за его спиной проворчал недовольно:

— Рази напасешься на вас! Где ж я стильки платкив возьму?

Семен Михайлович покосился на Ворошилова, едва сдерживавшего улыбку.

— Досчитаешься, грамотей! В каптенармусы определю!

Ординарец обиженно засопел, отъехал. Семен Михайлович выругался беззлобно:

— Какой бережливый на мою голову!

Вдвоем, возбужденные и веселые, поскакали на высотку. Буденный доложил Егорову о полном успехе. Тот, чувствовалось, был очень доволен. Но заговорил строго:

— Климент Ефремович, а ведь казаки получше вас шашкой владеют.

— Еще бы! Служаки, джигиты! Один раненый под брюхом коня ускакал!

— В том-то и дело... Не одобряю, Климент Ефремович, положительно не одобряю.

— Каждый человек необходим на своем месте, товарищ Ворошилов,— произнес Сталин.— Вам доверен ответственный участок, поэтому очень прошу вас всегда сохранять в бою холодную голову.

Буденный озорно толкнул Климента Ефремовича в бок: получил, мол, за свое геройство!

Всей группой пешком спустились они по склону на поле недавнего боя. Эскадроны ускакали преследовать беляков, далеко за горизонт откатилась стрельба. С бледно-голубого неба по-прежнему равнодушно светило холодное солнце, ярко озаряя страшную, немыслимую картину. Повсюду в лужах замерзавшей крови валялись изрубленные, изуродованные конскими копытами трупы, бесформенные куски тел в лохмотьях одежды. Не отличишь мертвого казака от буденновца. Разве только по карабинам: у противника карабины японские, с желтыми ложами.

Егоров смотрел номера на погонах. Приказал обыскать труп офицера с отсеченной, откатившейся головой. Быстро просмотрел документы.

Ворошилова подташнивало. И тоскливо, непонятно сжималось сердце. Не окажись рядом с ним в бою меткий стрелок и тот боец с пикой, может, и сам валялся бы сейчас в грязном месиве. Сколько же детей осиротели сегодня, сколько семей остались навсегда без кормильца на Дону и на Кубани, в Донбассе и по всей России...

Егоров и Буденный, посоветовавшись, решили в Велико-Михайловку не возвращаться. Далеко. На станции Бибиково стоит бронепоезд. Он доставит командование в Новый Оскол, где дожидаются на путях спецвагоны.

В бронепоезде какой-никакой, но все же уют. И теплей, и быстрей, и безопасней.

Глава третья

1

Штаб разместился в освобожденной Волоконовке. С утра Климент Ефремович знакомился с людьми, изучал документы, обдумывая, за что браться в первую очередь. Положение своеобразное: надо непрерывно наступать, ломая сопротивление врага, и в то же время на ходу переформировывать конный корпус в Конную армию.

Люди в полки приходят всякие. Большей частью добровольцы из крестьян и казаков. Однако пополняются эскадроны и пленными, и любителями приключений, вплоть до анархистов. Следует как можно быстрее навести в этом деле порядок, выделить специальных коман-

диров, которые будут отвечать за прием и распределение пополнения.

Дальше — снабжение. Сейчас каждое подразделение, каждая часть живут всяк по себе: где что разыщут, где какие трофеи захватят, тем и пользуются. От реквизиций, самостоятельно проводимых начальниками и командирами всех степеней, один шаг до мародерства. Ныне взял у крестьянина картошку, завтра — хлеб, послезавтра — полушубок... Белогвардейцы так поступают, их и ненавидит народ. Значит, снабжение тоже необходимо брать в свои руки.

Вон сколько первостепенных задач. Но самая главная, самая важная — это политическая работа. Без промедления создать партийные ячейки во всех полках, выдвинуть на руководящие посты коммунистов, готовить к вступлению в партию наиболее достойных бойцов и командиров.

Пункт за пунктом записывал Климент Ефремович. И к каждому пункту — короткий план: что выяснить, кому поручить. Ефим Щаденко, вернувшийся к полудню из Нового Оскола, прочитал наброски Ворошилова и аж головой покрутил:

— Скучать некогда будет.

— Не в один же день все это.

— А про войну ты забыл? Для боев в твоем плане время останется?

— О том и забота. Война не на месяц и не на два. Надо вперед смотреть. У белых сил достаточно, и не только на нашем фронте...

Дверь распахнулась резко, через порог шагнул Буденный, одетый в дорогу:

— А, оба здесь! Лошади готовы, поехали!

— Куда? — удивился Ворошилов.

— В действующие части, куда еще!

— Случилось что-нибудь?

— Война случилась,— ухмыльнулся Буденный.— Войну вести надо, а штаны пусть штабные просиживают.

Вид у Семена Михайловича подчеркнуто независимый, в голосе звенел командирский металл — не прекословь! Климент Ефремович понял: сразу хочет расставить всех по местам. Вы, мол, хоть и члены Реввоенсовета, а все же главный тут я... Не посоветовавшись, не предупредив: лошади поданы — и айда!

У Ворошилова красные пятна вспыхнули на щеках. Вскочил, до боли в суставах вцепившись в край стола, готово было вырваться обжигающе-крепкое слово. Даже в ушах зазвенело от нахлынувшей ярости. Но, почти утратив контроль над собой, услышал вдруг прозвучавший в нем мягкий, родной голос Кати: «Пальцы, Клим, пересчитай, пожалуйста, пальцы на обеих руках...» И он, напрягая волю, чуть шевеля побелевшими губами, принялся считать до десяти, медленно представляя себе каждый палец и чувствуя при этом, как отливает от головы кровь, перестает колотиться сердце, яснеет рассудок.

При счете «восемь» очень даже к месту вспомнился разговор с Егоровым о деликатности. Произнес с холодной иронией:

— Вы чем командуете, Семен Михайлович? Армией — не партизанским отрядом...

— Ну и что? — в глазах у Буденного настороженность, решимость стоять на своем.

— По-моему, вы еще не осознали полностью этот факт. Чем скорее мы отрешимся от неорганизованности, тем лучше. Для всех.

— В чем это наша неорганизованность?

— Общий выезд на передовую надо согласовывать заранее. Ведь у Щаденко и у меня есть свои планы. Да и какой смысл: явимся мы втроем, всем Реввоенсоветом,

в одну дивизию, а другие войска и штаб без руководства останутся?

— В штабе сидеть тоже не дело...

— Ни я, ни Щаденко сидеть не намерены,— повысил голос Климент Ефремович, но, спохватившись, покосился на свои пальцы и продолжал спокойно: — Про поездку мог бы вчера сказать или нынче утром, невелик труд.

— Другие заботы были,— командарм явно переходил от наступления к обороне.— Я не неволю. Только так я вам скажу: это в пехоте начальник может чаек на квартире попивать и по телефону распоряжаться. Пехота, она медлительная, на пятый день шестую версту одолевает. А конница на месте не ждет. Ускачет — и не сыщешь. Кто с квартиры командует, того али разобьют, али еще хужей — в плен захватят.

— Да кто с этим спорит? — повеселел Климент Ефремович, видя, что Буденный немного растерялся, встретив отпор. Злится он сейчас на самого себя, а отступить не может, самолюбие не позволяет.

Ну, как же теперь с ним? Откажешь решительно — он уедет сгоряча один, затаит обиду, сразу появится трещина в отношениях между ними... С другой стороны, стычка эта не пройдет для Семена Михайловича бесследно, крепко подумает следующий раз Буденный, прежде чем решать единолично за весь Реввоенсовет.

— Будь по-твоему,— сказал Климент Ефремович, вызвав удивление не только у Семена Михайловича, но и у Щаденко.— Едем, Ефим?

Тот молча кивнул.

Не ожидавший согласия Буденный даже малость сконфузился. Дошло, значит, до него: могли бы отказаться члены Реввоенсовета, а вот уступили из уважения к командарму. На этот раз уступили...

Отправились в путь, захватив полевой штаб и охрану. Колонна всадников далеко растянулась по дороге.

В тот день бой с раннего утра шел на подступах к крупному населенному пункту Валуйки. Белые упорно обороняли железнодорожный узел, где скопилось много неотправленных эшелонов. В наступлении на город и станцию участвовали все три кавалерийские дивизии, действовали они на большом пространстве, которое невозможно было охватить взглядом ни с какого холма. Буденный посылал к начдивам, к командирам бригад ординарцев и работников штаба, они передавали его распоряжения, а возвратившись, докладывали обстановку. Руководить наступлением, конечно, удобней было бы из Волоконовки, там имелась телефонная связь с одной из дивизий, но Ворошилов больше не вспоминал об этом, не упрекал Семена Михайловича.

Вероятно, распоряжения Буденного помогли ускорить развязку. Поздно вечером белые были вышвырнуты из города. Посланные в обход эскадроны стремительно ворвались на станцию, не дали врагу уничтожить вагоны, поджечь склады.

Изрядно продрогший и очень уставший Климент Ефремович оживился, когда увидел составы на железнодорожных путях. Семен Михайлович, который сутками мог не слезать с коня, был бодр, весел, с удовольствием закручивал стрелки усов. Еще бы! Таким трофеям да не радоваться! В эшелонах зерно, крупа, сено. Несколько вагонов с гранатами, их у кавалеристов совсем не осталось.

Кроме того, белые бросили, убегая, сотни три повозок с хорошими лошадьми. Семен Михайлович приказал сохранить весь обоз целиком, выделив для этого надежную охрану.

— Как раз то, что требовалось, — улыбался он. — Мысля у меня одна есть насчет этого...

Климент Ефремович не придал значения словам Буденного, думая совсем о другом.

— Как поступим с продовольствием и боеприпасами?

— А как всегда. Поделим между дивизиями: кто сильней отличился, тот больше получит.

— Не надо, Семен Михайлович. Начнем создавать армейскую базу снабжения. Хоть какие-то запасы у нас будут на трудное время. А то получается, что у одних густо, а у других пусто.

— Примем трофеи на строгий учет,— поддержал Щаденко.

— Ладно, запас карман не тянет,— усмехнулся Буденный. И, помолчав, добавил полувопросительно: — Своевременно мы на передовую приехали...

— А что, без нас не взяли бы Валуйки? — в упор глянул на него Ворошилов.

— Взяли бы... Может, к утру... И обоз могли растягать по дивизиям.

— Вполне возможно,— кивнул Климент Ефремович.— Только как ни старайся, а во все места не успеть. Армия у нас будет большая. Надо надежный штаб создавать.

Буденный промолчал. Согласия своего не высказал, но и не возразил.

2

Впереди Купянск. По данным разведки, противник намеревался удержать город, собрав возле него крупные силы. Учитывая это, Семен Михайлович решил дать небольшой отдых кавалеристам. Бойцы должны выспаться, поесть горячего, почистить лошадей, перековать их, если требуется. Начдивы и начальники служб получили приказ подтянуть отставшие подразделения, обозы, медицинские пункты.

Передышка — как раз вовремя. У Климента Ефремовича незыблемый закон: если взялся за новое дело, досконально изучи его. За несколько суток Климент Ефремович успел побывать во всех кавалерийских дивизиях, познакомиться с их структурой. Каждая дивизия включала в себя три кавалерийские бригады, конноартиллерийские батареи и бронеотряд. В свою очередь, бригада делилась на два кавалерийских полка, а каждый полк — на шесть эскадронов. Пять сабельных и один пулеметный — установленные на тачанках «максимы» не отставали от сабельников в походе и всегда были надежным подспорьем в схватках с врагом.

Буденновцы провели много тяжелых боев, прошли большое расстояние по осеннему и зимнему бездорожью, потеряв столько людей, что в полках сохранилась едва ли половина личного состава. Там, где потери были особенно велики, два-три эскадрона временно сливали в один.

Несколько лучше других выглядела 11-я кавалерийская дивизия, сформированная в центральных губерниях России и подчиненная Буденному недавно, во время боев под Касторной. А главное — много добровольцев, значительная прослойка рабочих. На всех новая, еще невиданная форма, только что введенная в Красной Армии. Шинели длинные, с отворотами на рукавах, с тремя синими хлястиками на груди (у пехоты — красные). Эти хлястики похожи на длинные языки, их сразу окрестили «разговорами».

На левом рукаве, ниже локтя, под красной звездой, пришиты знаки различия. У младших командиров — суконные треугольнички, у средних — квадраты, у старших — ромбы. Климент Ефремович подумал: надо побыстрее распространить это на Первую Конную. А то ведь как бывает: начальник отдает приказ, а боец (особенно из нового пополнения) говорит ему: «Отвяжись, тебе

нужно, ты и делай». Потом выведут такого бойца перед строем: «Почему ослушался, почему не выполнил приказ?» — «А откуда я знал, что он командир, на лбу не написано».— «Он говорил тебе!» — «А может, он врал или шутил!»

Особенно нравился Клименту Ефремовичу в новой форме головной убор, именовавшийся «богатыркой»: шлем с шишаком, наподобие тех шеломов, какие были в старину у русских витязей. Только не металлический, разумеется, а суконный. Тепло в нем, удобно. В плохую погоду закрывает уши и шею, в хорошую его можно подвернуть.

И Семен Михайлович тоже очень доволен был шлемом. Еще в Касторной, когда знакомился с прибывшей дивизией, начдив Матузенко подарил ему «богатырку». Семену Михайловичу она пришлась к лицу. Почти не снимал, надевая кубанку лишь в ветреные студеные дни. А поскольку ездил он во все полки и батареи, поскольку именно на нем впервые увидели многие бойцы эту диковинную шапку, то и стали называть «буденновской шапкой» или просто «буденовкой». И раз уж дорогой и уважаемый командарм носит ее, то и каждый боец стремился раздобыть такую же. Если раньше щеголяли конники кубанками с ярким верхом, добротными папахами или необыкновенными шпорами, то теперь некоторые ребята в лепешку готовы были разбиться, лишь бы завести себе шлем, как у самого Семена Буденного.

Добывали по-всякому. Менялись головными уборами с бойцами 11-й кавдивизии, не скупясь на махорку в придачу или даже на трофейные сапоги. Не оказывалось желающих обменяться — забирали тайком, оставляя папахи. Джигиты Миколы Башибузенко в чистом поле налетели на фуражиров, ехавших за сеном, похватали шлемы с голов оторопевших обозников и унеслись, оставив чернеть на снегу брошенные кубанки.

Щаденко, посмеиваясь, сказал Ворошилову, что в 11-й кавдивизии буденовок теперь меньше, чем в других. У кого остались — прячут, надевая какой-нибудь малахай.

— А что? — загорелся Климент Ефремович.— Это ведь превосходно — тяга к единой форме. Представляешь, целый эскадрон в одинаковых шлемах с синими звездами... Нет, целый полк! Сразу видно — регулярная армия.

— Затребуем, чтобы прислали. Только долгая катавасия. Пока в штабе фронта раскачаются интенданты, пока заказ разместят, пока сошьют и доставят...

— Не надо требовать, сами производство наладим,— решил Ворошилов.— Это не снаряды выпускать, не гранаты. Сукно найдется, умелые руки — тем более. Как возьмем большой город, сразу иди в швейную мастерскую. Объясни женщинам: помогите, мол, доблестным красным воинам.

— В Купянске?

— Это уж смекай сам.

— Добре,— сказал Щаденко,— организую. И первую такую шапку — тебе, за подсказанную идею.

— Спасибо, только не подходит она для меня. Примерил и чуть в зеркало не плюнул... Своевременно вспомнил, что не следует на зеркало-то пенять.

— А мне буденовка в самый раз. Особенно если с большим козырьком. Кочетиный нос маскирует,— пошутил Щаденко.

— С себя и начни,— сказал Климент Ефремович.

3

Тридцать четыре коммуниста, в том числе два десятка москвичей, прибывших в одном поезде с Ворошиловым, готовы были отправиться в дивизии, чтобы стать

комиссарами полков, эскадронов и батарей. Перед отъездом Климент Ефремович собрал их в политотделе, чтобы сказать товарищам напутственные слова, поделиться своими впечатлениями и соображениями.

— Начну с фактов, они красноречивые. Мало у нас в армии членов партии, очень мало. По сути дела, вот в этой комнате находится десятая часть всех наших коммунистов. Горстка,— Ворошилов развел руками.— А наиглавнейшая задача сейчас — усиление влияния партии буквально во всех частях и подразделениях. Пусть каждый коммунист подготовит двух-трех человек, поможет им вступить в наши ряды. Коммунистов больше среди командного состава, в штабах, ну и, естественно, в политотделах. А низовое звено, основное звено,— это полный пробел у нас, дорогие товарищи... Теперь дальше. Из кого состоит наша Конная армия? Главным образом из бедняков и середняков с Дона, с Кубани, со Ставрополья. Рабочих примерно процентов двадцать — двадцать пять, и почти все они в одиннадцатой дивизии. Там, кстати, и членов партии больше.

— Туда никого сейчас не посылают,— сказал Елизар Фомин.

— Да, товарищи, вы будете работать в «коренных» наших дивизиях, как называет их Семен Михайлович Буденный. В шестой и четвертой. Бойцы и командиры там умелые, много раз доказывали в сражениях свою преданность революции, врагов ненавидят лютой ненавистью. Но какова эта ненависть? Она стихийная, слепая. Люди сражаются против тех, кто их угнетал и притеснял, а ради какой жизни — многие не понимают или представляют очень смутно. К тому же нам нельзя закрывать глаза на то, что крестьянин по натуре мелкий собственник со своей особой психологией. И освободиться от этой психологии, от въевшихся привычек не так-то просто. Отсюда и партизанская вольница в некоторых

подразделениях, отсюда случаи моральной и политической неустойчивости. А ведь мы создаем Красную Армию — армию нового типа, со строгой, сознательной дисциплиной...

Климент Ефремович передохнул, но, заметив, что в последнем ряду по-ученически поднялась чья-то рука, продолжал, чтобы не потерять нить мысли:

— Вопросы потом, товарищи... Хочу особо подчеркнуть, что даже среди командиров немало таких, которые слабо разбираются в политике. Спроси у такого, за что сражается, и он не сможет ответить, запутается. А ведь у нас война гражданская, классовая, в которой каждый наш боец должен четко видеть свою цель, чтобы никакая вражеская пропаганда, никакие крутые повороты не сбили с верного пути. Конечно, боевое мастерство, смелость и лихость наших кавалеристов очень важны, но не менее важно понимание того, ради чего идут люди в кровавую схватку. А кто, как не мы, может и обязан донести до сознания каждого бойца идеалы нашей партии?! И не только до сознания, но постараться, чтобы все конники сердцем приняли великие идеи коммунистов. Для этого нам самим нужны глубокая убежденность в правоте нашего дела, трудолюбие, большое упорство. Не думайте, товарищи, что вас с нетерпением ждут в полках и встретят теплыми объятиями. Если и встретят, то далеко не везде. Авторитет комиссаров среди наших кавалеристов не так высок, как в других соединениях Красной Армии. Политсостав здесь был немногочисленный и не ахти как подготовленный. Политработники приезжали в эскадроны редко и вроде бы как контролеры, вместо того чтобы сражаться рядом с бойцами, подавать пример в трудные минуты. Отсюда — определенное недоброжелательство со стороны некоторых командиров и бывалых кавалеристов. Чему, дескать, научит нас такая птица залетная?! Все это вам необхо-

димо учитывать, приступая к работе. Надо прежде всего стать своим среди бойцов, жить их жизнью, делить их тяготы, тогда к голосу вашему будут прислушиваться...

Ворошилов взял со стола стопку листков. Их перед самым началом совещания привезла из типографии Екатерина Давыдовна, неприметно сидевшая теперь у дальней стены. Климент Ефремович изредка поглядывал на жену. Волосы ее собраны сегодня большим пучком, платье черное, строгое.

— Сейчас, товарищи, все вы получите инструкцию военным партийным ячейкам, которая утверждена Центральным Комитетом. Хочу выделить некоторые пункты, особенно важные для нас с вами. Здесь сказано, что на партийные ячейки возлагается обязанность проводить в жизнь все постановления руководящих партийных организаций и учреждений. Подчеркиваю это. Далее. Коммунисты должны показывать пример беззаветной храбрости и стойкости в бою, терпения, выносливости во всех трудностях и лишениях боевой обстановки... Обратите внимание: партийные ячейки не вмешиваются в распоряжения командного состава... И еще: партийная ячейка призвана всеми мерами поддерживать и укреплять доверие к комиссару, как к руководителю политическому, и к командиру, как руководителю боевому. Запомните эту четкую и точную формулировку. И ни на минуту не забывайте о том, что вы — представители большевиков, по вашим делам, по вашим словам, по всей вашей жизни будут судить о коммунистах, вообще о нашей партии... У меня все. Теперь слово Екатерине Давыдовне.

Легкий шумок прошелестел в комнате, головы разом повернулись к женщине, и Климент Ефремович почувствовал раздражение, которое испытывал всякий раз, когда замечал повышенное внимание к жене. И в ссыл-

ке, и на фронте, скитаясь вместе с мужем, Екатерина Давыдовна часто оказывалась единственной среди мужчин. Всякое бывало: и удивлялись, и радовались ее присутствию, и ухаживать пробовали. А он злился, хотя прекрасно знал, что для этого нет никаких оснований. В этой ревности он не признался бы даже самому себе. Впрочем, приходила несколько раз мысль,— может, они всегда вместе не только потому, что Катя стала его душевной опорой и добрым советчиком, источником уверенности и радости, но еще и потому, что он, пусть даже неосознанно, опасается: находясь вдали от него, она будет говорить с кем-то низким, приглушенным голосом, каким говорит только с ним, глянет на кого-то другого с таким же теплом и доверием...

Нет, лучше не разлучаться!

Он и сейчас любовался женой, втайне радуясь ее чувству меры. Она всегда оставалась женщиной, причем красивой, но в любой обстановке умела держать себя так, что эта женственность и красота не бросались в глаза.

— Я коротко, совсем коротко,— сказала она улыбаясь.— У нас налаживается регулярный выпуск армейской газеты «Красный кавалерист». Но велик ли прок, если в частях очень много неграмотных бойцов? Слишком много. Конечно, газету и читают, и перечитывают вслух, да ведь далеко не для всех. Разве мы сумеем в полную меру вести нашу агитацию и пропаганду, если не сможем использовать для этой цели печатные материалы? И просто по-человечески: разве допустимо мириться с тем, что у нас столько бойцов не умеют читать и писать?!

— После войны обучим,— добродушно пробасил кто-то.

— Почему же после, товарищи?!

— Других забот хватает!

— Других, говорите? — прищурилась Екатерина Давыдовна. (Климент Ефремович усмехнулся и чуть заметно повел плечами: ну, зацепили, сейчас она выложит... С виду тихая, многие обманывались...) — А в Москве забот мало? У Центрального Комитета партии их меньше, чем у нас? Здесь сидят товарищи, которые прибыли в армию со всероссийских курсов по внешкольному образованию. Что, у партии других хлопот не было, кроме того, чтобы собрать их в столицу со всех губерний, специально готовить для борьбы с неграмотностью?! А в октябре к ним на курсы даже товарищ Ленин приезжал. Правильно я говорю?

— Было! — подтвердил Леспов.

— Хотя у Владимира Ильича забот побольше нашего... Дело в том, товарищи, что партия вперед смотрит, заботится о будущем рабочих, крестьян и красноармейцев. Партии нужны сознательные, убежденные борцы. Поэтому обучать людей грамоте — наш прямой долг.

— Тем более что есть люди с тех самых курсов,— поддержал Климент Ефремович.

— Им в первую очередь книги в руки,— на полном лице Екатерины Давыдовны появилась милая улыбка.— Они начнут, а мы все поддержим!

— Факт! — сказал Фомин.

— Как не поддержать! — засмеялся тот, который предлагал заняться учебой после войны.— Убедила, и баста!

— Вопросы будут, товарищи? — перекрыл шум Климент Ефремович.

Опередив других, вскочил Леспов. Он, вероятно, недавно помыл голову, светлые, давно не стриженные волосы рассыпались, лезли на глаза. Роман резким движением головы отбросил их.

— Если можно, направьте в эскадрон товарища Башибузенко.

— Это который в вагон пробивался? — вспомнил Климент Ефремович.— А сработаетесь после такого бурного знакомства?

— Башибузенко — человек открытый и даже принципиальный. Нарвался — получил: он это понимает. Мне с ним легче начинать, чем другому товарищу. И обещал я проситься к нему.

— Раз обещал, поезжай! — разрешил Ворошилов. А в рабочей тетрадке своей сделал пометку: через несколько дней побывать в эскадроне, проверить, как складываются взаимоотношения между строптивым командиром и молодым политработником.

4

Когда закончилось совещание, Климент Ефремович и Катя пошли на квартиру перекусить перед дорогой: жене нужно было успеть сегодня в автобронедивизион, а Ворошилова ждали в 4-й кавалерийской дивизии.

На столе парила картошка в чугунке, стояла бутылка подсолнечного масла. Горкой — крупные ломти хлеба. Екатерина Давыдовна деревянной ложкой размяла картофель в тарелке, посолила крупной грязновато-серой солью.

— Садись, Клим,— окинула его быстрым, сочувственным взглядом.— Знаешь, что я заметила? Говорить ты стал хуже.

— Верно, хриплю. Простыл немного.

— Я не о том,— чуть заметно поморщилась жена.— Слова у тебя какие-то твердые, казенные, что ли. Теплоты мало.

— Теплоты? — удивился он.— Не знаю... Как всегда, что нужно, то и высказываю.

— Нет, Клим, не как всегда,— живо возразила она.— Прежде-то, бывало, и шутки и прибаутки всякие,

даже в самое трудное время. Пословицы, словечки. Скажешь, будто припечатаешь. «Как болт в гайку»,— повторила она одну из его прошлых присказок.

— Я и сейчас так...

— Верно, когда со мной или Сашей Пархоменко. Или со Щаденко. Когда попросту. А перед людьми будто газету читаешь. Сухие слова, тяжеловесные фразы.

— Сама работа того требует.

— Ой ли? — качнула она головой.

— А ну тебя, прямо цензура у меня персональная,— засмеялся Климент Ефремович, обняв жену за плечи.— Мы рассуждаем, а картошка стынет. Не допустим такого безобразия?!

Свел разговор к шутке, но замечание Кати все же задело его. В тот же вечер, выступая в политотделе дивизии, он поймал себя на том, что произносит готовые, отшлифованные словосочетания. «Великий исторический момент... Сплотим наши пролетарские ряды... Крепче сожмем винтовку в мозолистых трудовых руках... Отрубим поганую голову гидре контрреволюции...»

Все это было правильно, но Климент Ефремович ощутил какое-то беспокойство, недовольство собой. Это чувство усилилось во время товарищеского ужина, когда Ворошилов, будто со стороны прислушавшись к себе, понял: даже в застолье, на отдыхе он избегает острых веселых словечек, говорит о службе, о делах. Будто продолжает свое выступление.

Потом, лежа на теплой печке, куда определили его хозяева, он думал о том, что Катя, как всегда, молодец: первая заметила эту вот перемену в нем... Надо разобраться, почему так случилось, хорошо это или нет?

Конечно, при желании он может выступать как угодно и перед кем угодно. Хоть перед батраками, хоть перед учеными, хоть перед самыми заядлыми буржуями.

Сумеет овладеть вниманием любой аудитории... Всяко бывало в его жизни, самых разных людей доводилось убеждать, спорить с ними, доказывать им. Опыт есть кое-какой, и знания поднакопил. Все богатство, вся сочность народного языка — при нем. Это — от матери, от крестьян и рабочих, среди которых рос и работал. И украинский язык ему хорошо знаком, и то особое, певучее русско-украинское наречие, которое сложилось в донецких, причерноморских и приазовских степях... Потом были годы, прошедшие среди ссыльных революционеров, среди очень образованных, интеллигентных людей, язык которых первое время казался ему чужим, вроде бы даже и не российским. Однако со временем освоил и его. Много читал тогда, участвовал в дискуссиях. У него было даже некоторое преимущество перед очень образованными товарищами: выступая среди рабочих и крестьян, он мог проще, доступней изложить, разъяснить самые сложные истины.

Права Катя: хлестко, бойко говорил он, бывало, на сходках, на собраниях и митингах. Затем, после Октября, был особый период — прилив радости и энтузиазма, когда требовалось не столько убеждать и доказывать, сколько зажечь массы своей страстью, своим огнем, увлечь их в бой, на защиту революции. В то время все решала яростная убежденность, горячие призывы, личный пример тех, кто брал на себя руководство.

Да, главное после Октября было раскачать до самых глубин весь народ, сдвинуть, повести за собой рабочих, солдат, крестьян. Большевики добились своего. А теперь, и это стало особенно понятно после VIII съезда, на первый план выдвинулась необходимость организовать бушующий поток народных страстей, направить его в нужное русло. Вот он, Ворошилов, должен навести четкий революционный порядок на том участке, на который направила его партия. Для бойцов, для командиров Кон-

ной армии он не просто один из соратников по борьбе, но и в первую очередь представитель центра, член Революционного военного совета, он делит с Буденным власть над тысячами людей. От одной его фразы, от одного слова могут зависеть многие жизни, исход боя или даже целой военной операции. Поэтому надо очень точно выражать каждую свою мысль, чтобы не было никаких сомнений, разных толкований. Четкость и деловитость необходимы ему.

Вероятно, огромная ответственность за людей и события, легшая на плечи Климента Ефремовича, исподволь сказывалась на всей его жизни, а не только в выступлениях, в разговорах. Причем незаметно для него и настолько естественно, что он даже не обратил внимания и осознал это изменение в себе лишь теперь, после замечания Кати.

5

Люди, хорошо знавшие Романа Леснова, беззлобно посмеивались над ним за его юношескую восторженность, за способность окружать самые обыденные явления романтическим ореолом. И хотя это свойство Романа много раз входило в противоречие с суровой действительностью, хоть и частенько постигало его разочарование, все-таки не утратил он веру в необычайное, возвышенное, прекрасное. Да и не мог утратить, потому что по характеру своему легко, с удовольствием воспринимал каждую крупинку интересного, радостного.

Там, где Фомин видел, к примеру, препятствие, которое требует напряжения, траты времени, Роман усматривал еще одну возможность узнать новое, испытать силенки. Если на бывалого фронтовика Елизара Фомина, человека строгой самодисциплины, командир эскадрона Баш-

бузенко произвел своим вызывающим видом и необдуманным поступком самое неблагоприятное впечатление, то Роману Леснову кавалерист показался чуть ли не образцом революционного воина. Выбилась на волю, разгулялась народная силушка! Вот он, беззаветный герой, за которым охотно рвется в сражение трудящийся люд! Может, и трудно с таким, зато рядом с ним приобщишься к настоящей борьбе!

Ожидая распределения, он часто думал не только о Миколе Башибузенко, но и о загадочном, горделивом Спичкаре, о скуластом, диковатом на вид Калмыкове. Вспоминают ли они о случайной встрече, о разговоре в вагоне или начисто забыли все в боях и походах?!

Оформив бумаги в политотделе дивизии, Леснов, не надеясь на попутную подводу, пешком отправился в село, где расположился на отдых нужный ему эскадрон. Денек выдался светлый, с легким морозцем — одно удовольствие прогуляться. Сухой снег громко поскрипывал под ногами.

Явственно ощущалась близость фронта. Проносились на разгоряченных конях ординарцы. Встретились фуры с ранеными. Потом пленные: конвоиры торопили, подгоняли колонну, видать, хотели до темноты попасть на сборный пункт, определиться с ночлегом. А Леснов не спешил и добрался до села только ночью.

Где-то неподалеку, на юге, погромыхивали орудия. Красной кисеей колебалось там зарево, вызывавшее тревогу, но в селе никто словно и не помнил о войне, даже вроде бы праздник какой-то справляли. Светились окна. Людно было на улицах, слышались песни, веселые голоса, девки повизгивали.

Дом, в котором остановился командир эскадрона, Роман отыскал без труда. Волнуясь, открыл калитку. Навстречу шагнул от крыльца часовой. Подозрительно оглядел пришельца, поинтересовался, чего надо?

— Я к товарищу Башибузенко по направлению политотдела.

— Что? — не понял часовой.

— По направлению политического отдела армии.

— Армии? — задумался боец.— Во, значит, как! Ладно, жди здесь, пока доложу.

Исчез в сенях и скоро вернулся, но не с командиром эскадрона, а с Сичкарем. Твердо ступая, сошел тот с крыльца. Бекеша наброшена на плечи, маленькая кубанка небрежно сдвинута на самый затылок.

— С чем прибыли?

— Да ты не узнал, что ли?

— Почему не узнал, помню,— усмехнулся Сичкарь, но усмешка на этот раз была не надменная, не горделиво-спокойная, а вроде бы даже растерянная. Преувеличенно громко начал он вдруг бранить часового за то, что у какого-то коня сбили холку, придется оставить его селянам, а взамен взять другого. И боец столь же громко ответил, что его вины в этом нету, что конь любит одного хозяина и не надо было передавать его из рук в руки. При этом часовой встревоженно поглядывал на окна, где шевелились за шторами смутные тени. Приглушенный крик донесся оттуда. Или показалось Роману?

— Может, гостеприимные хозяева, в дом пригласите? Ботиночки-то мои промерзли.

— Погоди, мы тут насчет коня.

— Потом доспорите.

— Сказано, погоди! — отрубил Сичкарь с такой резкостью, что Леснов умолк. В наступившей тишине вновь прозвучал жалобный голос. И сразу же Сичкарь и часовой заговорили одновременно, протягивая кисеты с махоркой. Роман закурил, ни о чем не спрашивая. Понял: все равно не ответят.

Минут через пять дверь распахнулась, с крыльца, прогрохотав сапогами, скатился парень в расстегнутой ши-

нели с ремнем в руке. Пулей пролетел мимо Леснова, исчез за калиткой. Сразу повеселевший Сичкарь предложил:

— Ну, айда греться!

Роман не без опаски вошел в жарко натопленную горницу. Краем глаза успел заметить тонкие прутья в корыте под лавкой, и сразу надвинулся, заслонил все распаренный, потный Башибузенко: глаза удивленно блестели на багровом лице, чуб прилип к влажному лбу.

— Га! Каким ветром?

— Выполнил обещание.

— Смотри ты... А ведь я подумал тогда — шуткуешь...

— Прибыл к тебе комиссаром. Бумагу показывать?

— Потом,— отмахнулся Микола.— Это ты молодец, а то мало ли какого хрена пришлют...

— А может, и не прислали бы,— сказал Сичкарь.

— Теперь каждому комиссара приставят. Командир бригады надысь говорил — у всех будут.

— Улита едет, когда ишшо явится. А у нас уже вот он...

— Ты языком-то не очень! — вскипел вдруг Башибузенко.— Поменьше бы рассужденьев выкладывал, а сообразил бы, что надо. Человек с дороги.

— У хозяйки все на взводе,— независимо усмехнулся Сичкарь.— Давать команду?

— Давай! — Микола вновь оборотился к гостю.— Ну, разоблакайся, Роман... Как тебя по батюшке?

— Роман Николаевич.

— Разоблакайся, значит, Роман Николаевич, вечерять сядем. Мороз из тебя вышибем.

— Самогонкой, что ли?

— Первейшее средство.

— Если не злоупотреблять.

— Да ты не одобряешь, что ли?

— По праздникам можно стопку перевернуть.

— А нонче разве не праздник, га? — оскалил Башибузенко крепкие, ровные, иссиня-белые зубы.— Ты приехал, я радуюсь.

— Искренне?

— Смелый ты парень, комиссар, а я смелость во как ценю! И чистота в тебе, как в ребятенке. Ты человека хоть раз убивал?

— Стрелял в бою. И гранату бросал.

— Нет, чтобы рукою, впритык?

— Такого не случалось.

— Пущай и не бывало бы никогда,— поморщился Башибузенко.— А то зачерствеешь, как я или вот Сичкарь. Пощупай его, он сухой, будто целиком из кости выточен.

— Это не от войны, у нас порода такая крепкая. И прадед, и дед коней объезжали.— Сичкарь улыбнулся, снял кубанку, и Роману показалось, что круглая, как шар, обритая голова действительно выточена из старой кости, а потом четкими линиями нанесены рот, глаза, небольшой нос. Фигура у него ладная, движения легкие, быстрые. Он прямая противоположность Калмыкову, который подоспел как раз к накрытому столу. У Калмыкова лицо темное, испещренное какими-то ямками, мелкими шрамами. Лоб невысокий, очень выделяются скулы. Плечи узкие, спина широкая. Сичкарь сдержан, самолюбив, не выдает своего любопытства. А Калмыков бесхитростно, с явным интересом разглядывает приезжего. И чувствуется: очень охота ему поговорить, узнать новости.

Самогон разливали в стаканы, только Башибузенко извлек откуда-то зеленую эмалированную кружку, на которой поблескивала надпись: «После честного труда выпить водки нет вреда». Набулькал себе до краев.

Роман ожидал, что Микола произнесет тост, и сам приготовил в ответ несколько фраз, но Башибузенко лишь кивнул ему, чокнулся:

— Здорово, комиссар, прощай, винцо!

Крякнул, расправив усищи, взял из миски самый большой огурец.

— Сгинь, гадость! — Сичкарь в один глоток одолел стакан.

— Нет, товарищи, по этой части мне с вами не тягаться. Я половину — и хватит. А вот поем с удовольствием.

— Дело хозяйское,— согласился Башибузенко.— Мы тоже не больше трех, с утра служба.

Подождав, пока Микола закусит, Роман кивнул на корыто с прутьями:

— Розги, что ли?

— Углядел, глазастый,— хмыкнул Башибузенко.— Одного сопляка вразумили малость.

— Не в то место разум-то вкладывали...

— Как раз куда надо.

— За что, не секрет?

— Какие секреты от своего человека. Фрукт недозрелый, на молодку полез. Прищучил ее на печи, пока никого не было. Ну, игрались вроде бы, миловались, а как он поднажал — молодка в крик.

— Да за такое, знаешь...

— Как не знать... Только там ничего не произошло, одно орево. Сичкарь молодку битый час урезонивал, чтобы не скандалила. А паршивцу я вложил самолично, для полной острастки.

— Но послушай, Микола,— у Романа аж голос перехватывало от волнения,— кто же тебе волю такую давал, чтобы пороть? Это же самодурство, как при крепостном праве!

— А ты что же, хочешь, чтобы я начальству доложил? — ощерился Башибузенко.

— Как положено.

— Шлепнут парня — вот как положено.

— Разберутся.

— Не до разбора в боевой обстановке. Приказ Семена известный: за насильничество — к стенке, и точка. Была б еще из паразитов, а тут женщина трудового класса, снисхождения не окажут.

— Ты о каком Семене?

— О Буденном, о каком еще? Это я так, по старой привычке,— махнул рукой Башибузенко.— А ты смекай, комиссар, у меня половина эскадрона из одной станицы. Все мои земляки, сваты-браты. Вернусь домой, мне бабы за этого шелопута глаза выцарапают. Не уберег, скажут, не упредил. В бою — это понятно, а когда так, не за понюх табаку... Разорвут меня бабы и правильно сделают. Какой я отец-командир, ежели допустил парня до позорной гибели? А теперь он ученый, за версту соблазн огибать будет.

— Самосуд, значит?

— Свой суд, эскадронный,— охотно подтвердил Башибузенко.

— По совести,— добавил Сичкарь.

Что было делать Леснову? Протестовать? Доказывать? Писать донесение? Бесполезно все это, не поймет его Микола со своими помощниками. Скрывая растерянность, спросил:

— А если пожалуется хлопец?

— Санька-то? Да он теперь от радости души не чует. Отстегали и забыли, так по-нашему. А молодая шкура заживет быстро.

— А ты, Микола, все-таки упускаешь главное: у нас не казачья вольница, не станичный отрядик, а Красная Армия со строгими правилами.

— Сразу учить взялся?

— Да не учу, просто по-дружески. Ты вот сам сказал, что половина эскадрона у тебя земляки. А в начале года сколько их было? Весь эскадрон?

— Почти. Кого убило, кто ранен.

— Еще зима, весна, и много ли их будет, станичников-то твоих? Десяток-другой? Остальные новые, со стороны. Ты их тоже розгой станешь воспитывать? Согласятся ли?

— Это же крайний случай. Всего и было-то раза три...

— И хватит, Микола. Пока до трибунала не дошло. Мы с тобой первые в ответе будем.

— Мы? — пристально глянул Башибузенко.

— Да, мы.

— За себя боишься?

— Если бы о себе заботился, я бы другое место для такого разговора нашел. Не стал бы среди ночи твое терпение испытывать.

— Трое на одного,— ухмыльнулся Сичкарь.— И никто не видел, прибыл он в эскадрон или не прибыл.

— Ты это оставь,— косо глянул на него Башибузенко.— За открытое слово спасибо тебе, Роман Николаевич, мы ведь тоже ценить умеем. А порядки наши не в один день сложились, и не в один день их ломать,— подумал, добавил со вздохом: — Э-ха-ха, я ведь правила-то не хуже тебя знаю. В старой армии до урядника дослужился, в учебной команде взвод муштровал, как и Семен. Требования жестокие были.

— А мы без жестокости. Климент Ефремович Ворошилов знаешь как нас напутствовал? Чтобы боролись за сознательную революционную дисциплину. За сознательную,— повторил Роман.

— Это чтобы без строгости?

— Очень даже со строгостью, только без всяких оскорблений и унижений. Если наказывать, то лишь по закону.

— Шибко умный ты, комиссар! — заговорил вдруг Калмыков, молчавший до сих пор.— Ой, шибко умный!

Хороший балачка твой, язык болтай-болтай, а сам в штабе сидеть будешь? Или с нами воевать будешь? На лошади скакать будешь?

— Для того и приехал,— сказал Леснов.

6

Башибузенко разбудил Романа задолго до рассвета.

— Зачем в такую рань? Выступаем?

— Привыкай, — прокашливался, одеваясь, командир эскадрона.— Кавалерия всегда допреж пехоты встает. Пехотинец — шпынь одинокий. Вскочил, оправился и шагом марш, а у кавалеристов — заботы. Ты сам коня обихаживать будешь или ординарец?

— А ты как?

— Я казак,— не без гордости ответил Башибузенко.— С конем на смерть иду.

— А я что же, по бульвару с ним гулять буду?

— Значит, сам,— удовлетворенно произнес Микола.— Пойдем поглядишь, как я управляюсь, а завтра начнешь. И запомни самую главную нашу заповедь: сперва о коне позаботься, накорми его, напои, потом за себя берись.

На улице крепко прихватывал предутренний мороз. В сарае, приспособленном под конюшню, показалось теплее. Пахло свежим конским навозом и едва ощутимо чем-то летним, тревожащим, милым... «Сено!» — подумал Роман.

Конь словно дожидался хозяина, заржал тихонько, потянулся к нему мордой. Леснову показалось: сейчас поцелует его усатый Башибузенко, но Микола лишь погладил большой рукой шею коня и сразу принялся за работу. Охаживал бока скребницей, вычесывая грязь и перхоть, стараясь, чтобы шерсть лежала ровно и гладко.

— Блестеть будет,— пояснил он.

Расчесал гриву, челку, хвост. С особым старанием

прочистил копыта. Из кармана достал белый лоскуток, сложенный на манер носового платка, осторожно протер коню уголки глаз, ноздри.

— Каждый день так? — полюбопытствовал Роман.

— На отдыхе — каждый. В боях — по возможности,— принимая от ординарца ведро с водой, ответил Башибузенко.

— Сколько же их у тебя перебывало?

— А я везучий. За две войны только третий конь. Одного на германской убило, другого — под Царицыном. Семь пуль из пулемета, все — коню и ни одной — мне. А этот третий,— повторил Микола, похлопывая по крупу.— Полный туалет у него, теперь можно самим умываться и ложку брать.

Во время завтрака Башибузенко и Сичкарь долго обсуждали, какую лошадь выделить комиссару. Чтобы вид был и чтобы без норова.

— Дадим Мерефу, как раз для новичка,— решил Микола.— Кобылка, конечно, не молодая, резвости нет, зато спокойная. От своих не отстанет, от хозяина не убежит.

Башибузенко сам оседлал лошадь, вывел ее в проулок за сараями, чтобы народ не глазел. Роман хотел прыгнуть в седло, как это делали кавалеристы, но едва не перелетел через кобылицу.

— Джигит ты лихой, это сразу видать,— снисходительно усмехнулся Микола.— Но все же опаску имей, лишний раз не падай. Поводья держишь? Ну, бог в помощь!

Мерефа послушно пошла по дороге. Сидеть в казачьем седле на кожаных подушках было вроде бы удобно, только не оставляло ощущение, что вот-вот сползет седло под брюхо лошади и ты вместе с ним. Да и ноги словно бы раздирало, выворачивало все ощутимее, все сильней. Роман подумал о Калмыкове: с его кривыми — хоть на шаре сиди. Все предки на конях, потому и ноги такие...

Повернул Мерефу, поторопил. Кобылка затрусила легкой рысью, и это оказалось очень неприятно: болтались внутренности, что-то екало у Романа в животе.

— Стременами пружинь! — подсказал Микола.

Остановившись возле него, Леснов вполне удачно сполз с лошади и, довольный собой, шутливо щелкнул каблуками ботинок:

— Как, товарищ обучающий?

— Вроде бы щенок на заборе.

— Неужели? — дрогнул голос Романа.

— Все же малость получше щенка,— смягчился строгий наставник.

— А ведь я ездил дома, в лесничестве.

— Е-е-ездил, — презрительно протянул Банибузенко.— По-мужицки, без седла, охлюпкой?

— Верно, охлюпкой.

— А у нас ты по всем правилам впереди эскадрона гарцевать должен... Да ты не робей, не робей,— ободрил он закручинившегося комиссара.— Под моим доглядом превзойдешь эту науку. Сколько я тюфяков-новобранцев на коня посадил! Помяни мое слово: на полном скаку с седла прыгать будешь!

— Ну да, на полном... Хорошо тебе, ты с детства в седле. Шашкой, наверно, еще парнем владел.

— У нас шашка и наган для ближнего боя. Только как ты шашкой рубить будешь, для этого крепкая рука требуется, а у тебя кость треснутая.

— А я левой.

— Даже лучше! — обрадовался Банибузенко.— Так даже ловчей. С левой руки никто удара не ждет, противнику к тебе через своего коня трудно тянуться. Неожиданностью возьмешь. А в правой руке наган. Чтобы на скаку и без промаха... Да ты же у нас один за двоих сойдешь. Ты это самое... универсальный вояка, вот кто!

— Гляди, какие у тебя словечки!

— Мы чать тоже не лыком шиты! — хмыкнул довольный Башибузенко.— Ну, седай на свою Мерефу, представлю тебя эскадрону. И — в дорогу Пару часов в седле продержишься?

— Сколько надо, столько и продержусь.

— Хотя бы десяток верст для первого раза. А сколько надо — это уж потом, когда на всех нужных местах мозоли набьешь.

7

Поредевший в боях эскадрон насчитывал шестьдесят человек. Первым взводом командовал кубанский казак Кирьян Сичкарь, вторым — Иван Ванькович Калмыков. Третий взвод возглавлял бывший гусар Пантелеймонов — мужчина в годах, неторопливый и неразговорчивый. В эскадроне было два брата Пантелеймоновых, чтобы различать их, одного звали Пантелеймоном Громким (за соответствующий голос), другого — Пантелеймоном Тихим. Он как раз и командовал третьим взводом, а четвертого взвода не было, расформировали из-за малочисленности. Имелась еще тачанка с пулеметом, две повозки с фуражом и боеприпасами — вот и все хозяйство.

Пропустив эскадрон вперед, Башибузенко и Леснов ехали по степной дороге, напрямик рассекавшей ровные поля, припорошенные свежим снежком. Направлялись на юг, в ту сторону, где ночью светилось зарево, а теперь клубилась, разрастаясь, свинцово-серая шапка дыма.

Продолжая разговор, начатый еще в селе, Микола рассказывал:

— Мы кого в эскадрон берем? Кто ненавидит белую контру и готов сражаться с ней без всякого отдыха и перекура. Какого роду-племени человек, про то не спрашиваем. Хочешь воевать вместе — воюй. В первой-второй

атаке командир поглядывает на новенького, как он? Если не финтит, за чужие спины не прячется, примаем в наше товарищество.

— А если враг проникнет?

— Зачем ему проникать, врагу-то? Что ему в эскадроне делать? Секретов у нас никаких нету, а в атаку вместе с нами ходить, под белые пули себя подставлять ему несподручно. Врагу лучше при штабе обретаться. А у нас надежные оседают. Слышал небось: мы осенью корпус Миронова разоружили, который вродо бы к деникинцам перемахнуть хотел? Из того корпуса я себе двенадцать человек взял. Один, правда, в первые дни убёг. Четверо под Касторной в царствие небесное угодили. Остальные по сю пору дерутся у нас — не нахвалишься. Еще от Махно трое перебежчиков, я их по разным взводам рассовал. Воюют вполне основательно, только пьют зверски.

— А из рабочих есть?

— С этим очень даже негусто. Видишь на тачанке румяный такой, с прямыми плечами? Нет, не ездовой, а возле пулемета. Он из уссурийских казаков, с самого что ни на есть далекого востока. Но, уж по правде сказать, от казака у него только папаха черная, кучерявая. Не к лошадям он, а к железкам привержен. Пулеметчик — лучше не надо. Сам наладит, если сломается. Имя у него короткое — Нил, а фамилия подлиннее — Черемошин. Так вот: фамилию свою он еще одной очередью не выбивает, а имя на любой стене пулями пишет... Форменный мастер. На заводе работал, где пароходы строят, морскую форму носил. А к нам на Волге пристал. Все же казачья закваска перетянула. Чего ему было среди моряков-то...

Слушая Миколу, Роман жалел, что не имеет при себе бумаги и карандаша — записать краткие характеристики. То, что известно о бойцах командиру эскадрона, не узнаешь и за месяц. А товарищ Ворошилов говорил: изучайте каждого, работайте с каждым, помогите каждому...

Раз нет бумаги — запоминать надо.

— Почему у Калмыкова отчество такое странное: Ванькович?

— Это целая история,— весело блеснули глаза Башибузенко.— Вырос он в самых диких степях, возле конских табунов да овечьих отар. По-русски десяток слов всего знал. А тут пришло время на войну призываться. Привезли этих калмыков в воинское присутствие, начали списки составлять, а попробуй разберись, кто, откуда, когда родился? Спрашивают: «Ты кто? Как фамилия?» — «Никакой нету».— «А зовут как?» — «Иваном».— «А отца?» — «Ванькой».— «Тоже, значит, Иван?» — «Нет, Ванька!» И уперся на этом. Отца его хозяин только Ванькой и кликал... Бился писарь, бился и рукой махнул: «Черт с тобой, будешь Иваном Ваньковичем Калмыковым. Мотай из канцелярии, чтобы духа твоего больше не было!» Так и прилепил человеку сразу фамилию и отчество.

— Сменил бы теперь.

— А зачем? Нешто Ванькович хуже других? — сказал Башибузенко.— Может по-ихнему, по-калмыцки, так даже лучше... А ты не знаешь, как они с Сичкарем к белым ходили? — оживился Микола.— Откуда же тебе знать... Тоже случай был — не враз и поверишь. В октябре заняли мы одну деревню. Белые после перестрелки сами ушли. И оставили в избе большой сверток из мешковины. Наказали жителям: передайте Ивану Ваньковичу Калмыкову. Ну, принесли нам. Развернули — там записка. Белые калмыки, которые у Деникина служат, прослышали о своем земляке, как он свирепо за красных сражается. И предупреждают его: или ты, такой-сякой, переходи к нам искупать свою вину, или мы всю родню твою вырежем, а тебя самого вместе с Окой Городовиковым вздернем на крепком суку... И две веревки приложены. Добротные, петли на них мылом натерты. Только

вешай... Тут Иван Ванькович и взъярился. Побелел весь, а скулы так выперли — думал, кожу прорвут. «Я,— говорит,— за этот подарочек заплачу!» Отпросились они у меня на двое суток — он и Сичкарь. Кирьян на любой рыск всегда готов, тем более за дружка постоять... Значит, переоделись они, Иван Ванькович погоны вахмистра нацепил, а Сичкарь черкеску с газырями всегда при себе возит. Прихватили веревки с петлями и ускакали... Я-то сам дурной: не смекнул сказать им, чтобы живьем в плен приволокли...

— Повесили?! — ахнул Роман.

— Нет, не успели. Пристрелить пришлось. Заскочили в хату, где дрыхли те самые, которые записку писали. Разбудили их, потолковали накоротке и сразу к стенке. А повесить времени не было, беляки кругом.

— Какая дерзость!

— Ребята отчаянные,— согласился Башибузенко, довольный произведенным впечатлением.

Между тем клубы дыма, поднимавшегося впереди, становились все выше и гуще, в степи ощутимо потянуло гарью. От командира полка прискакал ординарец, передал приказ: выйти к железнодорожной насыпи и закрепиться правее будки стрелочника, отвлекая огнем внимание противника.

Леснов с трудом поспевал теперь за эскадроном на своей кобыленке. Мерефа-то порывалась на рысь, стараясь не отстать от колонны, но Роману было уже невмоготу. И на земле оказалось не лучше, когда отдал повод коноводу, а сам направился в цепь. Шагал враскорячку, превозмогая боль. Облегчение почувствовал лишь тогда, когда лег рядом с Башибузенко на грязный снег возле рельсов.

Из домов, окруженных голыми деревьями, стреляли белые. Пули впивались в насыпь, щелкали по металлу, отбивали щепки от шпал. Раздавались короткие пулемет-

ные очереди, но все они почему-то шли выше голов. «Вжжжик!» — словно косой махнут.

Постреливали и буденновцы, но редко и вроде бы неохотно. Пальнет боец раз-другой и сползает вниз, перевернувшись на спину. Закуривает или с соседями язык чешет. Лишь несколько человек возле Сичкаря лежали, выдвинув вперед карабины, и били, тщательно целясь,— хотели снять пулеметчика.

Роман подумал, что особой опасности нет, самое время сейчас пройти по всей цепочке, растянувшейся вдоль насыпи, показать себя, нового комиссара, ободрить того, кто в этом нуждается. Но едва поднялся, чтобы осуществить благое намерение, ближайший к нему боец гаркнул зло:

— Ляг, стерва!

— Я тебе не стерва, а военный комиссар эскадрона,— вспыхнул Роман, задетый за живое, но слова его не произвели особого впечатления.

— Ляг, говорю! Пулю глотнуть хочешь?

— Ложись, ложись, Роман Николаевич,— поддержал бойца Башибузенко.— Куда это ты наметился?

— Цепь посмотреть.

— А ее и отсюда видать всю... Давай не торчи, а то вон Саньку дуром в плечо куснула.

— Саньку? Это не вчерашнего?

— Землячка моего, — подтвердил Башибузенко. — Теперь до рожества проваляется.

— В бою не без потерь, — знающе произнес Леснов.

— Это еще не бой, еще только завязка,— усмехнулся Микола.— Вон там по балочке видишь пехота перебегает? Как она белых с позиций сшибет, мы на коней и айда! Погоним противника, сколь сможем. А ты с повозками здесь побудь.

— В обозе, значит? — обиделся Леснов.

— Ты сам-то раскинь, Роман Николаевич, куда ты сейчас, такой вояка... Ни верхом, ни пеши. А вдруг Мерефа галоп возьмет — в каких кустах тебя искать будем? Ты уж не спеши, обживайся в седле: твое от тебя не уйдет.

Глава четвертая

1

14 декабря поступила новая подробная директива Реввоенсовета Южного фронта. Климент Ефремович и Семен Михайлович, склонившись голова к голове, читали:

«Ударной группе т. Буденного в составе Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий, использовав самым решительным образом для быстрого продвижения пехоты весь наличный транспорт местного населения, стремительным натиском выдвинуться в район Донецкого бассейна и, заняв железнодорожные узлы Попасная, Дебальцево, Иловайская, отрезать все пути отхода для Добровольческой армии в Донскую область. Для занятия Таганрога выделить достаточной силы конную группу. Обращаю внимание т. Буденного, что от быстроты и решительности действий его ударной группы будет зависеть весь успех всей намеченной операции».

— Весь успех операции, Семен Михайлович, сознаешь?

— Это очень правильно Егоров нам пишет, — сказал Буденный, закручивая в стрелку усы. — Я теперь утром и вечером заместо иконы на большую карту гляжу. Вострый клин вбили мы между Донской и Добровольческой армиями.

— Как бы не затупился клин-то! — поосторожничал Ворошилов.

— Нет уж, кровь с носу, а своего добьюсь, к Таганрогу прорвемся, хоть и далеко еще он от нас. А тогда что?

Надвое расколятся тогда все белые силы. Добровольческой армии либо в Крым подаваться, либо в Одессу.

— Эта армия — основная опора всей контрреволюции на юге страны.

— Вот и я так прикидываю. Отколем добровольцев — белые на Дону закисать начнут. И на Кубани тоже.

— Сами-то по себе не закиснут.

— Поможем,— улыбнулся Буденный.

— Это одна сторона дела,— уточнил Климент Ефремович.— Есть и другая, тоже очень важная. В наших руках окажутся уголь и металл Донбасса, донецкий пролетариат вольется в наши ряды. Белые тоже это понимают, а генерал Мамонтов особенно.

— Они стягивают против нас всю свою кавалерию: Донской, Кубанский и Добровольческий конные корпуса.

— Вот и говорю — не затупился бы клин. Нам ведь важно не просто наступать, а двигаться стремительно, чтобы не успели деникинцы разрушить шахты, взорвать заводы.

— Кровь с носу! — повторил Буденный, стукнув тяжелыми ножнами шашки.— До Азовского моря дойдем. А вот дальше как? — глянул вопросительно, пристально: — Вправо поворачивать, к Днепру, на Украину? Или влево — на Ростов, на Дон, на Кубань?

— Куда прикажут.

— Приказать-то по-всякому можно,— Буденный петлял вокруг да около, не спеша высказать заветное, тревожащее: — И справа врагов хватит, и слева в достатке. Только вот какая линия получается,— решился он.— Вправо, на Украину, никому идти неохота, и мне самому тоже. Тамошних рожаков у нас, почитай, совсем нет. А слева, за Ростовом, родные места. Кого ни возьми — с Дона, с Сала или с Маныча. Там семьи остались.

— Мы регулярная армия, Семен Михайлович.

— Да ведь наши края тоже освобождать надо. Вот бы мы за милую душу!

— Не можем мы сами выбирать направление наступления.

— Пущай товарищ Егоров и товарищ Сталин нам директиву спустят. Подсказать бы им.

— Семен Михайлович, курочка еще в гнезде... У нас пока Донбасс впереди.

— Курочка-то снесется, по всему видать. И ежели мы всем нашим Реввоенсоветом решим, что самый резон поворачивать к Дону, то и наверху нас послушают. А на Украине других частей хватит, которые от Киева и от Харькова на белых жмут. Так что надо бы нам в разговоре со штабом фронта одну линию держать.

— Да я вроде согласен,— Ворошилов почесал лоб тупым концом карандаша.— Но подход какой-то анархический: куда желаем, туда повернем.

— Не только куда желаем, но и куда выгодней, где от нас пользы больше. Там люди веселей драться будут. Добровольцами пополнимся, земляками... Поддерживаешь, Клим Ефремович? — Буденный упорно именовал его Климом, хотя еще при первом знакомстве, под Царицыном, Ворошилов поправил шутливо: «Климентом меня кличут, ежели по всей форме».— Поддерживаешь, значит, али что? — повторил он свой вопрос.

— Ладно. Будем в одну точку бить,— сказал Ворошилов и заметил, как потеплели после этих слов обычно холодные, будто ледяные, глаза Семена Михайловича.

2

Ординарец приоткрыл дверь, спросил негромко:

— Чай будете?

— Потом, потом,— рассеянно махнул рукой Ворошилов, занятый своими мыслями...

Есть в военном деле особенность, которая плохо поддается учету, но влияние которой очень велико,— это

боевой дух войск. Зависит он от многих причин: от веры в правоту своего дела, от общего положения на фронте, от обеспеченности всем необходимым, от понимания каждым бойцом своей роли в развернувшихся событиях. Дело, конечно, не в настроении одного человека, получившего плохое письмо из дому или, к примеру, до костей продрогшего в зимнем дозоре,— дело в том, какое настроение, какой дух у всей массы людей, рядовых и командиров, которые составляют полки и дивизии. Когда бойца гонит вперед только приказ, когда думает он не о победе, а о сохранении своей жизни, пытаясь укрыться в любой канавке, отсидеться в окопе, в подвале — это одно. И совсем другое, когда боец ищет любую возможность разбить или оттеснить врага, когда сотни и тысячи отдельных стремлений сливаются в единый наступательный порыв.

Как раз такой порыв владеет теми войсками, которые гонят сейчас на юг деникинцев. Почему? И сил у белых не меньше, и опыта вполне достаточно, а вот поди ж ты: красноармейцы наносят удар за ударом. Вдохновляет воинов Советской республики недавняя победа над Колчаком, снявшая угрозу с востока, развеявшая мрачную завесу над Уралом и Сибирью. Окрыляют успехи на Южном фронте. И надо, чтобы политработники больше рассказывали бойцам о наших достижениях. Пусть знают люди.

Шарахнулись вражеские генералы: от Москвы пробежали половину пути до Черного моря! Добить бы поскорее Деникина: ведь его войска — последняя надежда белых, последний их крупный козырь. Если и останутся еще козыри, то уже послабее, помельче.

Так размышлял Климент Ефремович, покачиваясь на упругом диване в командирском отсеке бронепоезда. Полулежал, ослабив ремни. Собственно, пришел сюда не отдыхать,— уединился, чтобы поработать над статьей для армейской газеты. Вывел на листе заголовок: «У ворот

Донецкого бассейна» — и отложил карандаш. Перестук колес, плавное движение, да и сама обстановка уютного маленького купе настраивали на спокойный лад, располагали к раздумью.

За два года гражданской войны, ведя основные боевые действия вдоль железных дорог, и красные, и белые соорудили на скорую руку множество различных бронепоездов. Обычные пульманы, теплушки обшивали сталью или железом, а чаще из-за нехватки времени и материалов блиндировали изнутри мешками с песком, оставляя бойницы для пулеметов. Артиллерийские орудия — на платформах. Настоящих бронепоездов — со специальными паровозами, с тяжеловесными вагонами-черепахами из клепаной стали, с пулеметами во вращающихся бронеколпаках, с орудиями в башнях — таких бронепоездов насчитывались единицы. И этот, целехоньким захваченный у противника дней двадцать назад, был как раз из их числа.

Построили его иностранные инженеры, команду обучали французские инструкторы, оставившие в поезде привезенный ими запас продуктов и табака. Непривычный сладковатый табачный дух до сих пор держался в купе. Некурящий Ворошилов запахи улавливал очень чутко. Он и в купе-то ушел не столько от разговоров, сколько из-за отупляющего махорочного дыма, висевшего в плохо проветриваемом вагоне, где разместился полевой штаб армии. Какая уж работа над статьей! Один Семен Михайлович целую дымовую завесу создает. Как достанет свою жестяную коробку с самосадом, как свернет «козью ножку»... Впрочем, какую там козью, коровью...

Тяжело, конечно, терпеть табачную вонь, но Климент Ефремович смирился с этим, сам настоял, чтобы Реввоенсовет с полевым штабом разместились в пульмановском вагоне, а вагон этот был прицеплен к бронепоезду, у которого и паровоз безотказный, и защита надежная.

Справедливости ради надо сказать, что идея насчет бронепоезда принадлежала хитрому Ефиму Щаденко, и высказал он ее очень своевременно, сумел ослабить одно из главных расхождений между Ворошиловым и Буденным. По укоренившейся привычке Семен Михайлович не мог сидеть на месте, управлять из штаба. Так и рвался в дивизии, в бригады, сам руководил боями, рискуя порой упустить из виду весь ход сражения. Климент Ефремович несколько раз говорил ему об этом. Подчиненные командиры должны знать всегда, где Буденный, чтобы в любой момент связаться с ним, доложить обстановку, получить указания. А попробуй разыскать Семена Михайловича, если он в атаку впереди полка ускакал!

Бронепоезд был хорош тем, что позволял полевому штабу двигаться вместе с войсками, в гуще их, и в то же время являлся совершенно определенным пунктом местонахождения Реввоенсовета. Сюда стекались сведения, отсюда исходили приказы и распоряжения. А если уж крайне нужно Буденному съездить в дивизию, которая наступает в стороне от железной дороги, на это не требуется много времени. В общем бронепоезд устраивал всех, тем более что, двигаясь от станции к станции, можно было поддерживать довольно устойчивую связь со штабом Южного фронта.

Ночью отряд бронепоездов прибыл в Сватово. Все пути здесь были забиты эшелонами, которые деникинцы не успели угнать. С трудом расчистив главную линию, бронепоезда двинулись дальше, вслед за 4-й кавалерийской дивизией, наступавшей совместно с 9-й стрелковой...

Климент Ефремович опять попытался сосредоточиться на статье. Она должна быть ясной, призывающей к конкретным действиям. Но прежде всего самому надо понять и оценить особенности сложившейся обстановки.

Вспомнился недавний разговор с Семеном Михайловичем о том, что, разрубив вражеский фронт и дойдя

до Таганрога, надо повернуть влево, в те места, где возник отряд Буденного. Не в этом ли стремлении многих кавалеристов своеобразие момента? На войне далеко не всегда бывает так, чтобы общие цели борьбы непосредственно совпадали с личными интересами всех участников событий — от солдат до крупных военачальников. А сейчас совпадали, усиливая боевой порыв.

Еще 4 октября, когда белогвардейцы шли на Орел, не сомневаясь в успехе, когда все враги революции ликовали, подсчитывая, сколько километров отделяют деникинцев от Москвы, в «Правде» была напечатана полная оптимизма статья Владимира Ильича «Пример петроградских рабочих». В ней четко говорилось, что именно предпринять, чтобы отразить вражеский натиск и самим двинуться вперед. Даже направление будущего стратегического наступления указал товарищ Ленин: от Орла на Курск и на Харьков. Военным руководителям, Главному командованию оставалось только принять к сведению разумный совет. Это они и сделали, подготовив соответствующие планы движения красных войск на юг, к Харькову, и дальше — на Донбасс.

Говорилось в статье и о наступлении на Дону, к центру казачества. Одно другому не мешало, а только содействовало, заставляя врага распылять силы.

Судьба Климента Ефремовича и судьба Екатерины Давыдовны тоже накрепко связаны были с Харьковщиной и особенно с Донбассом. До революции подпольно работали в этих местах. После Октября воевать пришлось. Здесь в марте 1918 года создал Ворошилов 1-й Луганский социалистический партизанский отряд, воевал с немцами, с петлюровцами, с белоказаками. Отсюда пробивался на восток, уводя шестьдесят эшелонов с донецкими шахтерами и металлистами, с их семьями, с военным имуществом, формируя на ходу боевые части, которые потом отстояли Царицын.

В ту пору, покидая под натиском противника щедрый край, столь необходимый для республики, Климент Ефремович много раз повторял на митингах, в разговорах с товарищами: мы вернемся сюда, расплатимся с врагами за все горе, за все перенесенные муки...

Он рывком поднялся с дивана, затянул портупею, решительно подчеркнул заголовок статьи. Кончик карандаша заскользил по бумаге, едва поспевая за нахлынувшими мыслями:

«Непобедимая славная Красная Армия снова подошла к Донецкому бассейну. Еще пара недель — и красные полки вступят в царство угля, железа, машиностроения, соли и других благ, которыми изобилует этот богатейший район России. Революционный народ получает принадлежащие ему богатства, которыми на время завладели злые хищники...

Пролетариат и крестьянство, руководимое большевиками (коммунистами), проливают свою и врагов своих кровь за свои собственные интересы, за вольный труд, за светлую жизнь и равенство всех людей. И революционный народ с замиранием сердца следит за отчаянной борьбой своих лучших сынов с вековечными врагами, которые не хотят дешево отдать Донецкий бассейн. Подлый враг знает, что Донецкий бассейн в руках народа — это осиновый кол в гнусную голову контрреволюции.

Когда у нас будет уголь, загромыхают поезда железных дорог, развозя народу соль, сельскохозяйственные машины, мануфактуру, заработают заводы и фабрики и отопят рабочие центров свои холодные жилища.

Свободней вздохнет измученный народ. Прибавится сил для борьбы с насильниками — фабрикантами и помещиками. И легче ему будет начисто покончить с контрреволюционными полчищами деникиных и мамонтовых.

Крепче же сожми винтовку, красный воин! Получше приготовься, красный храбрый кавалерист, и стройными

стойкими рядами сметем деникинские банды с лица пролетарского Донецкого бассейна!»

Закончив работу, он на отдельном листке написал Екатерине Давыдовне, попросив ее прочитать статью, поправить, если будет такая необходимость, и поскорее печатать. Кавалеристы молодцы, они идут вперед, ломая все сроки. Как бы не запоздала статья!

Положив бумаги в пакет, велел немедленно, с нарочным, отправить в политотдел армии.

Увлекшись делом, он не обратил внимания на то, что усилилась, участилась пальба. Звуки стрельбы настолько были привычны, что совершенно не тревожили его. И только когда от взрыва дрогнул тяжелый стальной вагон, Климент Ефремович насторожился. Бронепоезд сбавлял ход и наконец замер на месте. Тяжело посапывал паровоз. Слышался гомон голосов, ржание коней, раздавались команды.

Распахнув массивную дверь, Ворошилов выпрыгнул на свежий, неистоптанный снег. Бронепоезд стоял на каком-то разъезде. Впереди и сзади дымили другие поезда бронеотряда. Совсем близко, метрах в семидесяти от железнодорожного полотна, пролегала дорога, по которой двигались войска: кавалерия вперемежку с пехотой.

Мороз не особо чувствовался, но ветерок продувал, конники кутались в бурки, а у кого не было, повязали башлыки, подняли воротники полушубков, бекеш, шинелей. Лиц почти не видно, знакомых не различишь. Но вот появились сани с патронными ящиками, следовавшие за колонной, и Ворошилов узнал комиссара из москвичей.

На ходу сел в сани, вызвав удивление комиссара:

— Товарищ Ворошилов? Откуда вы?

— С неба свалился! Эскадрон твой где?

— А вот, впереди. Двигаемся в составе полка.

— Сам почему не с людьми?

— Лошадь еще не освоил, но я осваиваю, и уже неплохо,— порозовели щеки Леснова.— Только на большое расстояние пока не могу. Башибузенко сам предложил: езжай в санях, а в бой, в атаку, вместе со всеми...

— Как у вас взаимоотношения?

— Все нормально, товарищ Ворошилов. С бойцами знакомлюсь, начал работать. Беседу провел о положении в республике и на фронте. И в быту всякие случаи. Вроде бы мелкие, а заботы требуют.

— Людей, людей готовь в партию... Ну, успеха тебе! — Климент Ефремович на повороте ловко соскочил с саней. Леснов, приподнявшись, радостно улыбался ему вслед.

Ворошилов помахал рукой. Хорошо, что увидел парня. Одиноко, наверно, чувствует он себя среди новых людей, в непривычной обстановке. А тут — несколько деловых фраз, несколько теплых слов, и сразу бодрости больше у человека, уверенности. Надо посоветовать комиссарам дивизий собирать молодых политработников, чтобы поговорили, обменялись опытом, почувствовали локоть друг друга.

По неглубокому снегу Климент Ефремович пошел назад к бронепоезду. С подножки штабного вагона стремглав скатился невысокий плотный командир в серой кубанке, с черными усами на бронзовом скуластом лице. Это же начальник 4-й кавдивизии!

— Ока Иванович? Куда торопитесь?

— Бегим, пока башкам цел! — коверкая второпях слова, ответил Городовиков. Птицей взлетел в седло, стрельнул горячими глазами:

— Семен шибко злой!

И умчался напрямик по белой целине.

— Что это с Окой Ивановичем? — осведомился Ворошилов, входя в салон. Буденный бросил на стол, покрытый большой картой, звякнувший циркуль.

— Жалуется?

— Нет, сам видел: выскочил он как ошпаренный.

— Мало я ему всыпал! — Семен Михайлович еще не остыл, голос звучал жестко: — У него какой был приказ? Ввести в бой все наличные силы, захватить станцию Меловатку. А он, видишь ли, бригаду в резерве держит на всякий случай, он сам себе голова.

— А результат? — Ворошилов доброжелательностью своей старался успокоить Семена Михайловича, но тот продолжал гневаться. Взял циркуль, повертел в руках и опять бросил.

— Остановили его белые — вот и результат. Задержали, подтянули свои части. Укрепились в Меловатке, теперь трудно их вышибить. А это у нас главное направление.

— Но и без резерва начдиву тоже нельзя.

— Вот и он, вместо того чтобы приказ выполнять, рассуждать начал... А на кой черт ему собственные резервы, если вслед за его дивизией, во втором эшелоне, стрелковая дивизия двигается и всегда может его поддержать... Привыкли только на свои силы надеяться.

— Семен Михайлович, привычку-то сразу не преодолеешь, взаимодействию в один день не обучишься. Мы с тобой новое дело тоже не без труда осваиваем.

— Его дело — приказ выполнять.

— Теперь выполнит, будь уверен,— улыбнулся Климент Ефремович.

— С опозданием. Внезапность потеряна.

— А насчет башки что ты ему говорил?

— Насчет башки? — сдвинул брови Буденный.— Ничего... Почти ничего...

— И не надо, Семен Михайлович, особенно при подчиненных. Будем авторитеты беречь. Ты ведь не только командарм, но и коммунист, на тебя тысячи равнение держат.

— Ладно, сорвалось,— буркнул Буденный, вновь склоняясь над картой.— Вот она, Меловатка. По совести сказать, я тоже, как и Городовиков, не ожидал, что белые туда столько сил стянут. Держатся за нее, как голодный за булку.

— Может, решительный бой хотят дать у ворот Донбасса?

— Вполне может быть,— согласился Семен Михайлович.

3

— Статья напечатана, Клим,— сказала Катя.

— Быстро! И без поправок?

— Все, как было.

— Ну, спасибо! — он очень дорожил мнением Кати и не удержался от вопроса: — Действенно получилось?

— Помнишь наш разговор, Клим? Тогда, за картошкой?

— Я думал о нем.

— Ты можешь писать доходчивее, живее, теплее.

— Зато все изложено точно — как болт в гайку!

— Да, Клим, сплошное железо. Ты последнее время вообще слишком сдерживаешь себя во всем.

— Такая должность, Катя... А моя статья — это ведь призывы, лозунги для всей нашей армии, начиная от самых сознательных коммунистов и до рядовых неграмотных бойцов. Чтобы до всех дошло. Это, если хочешь, своего рода директива нашего Реввоенсовета. А в директиве главное, чтобы все было определено четко и ясно... Обстановка так диктует, понимаешь, Катя?

— Не знаю, Клим,— задумчиво ответила она, и в голосе ее прозвучал не столько упрек, сколько сомнение.

4

«Рана зажила, батенька, а нездоровье ваше — от угнетения духа,— резюмировал врач, известный хирург, привезенный к Мамонтову.— Переутомились, развлечься надобно, встряхнуться. С дамами, знаете ли, тру-ля-ля»,— маленькая сухонькая ручка его произвела этакий легкомысленный жест.

Веселый старичок попался и недалек был от истины. Что значит легкая боль в ноге для кавалерийского генерала?! При хороших новостях он совсем забывал о ней, да только вот радующих сообщений почти не поступало. Неприятность за неприятностью. И после каждой давала себя знать рана, а в последние дни стало еще побаливать сердце, чего не случалось никогда прежде. Оно билось непривычно сильно и часто, а потом накатывала вялость, генерал задыхался, распахивал форточку или даже окно. Это он-то, который еще недавно, летом, носился в открытой автомашине по полю боя, среди разрывов, увлекая вперед казаков. Было вдохновение, был подъем. Впереди — матушка первопрестольная, еще усилие — и они в Москве, и конец Совдепии...

Не смогли, не сумели, просчитались в чем-то. Перенапрягшаяся пружина лопнула. Не осталось надежды, объединяющей белые силы. Что теперь? Начинать с самого начала? Но кому? У всех усталость и равнодушие. Офицеры откровенно поговаривают о Париже, о спокойной Швеции. Мобилизованные солдаты разбегаются при первой возможности. Фронт с грехом пополам держат казаки, которым ничего другого не остается. За границей их никто не ждет, хочешь не хочешь, а защищай подступы к своим станицам и хуторам. Придут красные — припомнят пролитую кровушку. Но как ни закалены казаки двумя войнами, стойкость их тоже имеет предел.

Деникин и его приближенные готовы на все, лишь бы удержать Донбасс. Тут и сырьевые ресурсы, и интересы иностранных предпринимателей, которые оказывают немалую помощь белой армии. За десять эшелонов донецкого угля — эшелон с военными грузами! А генерал Мамонтов думал о другом: как сохранить костяк своих кавалерийских соединений, основу для возможных формирований в будущем. Ведь еще два-три удара Буденного, и иссякнет сила казачьих полков, порвутся внутренние связи, войска превратятся в неуправляемую толпу.

Чтобы предотвратить это, нужна победа. Хотя бы маленький, но ощутимый, окрыляющий успех. Он позволит на какое-то время остановить продвижение красной конницы, казаки получат отдых, можно будет пополнить дивизии, навести порядок. Потом, вероятно, опять начнется отход, но планомерный, от рубежа к рубежу.

Штабные офицеры предлагали организовать прочную оборону вдоль Северного Донца, однако Мамонтов был против. Пассивной обороной красных не удержать. Они обойдут справа и слева, добьются своего. Есть только один способ: нанести неожиданный контрудар там, где у Буденного меньше сил, вырубить, уничтожить его передовые части. Это ошеломит, задержит красных, заставит их действовать осторожней.

Терпеливо ожидал Мамонтов выгодного момента. И наконец дождался. Ночью поступило сообщение разведки: вдоль железной дороги к станции Меловатка двигается 4-я кавалерийская дивизия красных. Одна. Другие дивизии Буденного находятся на значительном удалении от нее, быстро прийти на помощь не смогут. Правда, за 4-й кавалерийской дивизией следует пехота неустановленной численности, но она, по мнению Мамонтова, серьезной угрозы не представляла. Он вообще пренебрежительно относился к пехотинцам, а к красным — тем более. Вооружены они слабо, обмундированы из рук

вон плохо. По снегу — в лаптях. Им только в избах сидеть, чтобы ноги не обморозить.

Поборов самолюбие, Мамонтов связался с генералом Улагаем и генералом Шкуро, попросил их выделить для контрудара все, что смогут. Те понимали, что сейчас не до распрей, обещали помочь.

Мамонтову удалось быстро и незаметно собрать у Меловатки вдвое больше сил, чем располагали красные. Оставалось только надеяться, что на этот раз капризная фортуна повернется наконец лицом к белому воинству.

5

Эскадрон долго стоял в окраинных садах, неподалеку от станции. Так долго, что Роман Леснов утомился от напряженного ожидания и промерз в своих ботинках с обмотками. А привычным к походной жизни кавалеристам хоть бы что. Привязали коней к деревьям, к столбам, дали им сена. Разожгли костерки из досок сломанного забора. Кто чай кипятил, кто картошку варил, кто просто руки грел над огнем, веселя товарищей шуткой-прибауткой. Людей было много: весь полк раскинулся цыганским табором. Раздавался громкий смех, и даже гармошка пиликала, словно не было близкого боя, томительной неясности.

Роман, любивший четкость и определенность во всем, никак не мог понять, что происходит. С утра наступали наши и отбросили белых за Меловатку, а теперь стрельба опять гремит на улицах, угрожающе разрастаясь и приближаясь. Все больше появлялось раненых, не только кавалеристов, но и пехотинцев. Они говорили, что противник жмет с двух сторон, у белых много пушек и пулеметов, простым глазом видно, как подходят к врагу резервы.

— Раненые завсегда с перепуга набрешут,— посмеивался Башибузенко, хлопая нагайкой по высокому лакированному голенищу. Но Леснов угадывал в глазах его тревогу.

В садах, в огородах, в чистом поле за крайними мазанками все чаще рвались снаряды, оставляя черные, зияющие среди снега воронки. Один снаряд боднул землю так близко, что долетели до Романа мерзлые комья. Сорвался с привязи и умчался чей-то буланый конь. Всерьез никто не пострадал, только командиру третьего взвода Пантелеймону Тихому твердый комок шлепнул прямо в физиономию, расквасил нос. Сичкарь и еще один боец быстро обмыли лицо Пантелеймонова теплой водой, сделали перевязку, оставив лишь щели для глаз. Но поврежден нос был сильно, кровь продолжала сочиться, на повязке проступило и расплывалось пятно.

Появился командир полка, такой же рослый, как и Башибузенко, казавшийся просто огромным в своей необъятной бурке. Потолковал о чем-то с Миколой, потом они вместе подошли к Леснову. Тот представился. Командир полка хмыкнул неопределенно.

— Ишь ты, комиссар, значит... Слышал про тебя. На досуге почаевничаем, если живы будем, про Москву антиресно послухать... А сейчас задача такая... Где пулеметчик?

— Здесь,— подбежал, поправляя черную папаху, Нил Черемошин.

— Вникай. И ты, комиссар, тоже. Полк вон туда пойдет, где колокольня. А тут фланг открытый. Балка из степи прямо к домам выводит, по ней в самый раз казакам подобраться.

— Снежно,— сказал Черемошин.

— Пеши. Али пластунов двинут. Если они тут просочатся, нам туго придется.

— Одного пулемета мало,— прикинул Роман.— Степь большая.

— Степь не ваша забота, там прикрытие есть. Самая опасность из этой балки. Чтобы ни один казак... Без приказа не отходить. Могу быть в надеже?

— Не отойдем,— сказал Леснов.

— Тут хата разваленная, а фундамент прочный,— деловито пояснил Черемошин.— Мы среди кирпичей приспособимся. И сектор обстрела широкий...

— Сами, сами соображайте,— командир полка покосился на ноги Леснова и — к Башибузенко: — Что это у тебя кавалерист в обмотках? Обмундировать не можешь? Мне заботиться?

— Упустил! — у Миколы разом побагровело лицо.— Пригляделся, не замечал. Исправлю!

Через несколько минут сады опустели. Остались на месте бивака догорающие костры, да воробьи суетились возле кучек свежего навоза. А стрельба переместилась еще ближе, вроде бы даже крики были слышны.

Роман оглядел свой малый отряд. Расторопный Черемошин вместе со вторым номером уже установил в развалинах «максим». Туда же неуверенной походкой, не отрывая от лица левую руку, прошел Пантелеймон Тихий, расстегивая деревянную коробку маузера. Леснов — сам четверт — взял из саней винтовку.

Только устроились они среди груд битого заиндевевшего кирпича, вдали, в степи, замельтешили черные фигуры всадников: появились казачьи разъезды.

— Во как они наметились! — беспокойно заерзал возле пулемета Нил Черемошин.— Прямо в тыл норовят выскочить. Перехватят железку — вся дивизия в кольце!

— Ты не туда смотри,— у Пантелеймона Тихого голос вообще был слабый, а сейчас, когда мешала повязка, звучал шепеляво и неразборчиво: — В балке-то пешие зашевелились.

— Этих я враз подсеку! — уверенно и даже вроде обрадованно произнес Черемошин.

— Не надо,— остановил его Леснов.
— А чего? Патронов в достатке.
— Их только четверо. Разведка. Мы их винтовкой отпугнем, чтобы пулемет не раскрыть. Как, Пантелеймонов?
— Винтовкой,— поддержал тот.
Роман с детства стрелял неплохо. Еще отец когда-то учил без промаха бить из берданки. И сейчас не хотелось осрамиться перед товарищами. Аккуратно передвинул планку прицела, прочно утвердил локти. Метился в белогвардейца, который шел левее других: длинный, тощий, полы шинели подвернуты под ремень. Чтобы наверняка не промазать, наводил не в голову, а в грудь.
Срез мушки точно совместился с прорезью прицела. Роман плавно нажал курок. Белогвардеец взмахнул руками и опрокинулся навзничь, будто от сильного толчка. К нему кинулись двое, и тут Леснов сгоряча допустил ошибку. Надо было метиться спокойно, свалить хотя бы еще одного беляка, а он заторопился, начал бить быстро и, выпустив всю обойму, лишь подранил пластуна. Тот побежал обратно, хромая. А из балки навстречу ему поднялась, вероятно, целая рота. Быстро пошла вперед, умело растягиваясь в цепь.
— Давай! — крикнул Леснов, не ожидавший, что атака начнется так скоро.
— Сейчас они у меня прикурят, сейчас прикурят! — насмешливо приговаривал Черемошин с таким выражением лица, какое бывает у мастеров, принимающихся за привычное, хорошо знакомое дело. Нажал гашетку — и в цепи сразу рухнули трое.

Да, такой виртуозной стрельбы Роману видеть не доводилось. Черемошин бил на выбор, очень короткими очередями, в три — пять патронов. Порой даже, тщательно прицеливаясь, одним — как из винтовки. А когда белые приблизились, длинно полоснул вдруг по центру. Очередь

влево, затем вправо, опять прямо перед собой. Белые, не ожидавшие встретить такой отпор, откатились назад, укрылись в балке, оставив на снегу десятка полтора темных бугорков.

— Фу-у-у! — выдохнул Черемошин, вытирая пот, струившийся из-под черной косматой папахи.

— Ну, ты мастак! — похвалил Леснов.— Тебе только призы брать!

— Да чего уж там, на ровном поле каждый сумеет,— застеснялся Черемошин.

— Командир эскадрона говорил, что ты всеми системами пулеметов владеешь?

— Нет, всех-то много. А я «льюис» и «гочкис» знаю. Ну и «максим», конечно.

— Воюешь ты первоклассно, человек грамотный... С программой партии нашей знаком?

— А как же! По этой программе бьемся.

— В партию тебе надо.

— Нет,— сказал Черемошин, поворачиваясь к Леснову.— Нельзя мне, комиссар.

— Это еще почему?

— Невразумительный я.

— Какой? — удивился Роман.

— В пятнадцатом году работал на военном заводе, как раз для пулеметов детали обтачивал. Ребята, которые в большевиках, мне доверяли. Прямо даже задачу ставили: иди с народом толкуй. А я не умею, не научился. Вроде бы знаю, про что говорить, в голове держу, а язык чужой. И неловко людей учить. Что я, выше их разве стою? Ну, ребята и рассердились: невразумительный, мол, ты, Черемошин.

— Языком работать — это не главное.

— А как же? У партийного первое дело на всяких собраниях и митингах речи произносить. Только у меня не получится.

— И не надо, дорогой ты наш товарищ! Чудило ты, право! — восхищенно толкнул его в плечо Роман.— Тоже нашел вескую причину! Да большевик на фронте — это прежде всего в бою пример для других. А ты, можно сказать, образцово «максимом» своим беляков крошишь!

— В партию я всей душой,— улыбнулся обрадованный Нил.— Только бы речи не говорить.

— Все, друг, после боя подавай заявление!

— Я тоже подам,— сказал Пантелеймон Тихий, очень внимательно слушавший их разговор.— Не свалит меня нынче беляк, тоже попрошу, чтобы в партию записали. Определяться надо и мне, и брательнику.

Леснов не успел ответить: стремительно нараставший вой снарядов заставил всех прижаться к земле. Два разрыва вскинулись в саду, еще два начисто снесли небольшую хатенку.

— Нас нащупывают,— откашливаясь, прохрипел Черемошин.

— Ты слышал меня, комиссар? — спросил Пантелеймон Тихий.

— А как же, как же... Очень мне приятны такие слова. Завтра обсудим. Или даже сегодня вечером...

— Сегодня не получится. Здесь до ночи работы хватит.

Второй номер пулеметчиков, малорослый, похожий на мальчишку боец, завозился в ямке, оглядываясь:

— Патроны в санях... Испужается лошадь, сорвется...

— Сколько там? — поинтересовался Леснов.

— Два ящика.

— Как, Черемошин?

— Тащи сюда, только поосторожней,— ответил Нил.

Боец побежал согнувшись, огибая деревья. Он еще не скрылся из глаз, как вновь засвистели снаряды. Грохот заложил уши. Посыпалось земляное крошево, ветки. Снова рвануло. Затем в наступившей тишине Роман с тру-

дом различил голос Черемошина, догадался, о чем он говорит: из балки опять высыпали пластуны. Но теперь не в полный рост, а осторожно, перебежками.

С этой секунды время для Леснова словно бы остановилось. Не было больше ни треска выстрелов, ни разрывов, ни дыма, ни криков. Вроде один на один остался с теми черными, настойчивыми, опасными, которые приближались к нему, стараясь убить его. Ловил на мушку ускользающую фигуру, нажимал спусковой крючок, передергивал затвор, опять целился. И так много раз, бесконечно. Судя по тому, как опустел подсумок, расстрелял половину запаса, сто пятьдесят патронов. Сколько же на это ушло времени?

Отложив наконец винтовку с горячим стволом, он удивленно поглядел вокруг. Будто в незнакомое место попал, так все изменилось. Солнца почти не было видно: маленький багровый шарик плыл, ныряя, среди клубов дыма, поднимавшегося над горящими хатами. Деревья искалечены, сад изрыт воронками, снег присыпан землей. Маленький боец, второй номер, лежал метрах в семи от Романа, распластав руки, будто сгребая рассыпанные желтые патроны. Боец вроде бы сделался еще меньше. Леснов не сразу понял, что у полузасыпанного трупа оторваны обе ноги.

Роман, ахнув, скорей повернулся к товарищам. У Пантелеймона повязка на лице вся стала черной от грязи и копоти, в прорези маски лихорадочно блестели глаза.

Черемошин ловким, точным движением вынул из пулемета какую-то деталь, протер, поставил обратно. Захлопнув крышку, произнес озабоченно:

— Патронов еще на одну такую атаку.

— Я рассыпанные соберу.

— Погоди, погоди, комиссар. Вон чего там деется!

Вдали, в открытой степи, где виднелись недавно казачьи разъезды, скопилась уже густая масса конницы. Че-

тырьмя большими группами кавалеристы изготавливались к атаке.

— Тыщи полторы,— прошепелявил Пантелеймон Тихий.— Этих удержать некому. Прямо в тыл!

— Не ной! — сердито бросил Черемошин.

— Разве я ною, я прикидываю. Подпол тут есть, возле печки. Патроны кончатся — можно туда нырнуть. Отсидимся до темноты. Как, комиссар?

— Если кончатся, тогда ладно,— не очень уверенно ответил Леснов.

Не дело, конечно, в подвале отсиживаться, но что же еще? Пропадать без всякой пользы?..

Белая кавалерия между тем заколыхалась, двинулась всеми четырьмя группами. Покатилась по равнине, набирая скорость. Холодным блеском сверкнули сотни выхваченных из ножен клинков. Грозный гул, слитый из конского топота и многоголосого людского рева, ударил в уши.

Одновременно с конницей бросились в третью атаку пластуны. Леснов опять стрелял по ним, видел только их, по всем существом своим улавливал гул приближавшейся лавы, понимая, что это конец.

6

Поднявшись на водокачку, Ворошилов и Буденный в бинокли наблюдали за развитием событий. Деникинцы упорно, настойчиво пробивались к станции Меловатка, оттесняя спешенные эскадроны. Там была скована боем вся 4-я кавалерийская дивизия Городовикова, все его резервы, большая часть подошедшей пехоты. Воспользовавшись этим, белые сосредоточили на флангах свою конницу. Замысел их был прост и надежен: замкнуть кольцо, одним ударом покончить с вырвавшимися вперед красными полками. Семен Михайлович и Климент Ефре-

мович сразу поняли эту угрозу, едва первые казачьи сотни появились в степи.

Действовали деникинцы уверенно, не таясь, по своему плану. Знали, что у Буденного нет поблизости крупных сил, способных изменить положение. Казалось, впервые за два месяца обстановка полностью благоприятствовала белогвардейцам.

У Климента Ефремовича от волнения горели щеки. Посматривал туда, где редкой цепочкой лежали возле железнодорожного полотна бойцы прикрытия. Мало их. К тому же — молодые пехотинцы. Дрогнут перед казачьей лавой, побегут в панике...

— Семен Михайлович, чего мы ждем?

— Атаки ждем, дышло им в рот! — злой усмешкой искривилось лицо Буденного.

— Начнут сейчас!

— Минут через пятнадцать... Вон еще сотни подтягиваются. Ты, Клим Ефремович, здесь оставайся.

— С какой стати?

— Я за тебя в ответе.

— А я за тебя. Лишний ствол никогда не помеха. Пошли!

— Ну, гляди! — Семен Михайлович первым загрохал вниз по ступеням, придерживая шашку. На водокачке остались только наблюдатели.

За полустанком, скрытые в глубокой выемке, стояли четыре бронепоезда. Паровозы попыхивали белыми султанами, которые сливались с дымом пожарищ. Людей не видно: укрылись за броней, за мешками с песком.

То, что задумал Буденный, было очень рискованно. Какая-нибудь нелепость, случайный снаряд, упавший на железнодорожное полотно, могли сорвать его замысел. Но другого выхода ни он, ни Ворошилов сейчас не видели. «Побеждают решительные!» — рассудил Климент Ефремович, одобрив предложение командарма.

Конечно, члену Реввоенсовета совсем не обязательно было принимать участие в опасной операции. Больше того, он не должен был участвовать в ней. Мог задержаться на водокачке, мог уехать на дрезине в тыл. Но Климент Ефремович, вопреки всем правилам, знал: сейчас он должен находиться вместе с бойцами, рядом с Буденным.

Когда наблюдатель на водокачке взмахнул сразу обеими руками, показав, что белая конница одновременно двинулась с двух сторон, Семен Михайлович отдал короткое распоряжение. Залязгали буфера. Климент Ефремович, стоявший в командирской башне бронепоезда, видел, как тронулся первый состав, потом второй. Медленно поползли мимо телеграфные столбы.

Четыре блиндированных поезда появились на открытом месте как раз в то время, когда казачьи лавы, развив полную скорость, катились к железной дороге, почти не неся потерь от поспешной стрельбы красноармейцев. И вдруг по разгоряченным, уверенным в успехе всадникам с близкого расстояния ударили пятнадцать орудий, хлестнули свинцовыми струями два десятка пулеметов.

Огонь был настолько плотным, что буквально смел первые ряды белогвардейцев, бросил их под ноги тех, кто скакал следом. Образовалась свалка. Падали кони, вылетали из седел всадники. В этой куче вспыхивали разрывы снарядов, не ослабевал пулеметный ливень.

Казаки, сумевшие придержать коней или не попавшие в зону огня, поворачивали назад, неслись во весь опор, нахлестывая своих резвых.

Судьба боя решилась в считанные минуты. Уцелевшие всадники скрылись из виду, оставив в степи груды трупов. А бронепоезда, изредка выбрасывая языки пламени из коротких и тупорылых орудийных стволов, поползли к Меловатке.

Вдоль состава бежал Семен Михайлович. Вскочил на подножку, крикнул возбужденно:

— Вот всыпали — долго чесаться будут! А мы теперь Городовикову поможем... Прямо на станцию, башки белым сымать! Ты согласен?

— Давай! Раз сымать, так сымать! — весело поддержал Ворошилов.

7

— Ваше превосходительство, донесение от генерала Науменко, — доложил адъютант. — Генералу Улагаю и вам.

— Со станции Меловатка?

— К сожалению, нет. Он со своими казаками находится уже на изрядном расстоянии от этого населенного пункта,— адъютант был довольно развязен, но всегда бодр, весел, полон юмора, поэтому Мамонтов прощал ему многое.

— Читайте же!

— Слушаюсь... Командующему конной группой. Настоящим докладываю, что наши наступающие войска были встречены сильным артиллерийско-пулеметным огнем,— у адъютанта бархатистый, хорошо поставленный голос.— Отразив наши атаки, красные сами нанесли несколько последовательных контрударов, отбросив казачьи части на юг и юго-восток. Под нажимом противника отступление переросло в бегство, которое не поддается описанию. Все попытки мои и чинов штаба остановить бегущих не дали положительных результатов, лишь небольшая кучка донцов и мой конвой задерживались на попутных рубежах, все остальное стремилось на юг, бросая обозы, пулеметы, артиллерию. Пока выяснилось, что брошены орудия 12, 8 и 20-й донских батарей. Начальников частей и офицеров почти не встречал, раздавались возгласы, что начальников не видно и что они ускакали вперед.

— Все?

— Так точно. Финита ля комедия.

Мамонтов хотел одернуть адъютанта, но раздражение, нараставшее в нем, пока слушал, сменилось вдруг вялостью, безразличием. Чего уж срывать свое настроение на молодом офицере. Для него эта неудача столь же огорчительна, как и для генерала, но адъютант держит себя в руках, даже шутит. И молодец, ничего другого не остается: только делать хорошую мину при плохой игре и не терять все-таки надежду на лучшее будущее.

8

Великолепного коня захватили под Меловаткой. У вороного кабардинца с мускулистой шеей, с горбоносым профилем шерсть была черной как смоль, отливала синеватым блеском. Ноги сухие, точеные, очень сильные. Башибузенко целый вечер рассказывал Леснову, какие отличные лошади эти самые кабардинцы. Привычны к горам, переносят и жару, и холод, долго терпят без еды и питья. И рысят хорошо, и в галопе легки. А уж до чего умны, до чего надежны! Оставь без привязи — никуда не уйдет. Только покличь — и на месте.

Роман, заинтересовавшись, начал приглядываться к коню. Вероятно, у кабардинца долгое время был один хозяин, к которому он очень привык, скучал теперь без него. В больших, выразительных глазах — живая тоска. Он спокойно держался среди других запасных, заводных, коней, послушно шел за коноводом, но ездить на себе не позволял никому. А желающих было много. И Сичкарь, и Калмыков, и другие отменные всадники хотели покрасоваться на вороном, да не получалось. Кабардинец не ярился, не впадал в бешенство, стараясь сбросить человека, он сопротивлялся пассивно, умно, с непримиримым упорством.

Поднимет боец седло, чтобы аккуратно опустить его на спину коня, а тот в самый последний момент отступает в сторону. И так раза три, четыре. А ведь у седла с походным вьюком вес немалый, почти два пуда. Наконец седло на спине. Надо подтянуть подпругу. Кабардинец при этом слегка надувал живот, и когда боец ставил ногу в стремя и пытался лихо вскочить на коня, тот выпускал воздух, подпруга ослабевала, седло съезжало набок. Сам Башибузенко попался на такую уловку, больно ушиб колено, стегнул коня плетью, обозвал стервецом и больше к нему не подходил.

Самым упорным оказался Кирьян Сичкарь, считавшийся в эскадроне лучшим наездником. Он реку переплывал, стоя босиком на спине лошади, спрыгивал на том берегу в совершенно сухом обмундировании. Сколько диких коней обломал, приучил под седло, а упрямство кабардинца никак не мог перебороть. Вороной, правда, выделял его из числа других, позволял седлать, не чиня мелких козней. Часок-другой спокойно держал всадника, выполняя его команды. А как почувствует, что Сичкарь ослабил внимание, отвлекся, тут и выкидывал очередное коленце. То вскинется на дыбы, то на всем скаку остановится как вкопанный да еще задом накинет: Сичкарь чуть шею не сломал, вылетев из седла.

С легкой руки Башибузенко укрепилась за кабардинцем кличка Стервец. Держали его в эскадроне только для потехи, чтобы любители риска могли погарцевать, показать свое мастерство. А взять его себе никто не решался. Как идти в бой на этом коварном чужаке, он подвести может в опасную минуту. Не доверяли ему.

Леснов помаленьку прикармливал Стервеца овсом. Тот сперва отказывался, отворачивался, теснил Романа крупом. Однако постепенно привык. Особенно охотно брал соленую хлебную корку. Нравилась ему соль, даже руку вылизывал. А однажды днем, когда никого, кроме них, не

КОММУНА ЛЕТИТ

было в сарае, совсем по-собачьи лизнул вдруг щеку Леснова шершавым горячим языком.

— Ну, спасибо,— растроганно сказал Роман.— Будем дружить с тобой.

За обедом он словно бы просто так, между делом, обратился к командиру эскадрона:

— Надо мне Мерефу менять.

— Чем не угодила?

— Медлительная кобылка. Я с ней вечно в хвосте тащусь.

— Это верно. Пора, комиссар, настоящим конем обзаводиться.

— Стервеца возьму, если не против.

— Га? — Микола от удивления ложку не донес до рта.— Стервеца?! Да он из тебя в один секунд желтую мамалыгу сделает. Видел, каких джигитов под копыта швырял?

— Да ведь джигиты к нему с нагайкой, со шпорами приступали, сломать хотели.

— А ты как приступишь?

— Гордость в нем чувствую и верность, нравится он мне. Попробую просто так, по-человечески.

— Ну, спробуй! — удивление Миколы переросло в восхищение.— Ну, валяй, скубент! Утри нос моим степнякам! — он так азартно двинул кулаком по столу, что подпрыгнула и на разные голоса зазвенела посуда.

Глава пятая

1

— Места эти, Семен Михайлович, очень даже необыкновенные и приметные,— карие глаза Ворошилова сияли, он был весел, доволен, как человек, получивший долго-

жданный подарок.— На юг до самого Черного моря, сам знаешь, ровная степь без всякого леса, каждое дерево заметно. А здесь, в долине Донца, лес настоящий, большой. Особенно летом красиво. Меловые кручи, зеленые листья, синее небо.

Буденный слушал, недоумевая: что это вдруг Клим Ефремович про небо да про деревья?.. В бронепоезде холодно, изморозь на металле, вокруг простираются мертвенно-голые заснеженные поля, а член Реввоенсовета наворачивает насчет зелени и теплых дней. С увлечением рассказывает, как песню поет.

Правильно, леса по Северному Донцу богатые, есть где задержаться взгляду после степного однообразия, только из-за чего горячиться-то?

— Непролазные буераки тут с мелколесьем, с кустарником,— продолжал Ворошилов.— Разъезд недаром Волчеяровкой называется. Со всей большой округи волки сюда собирались. В степи открыто, а здесь укромно и вода близко. Плодились.

Семен Михайлович кивал, глядя, куда показывает Ворошилов. Из вежливости. Волчьи буераки не интересовали сейчас Буденного. Оценивал: больно уж местность удобная была белогвардейцам для обороны. Железная дорога огибает большой населенный пункт. Дома внизу, обзор широкий. Артиллерию мог бы здесь неприятель поставить. И лупцуй на большое расстояние без помех... Все преимущества имел враг, а не удержался на рубеже реки, даже серьезного сопротивления не оказал. Красные конники форсировали Донец с ходу, неожиданно, на плечах казаков, бежавших от Меловатки...

Между тем бронепоезд плавно замедлил ход и остановился возле невысокого косогора.

— Что там еще? — нахмурился Буденный.

— Это я предупредил машиниста,— сказал Климент Ефремович.— Сойдем ненадолго.

— В чистом поле?

— Разомнемся, пока ногами двигать не разучились. То на колесах, то верхом, а ноги для чего?! — посмеивался Ворошилов; и не понять было: вроде шутит, а голос серьезный.

— Ладно, только побыстрее,— кивнул Семен Михайлович, удивляясь такому чудачеству.

По обдутому косогору, по зализанному ветром твердому насту поднялись к будке обходчика, стоявшей почти вровень с попыхивающей трубой паровоза. Домик был маленький, аккуратный, похожий на украинскую мазанку, только крыша казенная, как на всех железнодорожных постройках, с двумя крутыми скатами. Вблизи заметны были следы запустения. Заборчик уцелел лишь с одной стороны, сарай покосился. Стена была закопчена, изрыта мелкими ямками: наверно, стегануло по ней шрапнелью.

— Без мужского догляда,— произнес Климент Ефремович.— Словно и не живет никто.

— Отпечатки сапог. Не нонешние, правда,— показал Семен Михайлович.

Ворошилов задержался у двери, словно колеблясь, переступать ли порог? Взялся за ручку.

— Давно я здесь не бывал, а все тянет.

— На Донец, что ли? — Буденный, подкручивая колесико бинокля, осматривал окрестности. А Климент Ефремович будто и не слышал его, продолжал свое:

— Сколько тут босыми ногами избегано. На речке барахтался с ребятишками. Самое светлое... Думал уж и не попаду, а вот довелось!

— Что? — не понял Буденный, занятый своим делом.

— Родился я здесь, Семен Михайлович.

— Вот те на! — выпавший из рук бинокль закачался на ремешке.— Прямо, значит, вот в этой хате?

— В этой самой будке,— подтвердил Ворошилов.—

Появился на свет белый четвертого февраля тысяча восемьсот восемьдесят первого года, если по новому стилю. Мать говорила потом, что день холодный был, с утра снежок шел. Как и сегодня...

— Ну и ну! — все еще удивлялся Буденный.— А я в толк не возьму, какой-то ты нынче странный... Достиг, значит, своего места... Отметить надо. Ты, это самое, побудь здесь, а я организую.

Пошел к поезду, забыв даже придерживать тяжелую шашку. Ножны ее чертили зигзаги на плотном снегу. Климента Ефремовича тронула взволнованность и деликатность Буденного, который вроде бы почувствовал: захотелось человеку побыть одному.

С утра-то Климент Ефремович думал: некогда сейчас рассусоливать, предаваться воспоминаниям. Поглядит, цела ли будка, и назад. А как увидел старый домишко, аж горло перехватило. И совсем не нужно, чтобы кто-нибудь стоял рядом.

Осторожно, с некоторой даже робостью, приоткрыл скрипучую дверь, напряженно пытаясь представить себе, что было там, за ней, в давние годы, однако ничего не нашлось в его памяти. Мал был в ту пору... Вспоминаются меловые кручи в зеленой окантовке лесов, темные, таинственные омуты, манящие прохладой, до дна пронизанные солнцем сверкающие перекаты... А сторожка не вызывает никаких картин, никаких воспоминаний. Совсем еще ребенком уехал отсюда.

Климент Ефремович переступил порог и оказался в комнате, разделенной на две неравные части большой печью. Самодельный стол из обструганных досок, крашеные стулья, лавка возле стены, железная кровать, полка с посудой... Такое впечатление, будто хозяева вышли на некоторое время, надеясь скоро вернуться. Даже чугунок в печке около сдвинутой заслонки. Но сама печь давно не топлена, в доме такой же холод, как и на улице. Мо-

жет, люди в спешке бросили все, убегая от боя, может, погибли — кто знает...

Нахлынула вдруг усталость. Ворошилов опустился на табурет в красном углу под запыленной иконой. Расстегнул ворот бекеши. В нем нарастало разочарование. Давно стремился к родному дому, ждал встречи с ним, волновался, и вот — никакой радости. Запустение. Ветер завывает в трубе. Лучше все же было не отпускать Семена Михайловича, он заполнил бы эту холодную, щемящую тишину громким голосом, звоном шпор, запахом крепкого табака.

Взгляд еще раз скользнул по стенам, по нехитрому убранству комнаты, задержался на окне, скупо пропускавшем тусклый свет пасмурного дня. Что-то почудилось Клименту Ефремовичу, припомнилось что-то неясное, расплывчатое, потянуло к себе, охватывая и разрастаясь. Исчезло все, кроме белого поля в перекрестье рамы да веток старого дерева за окном. Какой знакомый развилок! Неужели то самое дерево, которое было в детстве?! А что! Деревья ведь долговечные, выросло и стоит... Или это сам он превратился вдруг в прежнего Климку-мальчишку, и еще не было ничего, кроме детства, все еще впереди?

Иллюзия была настолько сильной и настолько приятной, что он боялся отвести взгляд от окна, чтобы не разрушить странного ощущения легкости, беззаботности, чистоты. Звучали в ушах давно забытые голоса... Совсем отчетливо услышал он недовольный, раздраженный голос отца, заставивший втянуть голову в плечи, и успокаивающий, добрый, немного заискивающий голос матери. Казалось, обернись сейчас — и увидишь ее округлое лицо с красивыми продолговатыми глазами под густыми бровями, взметнувшимися, как два черных крыла. Мать почти никогда не бранила детей, не ссорилась с мужем, редко жаловалась на заботы и горести, зато все пережи-

вания сразу отражались в ее глазах: они бывали то строгими, то ласковыми, то озорными, то веселыми, но чаще всего озабоченными.

А вот выражение отцовских глаз Климу представить трудно. Прищуренные, настороженные — Клим не любил смотреть в них. Да и когда смотреть-то, отец редко бывал дома. Пожалуй, одно лишь яркое воспоминание связано с ним: вернулся Ефрем Андреевич откуда-то издалека, лицо заросло бородищей, а на ней сосульки. Недоволен, замерз, маленький рот (как теперь у Клима) — уголками вниз. Уши красные, оттопыренные. Несло от него таким холодом, что дети сразу забрались на печку, тянули шеи из-под сатиновой занавески. А мать причитала, всплескивая руками: «Горе ты наше горькое, опять не прижился, опять не ко двору, снова мыкаться нам незнамо где! Не бегал бы ты с места на место, не злил бы начальство, работал бы, как все работают... Руки и ноги есть, они и накормят!» — «А голова на что, а характер?!» — возражал Ефрем Андреевич. «С голоду мы поумираем от твоего характеру, остепенился бы ты!»

В те далекие годы Клим не очень-то задумывался над странностями отца и над тем, почему их семья часто меняет жительство, постоянно испытывает нужду. Когда приятели-ребятишки начинали хвастать своими отцами, говорил с гордостью: «А мой знаете каким солдатом был? Сам генерал ему сказал: во какой отчаянный ты, Ворошилов!»

Ребятишки почтительно умолкали. Отчаянный солдат, да еще похваленный генералом,— это очень даже ценилось.

Особенно часто и с особой охотой рассказывал, бывало, Ефрем Андреевич о сражениях с турками в семьдесят седьмом и семьдесят восьмом годах. Со временем рассказы эти становились все ярче, все красочней. Но лишь став взрослым, понял Клим, что та самая служба, подробности

которой, подвыпив, часами излагал Ефрем Андреевич, как раз и нанесла отцу самую горькую, самую непоправимую обиду. Вернее, не воинская служба, а связанная с нею несправедливость. Был он шестым сыном в большой крестьянской семье, с детства приобщился к сельской работе, а потрудиться в полную силу на земле ему так и не довелось. По каким-то неясным для Клима соображениям отправили Ефрема Андреевича в армию не в свой срок, а вместо старшего брата.

Долго тянул солдатскую лямку, считая годы и месяцы, остававшиеся до возвращения домой. А вернулся — и новая обида похлеще прежней. Пока служил, братья разделили всю землю, не оставив ему даже маленького клочка. Ни кола ни двора — живи как знаешь. Вот и ушел он, обозленный, куда глаза глядят, кормился случайными заработками. О братьях не вспоминал почти никогда. А если и вспоминал, то без добрых слов.

Много невзгод перенес Ефрем Андреевич, прежде чем сложился и закостенел его трудный «характер», доставивший потом большие неприятности всей семье. Своенравный, упрямый, отец болезненно воспринимал малейшую несправедливость, даже случайную. Запальчиво возражал против каждого замечания. А если ругнут его, пускай хоть за дело, сразу бросался в драку. Поэтому не уживался он ни в помещичьих имениях, ни на шахтах.

Скитался с семьей по баракам да по землянкам. Малость подольше пробыл на железной дороге обходчиком: должность самостоятельная, независимая, вдали от станции. Но и будку обходчика со временем тоже пришлось покинуть, и здесь показал начальству свой нрав.

Подолгу искал отец работы, отправляясь иной раз в далекие края, а детей кормила, одевала, обихаживала мать — Мария Васильевна. Была она моложе мужа на тринадцать лет, имела не только добрый, покладистый нрав, но и хорошее здоровье, крестьянскую сноровку в

любом труде. Нанималась к людям стирать, готовить, убирать, воду таскать. Лишь бы накормить детишек ржаными галушками — о пшеничных только мечталось. Отдала семье свою силушку, свою красоту. Худо-бедно, а почти всех подняла на ноги...

Лет семь было Климу, когда кончилось его детство. Ворошиловы перебрались на жительство в богатое имение помещика Алчевского, неподалеку от станции Юрьевка. Отец нанялся пасти скот, Марию Васильевну взяли кухаркой. С едой тут не бедствовали, а вот на одежду и обувь денег недоставало. Пришлось Климу вместе с другим подростком стеречь шкодливых телят. Интересно было пощелкать, как взрослый, настоящим длинным кнутом, но в первый день Клим настолько умаялся, что еле-еле приплелся вечером в хату.

Постепенно, недели за две, привык к работе. Ни в чем не отставал от напарника. Не сетовал на палящий полуденный зной, на холодные утренние росы, на затяжной дождь. Чувствовал себя нужным человеком. Нравился ему степной простор: куда-то звал, манил свободный тугой ветер, наполненный ароматом цветущих трав. Особенно хорошо в спокойные минуты посидеть у костерка, поговорить с товарищем, который горазд был на выдумки. Вот погнать бы, дескать, стадо навстречу солнцу все дальше и дальше, за широкую реку, за дремучий лес. Там, сказывают, лежат земли нехоженые, безлюдные. Поселиться в том краю, жить вольно, без хозяина, без приказчика, без родителей, самим по себе.

Однажды под осень выдумщик-напарник раздобыл пачку махорки. Бросил ее у костра на обрывок газеты, произнес важно:

— Закурим, что ли?

И усмехнулся в лицо Клима: слабо, мол!

Самолюбие не позволило отказаться. И интересно было, что за штука такая — курение, почему взрослым так пра-

вится?! А хитрость, поди, невелика, раз все мужики да парни умеют.

Дым оказался едким, противным, раздирал горло. Клим едва докурил самокрутку, вздохнул с облегчением. А старший решил перещеголять младшего, хоть и самому было не шибко приятно.

— Я еще,— сказал он.

— Подумаешь, и мне насыпай.

Накурились оба до отравления, до обморока. Валялись без сил, сознание едва теплилось. Хорошо хоть телята не успели разбрестись. Взрослые пастухи заметили непорядок, подошли, а пострелята — как мертвые.

С того раза появилось у Клима отвращение к табаку, к табачной вони. Никогда больше не поганил рот этой гадостью и других отговаривал: для чего, товарищи дорогие, здоровье свое гробить? И не только свое, но и тех, кто вокруг вас...

В имении Алчевского отец тоже не задержался долго. Однажды задремал Ефрем Андреевич, проглядел, как коровы добрались до пшеницы. За это вычли у него половину заработка. Тут и высказал Ворошилов-старший приказчику и хозяину все, что думал о них, кровопийцах и душегубах. Плюнул, швырнул на землю шапку, растоптал ее и ушел восвояси.

Потянулись особенно трудные недели и месяцы. Отец мыкался где-то по соседним уездам. Старшая сестра, помогавшая семье, вышла замуж за машиниста подвесной канатной дороги и отправилась с ним на Голубовский рудник. А мать перебивалась с тремя детьми. Жалко ей было отпускать от себя Клима, да что же делать. Отвезла его к новой родне — на Голубовском требовались дешевые рабочие руки.

Десяти лет не исполнилось Климу, когда муж сестры Иван Иванович Щербина привел его на шахту, подтолкнул к мастеру: «Вот тебе новенький!» Оглядев худень-

кого мальчишку с большими удивленными глазами на смуглом лице, мастер хмыкнул скептически: «Такой наработает...» Однако велел идти на склад, где Климу выдали громоздкий ящик. Как и другие ребята, Клим должен был выбирать примеси из угля, поднятого на-гора. Ползая по грудам угля, наполнишь ящик и волоки его на крутой холм пустой породы. Особенно это трудно в сырую погоду, ноги скользят по мокрому углю, по камням, того и гляди сорвешься, покатишься вниз вместе с ящиком. Покалечиться можно.

Клим, правда, ни разу не сорвался, но к концу смены выматывался так, что руками шевельнуть не было сил. Трудились-то с шести утра до шести вечера с двумя небольшими перерывами на еду. Как уж он дотягивал последние ящики до вершины — сам диву давался. Но если не дотянешь, рассыплешь на склоне отвала, себе хуже. Не зачтут, не заплатят. А Клим и так зарабатывал первое время восемь копеек в день, иногда десять.

Возвратившись домой, наскоро смывал угольную пыль и валился спать. Так сутки за сутками. Красивой сказкой казалась теперь пастушья жизнь в привольной степи.

Ребята-колчеданщики тупели от безвыходной нескончаемой монотонности. Грязные камни, тяжелый ящик, груда пустой породы. И опять камни, опять опостылевший ящик... Кто послабей — не выдерживал, заболевал, исчезал бесследно. Кто постарше и повыносливей, искал облегчения в бессмысленной ругани, в драках, привыкал к куреву, к водке.

Для Клима, впервые попавшего на предприятие, все тут было новым, возбуждало любопытство, желание узнать и понять, что к чему. Долго стоял он перед запыленной электрической лампочкой, излучавшей удивительный свет. Ни керосина, ни фитиля, а она горит. Как это так? У кого бы спросить? К господину технику не подступишься, а к господину инженеру тем более. Он и появляется-то раз в

неделю. А электрик сам не шибко разбирается. Сказал: «Ток идет. Сунешь палец — ударит». Что за ток, почему и куда он идет, не объяснил.

Или вот машина, с помощью которой подают уголь из шахты. Она как живое существо. Черная, лоснящаяся. Стучит, гудит, тяжело вздыхает от напряжения, теплом обдает. Сколько в ней разных железок, все движутся, трутся друг о друга, но не скрипят...

«Вы дегтем смазываете?» — спросил Клим машиниста. Тот засмеялся: «Деготь только для телеги годится, а здесь металл, техника». Сунул мальчишке масленку в руку, показал, куда капать.

Как ни уставал Клим со своим ящиком, после смены все чаще задерживался возле машины, выполнял поручения машиниста: и ржавчину очищал, и грязь, и даже за квасом бегал. Однажды по дороге домой машинист спросил: «Тянет тебя к нашему делу?» — «Очень».— «Поговорю в конторе, может, масленщиком возьмут...»

Обрадовался Клим такому обещанию, с удвоенным желанием стал помогать машинисту, ловил каждое его слово. Вскоре освоил нехитрые обязанности лучше другого колчеданщика, тоже крутившегося возле машины в надежде на место масленщика. Этот парень был постарше и посильней Ворошилова. Он возненавидел Клима с первого дня: видел, что машинист больше благоволит старательному новичку.

В работе не мог выделиться соперник — решил взять другим. Подговорил своих дружков. Они обвинили Ворошилова в том, что он якобы украл у товарища узелок с завтраком, и устроили самосуд. Лупили Клима по животу, по лицу, по голове. Когда упал, пинали каблуками. Продолжали топтать даже после того, как он потерял сознание.

Избили Клима страшно, зверски. Лишь через несколько суток очнулся он в рудничной больнице — выплыл из

черного омута. И боль выплыла вместе с ним. Все тело в синяках. Долго не мог вздохнуть полной грудью. Но особенно мучили головные боли. Во время приступов Клим едва сдерживал крик.

Прошло два месяца, прежде чем наступило улучшение, но стоило сделать резкое движение или поволноваться — и сразу накатывала изнутри горячая волна, ломило виски, затылок.

Фельдшер сказал Марии Васильевне, что это может остаться надолго, даже на всю жизнь.

В следующую осень впервые услышал Клим звонок на урок и вошел в класс. Сорок человек разного возраста сели за парты. Были тут и маленькие ребятишки, и верзилы с пробивавшимися усиками. Учитель разделил всех на две группы: не по возрасту, а по грамотности. В первую вошли те, кто умел читать и писать. Ворошилов оказался во второй — он не знал еще ни одной буквы.

В школе Клим встретил человека, который многое предопределил в его дальнейшей судьбе.

Преподаватель Семен Мартынович Рыжков был натурой незаурядной, выделялся образованностью, пытливым умом, крепким характером. Энергии, силы воли ему не занимать. Ученики почувствовали это сразу: дисциплина установилась с первого же урока. Авторитет учителя особенно вырос, когда мальчишки узнали: Рыжков бывший моряк, побывал в далеких странах. Рассказывал он так интересно, что ученики после звонка не хотели покидать класс.

При всем том Семен Мартынович никому не давал спуску, требовал прочных знаний, хорошего поведения и опрятности. «Не по богатству людей цените, а по их отношению к другим людям, по их работе». Эти слова были очень понятны Климу — разве не то же самое часто повторяла ему мама?!

Учитель обратил на Клима особое внимание. Потом,

через несколько лет, при встрече в Луганске, Рыжков рассказывал Климу: «Ты своей смышленостью выделялся, этакой наивной прямотой, независимостью характера. А еще — правдивостью. Никогда не запирался в проказах, не перелагал вину на товарищей, не подхалимствовал. Ну и учился, конечно, с рвением, схватывал все на лету. Тогда я и понял, что ты юноша с будущим, тогда и начал говорить ребятам: «Учитесь, как Ворошилов. Читайте столько, сколько читает Ворошилов...»

Это правда: читал он много. Дорвался до книг, как изголодавшийся человек до еды. Приносил домой Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Крылова. Сидел до тех пор, пока мама гасила лампу.

А еще Клим пел тогда с большим удовольствием. Сначала в школьном хоре, который создал Рыжков, а потом в церковном, куда были отобраны лучшие голоса. Регент сам был хорошим певцом и одаренным музыкантом, играл на скрипке, фисгармонии и флейте, очень заботился о своих подопечных, старался развить у ребят слух, правильно поставить голос. Хор у него был такой, что ценители со всей округи приезжали насладиться. А молодые певцы получали прекрасную выучку, обогащались духовно.

Наступила весна 1895 года. Для семьи Ворошиловых она была особенно трудной. Кончилась картошка, иссякли все припасы. Надвинулся голод. Пришлось Климу снова отправляться на заработки. С грустью проводил Семен Мартынович своего лучшего ученика: «Не забывай про учебу, Клим. Заниматься можно и самостоятельно. Читай книги, приходи к нам. Я и домашние мои всегда рады тебя видеть».

Много раз потом бывал Ворошилов у Рыжковых. Забегал поговорить, взять книгу, узнать, что нового в мире... Пройдут годы, но их взаимное уважение, взаимная привязанность сохранятся на всю жизнь.

В ту трудную голодную весну Клим получил из рук любимого учителя свидетельство об окончании школы и похвальный лист. На этом систематическое образование было закончено. Все остальное зависело от него самого.

Рядом с Васильевкой, на землях помещика Алчевского, где совсем вроде бы недавно семилетний Клим пас телят со своим напарником, развернулось строительство: росли цехи, доменные и мартеновские печи большого завода, который сооружало Донецко-Юрьевское металлургическое общество (ДЮМО). Людей требовалось много. Грамотного юношу охотно взяли рассыльным в контору. А оценив его старательность и порядочность, поручили возить корреспонденцию в почтовую контору, отправлять и получать денежные переводы, посылки. Не каждому доверяют такое. Ответственность большая, но работа однообразная. Климу это быстро наскучило.

Тянуло в цехи, где выплавляли чугун и варили сталь. Там и специальность серьезную можно приобрести, и заработок больше. Знакомые рабочие помогли ему, Клим поступил помощником машиниста на водокачку... Когда это было-то? Давно, два десятилетия назад. Много специальностей сменил потом Ворошилов на предприятиях Донбасса по своей и не по своей воле. Но первый серьезный шаг сделал именно тогда: почувствовал себя настоящим пролетарием.

От паровых насосов водокачки перешел слесарем в электроцех. Сколько оказалось там новой, еще невиданной техники! Клима интересовало устройство динамомашин, электромоторов, всевозможных приборов и вообще все, что связано было с электричеством. Самостоятельно занялся теорией, читал книги о Вольте, Фарадее, Эдисоне, Ладыгине, Яблочкове. Охотно помогал монтерам. Вместе с инженером проверял и ремонтировал оборудование. Был, как говорится, на подхвате: подать, принести,

почистить, но при этом успевал вникнуть в суть, разобраться в сложном устройстве.

И снова добросовестность его, стремление к знаниям были замечены и оценены по достоинствам. Ворошилова перевели из электромеханического цеха в чугунолитейный, и не кем-нибудь, а машинистом электрического крана. Обычно на эту должность подолгу готовили лучших рабочих солидного возраста, месяцами держали в помощниках крановщика, пока не освоит человек весь процесс досконально. А Клим — совсем еще юноша. Даже товарищи по цеху сомневались: хватит ли у парня ума, терпения, ловкости, чтобы быстро и безошибочно направлять струю жидкого чугуна в литники заформованных опок? И физически тяжело на кране, и точность нужна отменная. Однако у Ворошилова и эта работа пошла хорошо. Приглядывался к опытным крановщикам. Расспрашивал. Старался. Наступил срок, и его расспрашивать стали. Как это, парень, у тебя получается: ни одной аварии, ни одной поломки, никаких простоев, металл разливаешь тютелька в тютельку. Может, секрет какой знаешь?

«Технику берегу, ухаживаю за ней, как за красной девкой! Вот и вся тайна!» — смеялся Клим.

Не только про кран, про разливку чугуна толковали рабочие с грамотным самостоятельным парнем. Про жизнь разговоры вели, про политику. Искали люди справедливость. Но где ее найдешь, куда идти, чего добиваться? И чувствовали товарищи: Клим хоть и молод, а мысли у него необычные, волнующие и очень даже привлекательные. Дело в том, что, в отличие от многих других рабочих, Ворошилов к этому времени уже познакомился с великим марксистским учением. А практически вступить на путь революционной борьбы помог ему рабочий-литейщик Иван Алексеевич Галушка. Он столовался у матери Ворошилова, виделись они часто и, сразу сдружились. «Рыбак рыбака видит издалека»,— посмеивался Иван Алексеевич.

На завод Галушка приехал, освободившись из ростовской тюрьмы. Привез запрещенные книжки. Молодому крановщику дал почитать «Манифест Коммунистической партии», из которого Клим понял главное: сила рабочих в их организованности, в их единении. Рано или поздно, рабочий класс совершит революцию, свергнет буржуазию, лишит капиталистов всех орудий и средств производства, возьмет их в свои руки.

Особенно врезались в память слова: первый шаг в рабочей революции — превращение пролетариата в господствующий класс...

Иван Алексеевич Галушка не уставал повторять своему молодому другу: в одиночку, вдвоем, втроем мы ничего не добьемся. Победа придет, если против угнетателей поднимется масса трудящихся. А для этого каждый из нас, где бы он ни находился, обязан объединять вокруг себя надежных товарищей, изучать вместе с ними марксизм, готовиться к предстоящей борьбе, к сознательной борьбе.

От Ивана Алексеевича получил Клим и первый практический урок подпольной революционной работы. В 1898 году они вместе создали на заводе кружок для чтения социал-демократической литературы, для политической агитации среди рабочих. Сперва руководил кружком Галушка, а после его отъезда обязанность эта легла на плечи Ворошилова. Хоть и молод был, а в политике разбирался лучше других, мог ответить почти на любой вопрос, когда обращались к нему. Немалым авторитетом пользовался Клим, поддержали его рабочие в критическую минуту.

А случилось вот что. Место машиниста-крановщика в специальной кабине, под самой крышей цеха. Там скапливались газы, испарения, поднимавшиеся из формовок при разливе чугуна. Клим мучился от духоты. И постоянно боялся: вдруг начнется приступ головной

боли, он потеряет сознание, и тогда случится непоправимое — опрокинется ковш с расплавленным чугуном. Ворошилов условился с другими машинистами и высказал претензии начальнику цеха: нужна вентиляция.

Начальник цеха отмахнулся, много захотел парень... Сегодня ему вентиляцию давай, а завтра чего потребует?!

Убедившись, что по-хорошему не получается, Клим самовольно покинул кран, спустился вниз. Работа в цехе сразу прекратилась. Появился разгневанный начальник.

— Почему кран стоит?

— Сами полезайте туда,— сказал Ворошилов.— Поймете, как сладко дышать отравленным воздухом!

— Не хочешь, других позовем!

— Можете вызывать, но и они то же самое вам заявят.

Начальник цеха обратился к формовщикам и литейщикам, которые стояли вокруг:

— Послушайте, что он выдумал! Вашу работу срывает!

— Вентиляция не только крановщикам нужна,— послышалось из толпы.— Всем воздух нужен!

Рабочие явно были на стороне Ворошилова, и начальник цеха понял: лучше не связываться, не обострять отношений. Предложил разойтись, пообещав, что к вечеру вентиляцию наладят. И действительно, уже к концу смены в стене цеха пробили несколько отверстий.

После этого случая о Ворошилове говорил весь завод: вот, мол, нашелся смелый парень, поднял цех и добился своего... Не такая уж большая победа, но заметная. И администрация сделала свои выводы, полицейский пристав — тоже. Вскоре на квартире Ворошилова произвели обыск, а самого Клима арестовали. К счастью, не нашли ни листовок, ни запрещенной литературы. Веских улик против Ворошилова не было. Выпустили Кли-

ма на свободу, но вернуться на свой завод он не смог. Его не только уволили, но и занесли в «черный список».

Пришлось покинуть родные места. Потянулись долгие полуголодные месяцы скитаний по Донбассу, по югу России.

Устраивался Клим, к примеру, на шахту или на завод, трудился хорошо, старательно, не получая замечаний, но через месяц-полтора его увольняли без объяснения причин. Он поступил на рудник — повторилась та же история. Больше чем в других местах задержался Клим на руднике «Левестам», куда его взяли конторщиком. Он уже считал, что нашел постоянную службу, пора теперь подыскивать надежных людей, создавать кружок... Но однажды его вызвал к себе управляющий, произнес ледяным тоном:

— Оказывается, вы, господин Ворошилов, неблагонадежный человек. Мы получили предписание полиции о вашем немедленном увольнении. Можете получить расчет.

Так вот, значит, в чем вся загвоздка! Куда бы он ни поступил, следом за ним обязательно приходила казенная полицейская бумага.

И снова потянулись дороги, со случайными заработками, с короткими остановками у друзей и знакомых. Трудно, чертовски трудно было Климу тогда, но эти скитания все же принесли ему пользу. Многое довелось увидеть собственными глазами, многое понять. Разная администрация, разные хозяева были на рудниках, на заводах, в железнодорожных мастерских. Наряду с явными паразитами, готовыми на любое преступление ради прибыли, ради собственного кармана, встречались совсем даже неплохие люди — умные, добрые, стремившиеся по возможности облегчить труд рабочих. Но не эти люди, хорошие они или плохие, определяли ход жизни. Они, конечно, в какой-то степени способны были улучшить или ухудшить положение трудящихся, но не

могли коренным образом изменить его. Все упиралось в государственную систему, сохраняющую такое положение, когда огромные массы людей отдают свой труд, почти ничего не получая взамен, а небольшая группа эксплуататоров, помещиков и капиталистов живет в свое удовольствие, купаясь в роскоши. Армия, полиция, чиновничий аппарат надежно защищают эту группу, этот строй, пряча за решетку, подвергая гонению тех, кто пытается восстать против несправедливости.

Прав был Галушка: сколько бы одиночек ни поднималось на борьбу, государственная власть без особого труда разделается с ними. Эксплуататоры крепко организованы, поэтому и народу нужна своя организация, свое руководство, способное сплотить людей, повести за собой. Об этом говорил Клим с друзьями на рудниках и заводах. Везде были сознательные рабочие, были даже небольшие группы революционеров, но действовали они разрозненно. Для пользы дела надо было как можно скорее объединить их, направить разрозненные усилия в одно русло.

Но как?

Однажды в Луганске на улице Клим встретил своего бывшего учителя Семена Мартыновича Рыжкова. Обрадовались оба. Оказалось, что Рыжков переехал с семьей в этот растущий промышленный город и заведует теперь школой при паровозостроительном заводе Гартмана. Узнав о положении Клима, учитель взялся помочь ему. На следующий же день сходил к своему хорошему знакомому, начальнику мартеновского цеха завода.

И стал наконец Ворошилов машинистом-крановщиком на большом предприятии с тысячами рабочих. Здесь встретил он знакомых по заводу ДЮМО, перебравшихся в Луганск. Они помнили, как выступал Клим за улучшение условий труда, как арестовала его полиция. Понаслышке Ворошилов знал, что на заводе Гартмана есть

подпольная партийная организация, и хотел, чтобы товарищи пригляделись к нему, узнали получше, поверили... К нему действительно присматривались. Обращались вроде бы за советами, расспрашивали, где и как работал, в каких краях побывал.

Как-то в середине лета его попросили пронести на завод небольшой сверток. Клим, естественно, не стал интересоваться, что в нем. А когда увидел листовку на кирпичной стене, поймал веселый взгляд товарища, все понял.

Потом он до полуночи дежурил под дождем возле домика на окраине Луганска, где проходило какое-то заседание. А еще через месяц ему разрешили присутствовать на нелегальном собрании. Вот тогда и сказал он о том, что надо установить связь с группами рабочих и отдельными сознательными товарищами, которых немало по рудникам и шахтам. Он готов заняться этим. Конечно, соблюдая осторожность. Ведь предстояло встречаться и вести разговор с разными людьми, среди которых могли быть и колеблющиеся, и даже провокаторы... Рискованно, конечно, но уж чего-чего, а риска Клим никогда не боялся, тем более ради общего дела.

В октябре 1903 года его приняли в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Он стал большевиком и, окрыленный доверием, горячо принялся за порученную ему работу...

Громкое предупреждающее покашливание прервало воспоминания Климента Ефремовича. Звякнув о порог ножнами шашки, вошел Семен Михайлович. Внимательно посмотрев на Ворошилова, сказал весело:

— Все готово!

— Что именно? — не понял тот.

— Отметим твою встречу с родными местами. У ребят гармошка нашлась, сыграю.

Тронутый заботой, Ворошилов произнес преувеличенно бодро:

— Раз гармошка — куда уж лучше!

Наклонил голову, мысленно прощаясь с неказистой сторожкой, первым своим жильем, повернулся и торопливо вышел. В разгоряченное лицо пахнуло студеным ветром.

Вправо и влево тянулись тускло поблескивавшие рельсы. В глубокой выемке нетерпеливо пофыркивал, пуская белые султанчики, паровоз бронепоезда, торопил в путь.

2

Освобождение Донецкого бассейна было первой крупной операцией, которую проводило новое воинское объединение — Конная армия, и развивалась эта операция вполне успешно, несмотря на многие трудности, связанные с ее широким размахом. Безупречен был замысел командующего фронтом Егорова, а Буденный выполнял намеченный план не только умело, но и настойчиво, дерзко. Климент Ефремович, чем ближе знакомился с ним, тем больше убеждался: вот действительно человек «сам с усам», все у него на свой манер, на свой лад.

Взять хотя бы две стрелковые дивизии, приданные кавалеристам. Транспорта у них никакого, вооружение слабое, боеприпасов кот наплакал, люди одеты плохо. Обувь никуда не годится по зимнему времени. Лапти, веревочные чуни, опорки. В мороз только бы на печке сидеть, а не двадцать верст по сугробам... Но Семен Михайлович приказал использовать трофейных лошадей, захваченные обозы, местные средства, посадил всю пехоту в сани и на повозки, сберег силы стрелков, вдвое увеличил скорость передвижения. Добавил пулеметов, придал для усиления огневой мощи бронепоезда, и взбод-

рившаяся пехота пошла-поехала по магистральным дорогам с севера на юг, рассекая Донбасс.

Стрелковые части стали словно бы стержнем, вокруг которого, опираясь на который, свободно маневрировали быстрые кавалерийские дивизии, не беспокоясь за свой тыл. Конница уходила довольно далеко от оси маневра, вырывалась вперед, освобождая населенные пункты. А в случае необходимости кавалеристы всегда могли отдохнуть под прикрытием пехоты, привести себя в порядок, изготовиться для нового броска.

Радуясь освобождению родных мест, радуясь успехам конников, Климент Ефремович старался понять, как эти успехи достигнуты. Он неплохо усвоил основные принципы оперативного искусства, научился разбираться в вопросах стратегии, но действиями кавалерии никогда особенно не интересовался, необходимости такой не было. У Буденного он сразу попросил старый, еще царского времени, боевой устав конницы и за несколько дней проштудировал его: нового такого устава в Красной Армии еще не было. Однако, листая потрепанную книжечку, Климент Ефремович скоро понял, что многие параграфы безнадежно устарели для Первой Конной, что Буденный делами своими словно бы развил и дополнил целый ряд уставных требований.

Выбрав подходящее время, Ворошилов сказал шутливо:

— А ведь ты, Семен Михайлович, правила нарушаешь.

— Это еще какие?

— Не по уставному воюешь.

— Вот ты о чем,—улыбнулся Буденный.— Устав — штука нужная, порядок — один для всех. Только в бою, Клим Ефремович, собственная смекалка необходима. И прежде хороший командир действовал, как обстановка указывала, а при теперешней жестокой борьбе тем

более. Кто решительней, кто хитрее — тот и на коне! А кто нет — под копытами...— И, помолчав, спросил с любопытством: — Какие непорядки ты углядел?

— Разведку мы ведем не так, как написано. Здесь сказано: вести мелкими группами, а у нас сразу два-три эскадрона вперед посылают, да еще с пулеметными тачанками.

— Верно, верно,— закивал Семен Михайлович.— Это я еще на прошлой войне сообразил: на кой ляд десяток всадников отправлять? Ну, цокнутся они с вражеским дозором и назад. Только свои намерения выдаем и время теряем... Решил по-другому. Враг нашу разведку ждет, а мы сразу, без раскачки, как вдарим! Белые разъезды, белое охранение — к чертовой матери! Иной раз, пока враг очухается, наши село-деревню возьмут, пленных захватят. Тут тебе сразу полная картина о состоянии и положении противника. Главные силы выдвигаются прямо туда, куда нам выгодней. Белые о нас ничего не знают, они как слепые, а мы зрячие. Пользуемся этой самой... инициативой!

— У тебя и главные силы не по писаному бой ведут...

— А это когда как, Клим Ефремович... Я от всех начальников и командиров чего требую? Чтобы на месте соображали и принимали решения.

— Но какие-то общие методы уже выработались?

— Есть и методы,— погладил усы Буденный, явно довольный таким разговором.— Главные силы, к примеру бригада или дивизия, как только подойдут к месту боя, прежде всего быстренько выдвигают вперед пулеметные тачанки и артиллерию. Получается огневой заслон, который сковывает противника. Под прикрытием такого заслона разворачиваются эскадроны. И опять же атака у нас не простая, — лукаво прищурился Семен Михайлович.— Ты заметил небось, одним эскадроном мы не атакуем. Полком — и то редко. Если уж бросать на

врага, то сразу такую силу, которая его смять может. Чаще всего бригадой атакуем, а бывает, что и целой дивизией. Ты это сам наблюдал, Клим Ефремович.

— Да, картина бывает внушительная. Сильный огонь из всех средств — и сразу мощная лава конницы. Даже психически такой натиск выдержать трудно.

— И это еще не все, если хочешь знать,— разошелся Буденный.— Я чему своих учу? Чтобы на рожон не лезли, лбом в стенку не бились. Встретил сильное сопротивление, попал под пулеметный огонь, не ломись, не упрямься. Разверни лаву вправо и влево, выйди из-под огня, откатись мелкими ручейками. Враг думает — разбита красная конница, а у тебя это просто уловка. Через малое время эскадроны и полки соберутся вокруг своих командиров, тогда ищи у противника слабое место, атакуй снова. А лбом в стенку не колотись,— повторил Семен Михайлович.

— Эту тактику я сразу заметил. Она в общем-то полупартизанская или даже совсем партизанская...

— Как ни назови, а она для нас сподручная, если пользу приносит... Казаки, случается, поступают таким же манером.

— Я не в осуждение,— сказал Климент Ефремович.— Но так способны действовать только очень крепко спаянные подразделения и части, где многие люди даже в лицо знают друг друга.

— У нас такие и есть.

— Не все, Семен Михайлович. В одиннадцатой кавдивизии сборные эскадроны, да и в коренных дивизиях некоторые полки новичками разбавлены. Они при откатывании рассеются, не скоро и соберешь.

— Значит, им по-другому надо,— согласился Буденный.

— А как?

— Жизнь подскажет, бой научит.

— Если каждого командира бой учить будет, дорого нам обойдется такая наука.

— Пускай устава придерживаются.

— Так ведь старый устав-то, Семен Михайлович!

— А где же новый возьмешь?

— Давай сами попробуем обобщать опыт, улавливать новые закономерности.

— Это что же? — удивился Буденный.— Свой устав писать будем? Эка ты замахнулся!

— Устав, конечно, в один прием не разработаешь, не подготовишь, а вот временные правила, наставления для войск своей армии — это мы можем. Не боги горшки обжигают. Давай подумаем.

— Чтобы горшки обжигать, время требуется.

— Ты вообще-то согласен?

— Дело полезное. Только как подступиться?

— А я вроде бы уже начал,— улыбнулся Климент Ефремович.— И знаешь с чего? Свои наблюдения и впечатления стал записывать. Хочешь послушать?

— Очень любопытно! — подался к нему Семен Михайлович.

— Вот... Даже неудачу бывалые буденновцы умеют обращать в свою пользу. Иногда нарочно создают видимость неудачи. Видел у Меловатки, как наш кавалерийский полк, атаковавший не без успеха, вдруг повернул назад и будто рассыпался. Казаки поскакали вслед, увлеклись преследованием и оказались в приготовленном для них мешке. Их встретил кинжальный огонь пулеметов, а с флангов бросились наши эскадроны, опрокинули, погнали назад, многих побили.

— Был такой случай,— припомнил Буденный.— И не один раз. Комбриг Книга на такие ловушки мастер.

— Или вот еще одна закономерность,— продолжал Климент Ефремович.— Тут у меня записано: если враг повернется спиной, откроет свой тыл, то ему крышка.

Буденновцы умеют этим пользоваться. Гонят врага долго, настойчиво, без передышки и на десять, и на двадцать, и даже на тридцать верст, отправляют в погоню свежие силы на отдохнувших конях. А противник измучен, бросает пушки и пулеметы, солдаты разбегаются куда попало. Благодаря этому неудача врага часто оборачивается для него катастрофой.

— Очень даже правильно ты замечаешь,— с уважением произнес Буденный.

— Это первые наброски, от случая к случаю.

— Ты пиши, а я во всем помогу и на все вопросы, на какие сумею, полное пояснение дам.

— Договорились, Семен Михайлович. Через газету, через инструкции, всеми способами опыт распространять надо. Думаю, что даже наставление вполне по силам нам, нашему штабу. А там, чем черт не шутит, может, когда-нибудь и устав создавать придется.

— Кто ж его знает,— покачал головой Буденный, а по голосу чувствовалось: очень заинтересовала его эта мысль.

3

Было между ними одно расхождение, выявившееся с первых же дней, о котором оба старались до поры до времени не вспоминать, зная, что прийти к согласию будет трудно. Семен Михайлович считал, что настоящим кавалеристом может стать лишь тот, кто с детства в седле или хотя бы с малых лет приучен к лошади: крестьянин или казак. Рабочим место в пехоте, в артиллерии, при какой-нибудь технике. Убыль в армии Буденный рассчитывал восполнить в южных степях, под Ростовом. Ворошилов же был убежден в другом: самая лучшая, самая верная возможность укрепить Первую Конную появилась именно сейчас, когда армия вступила в Донецкий бассейн. Только здесь можно усилить пролетарскую про-

слойку шахтерами и металлистами, прослойку, которая даст возможность повысить дисциплину, будет надежно противостоять мелкособственнической крестьянской стихийности.

Может, Семен Михайлович и его соратники-командиры неосознанно, подспудно как раз и опасались того, что новые люди ослабят авторитет ветеранов?.. Во всяком случае, Климент Ефремович определил для себя четкую позицию: против пополнения армии степняками, казаками, опытными кавалеристами он нисколько не возражает. Такие люди очень даже нужны. Но, с другой стороны, он постарается в самые ближайшие дни привлечь в Первую Конную как можно больше рабочих. Даже цифру себе такую наметил: добиться, чтобы рабочие составляли в армии хотя бы одну треть личного состава. Это очень трудно, зато какая была бы польза!

Как всегда, председательствуя на одном из заседаний Военного совета, Климент Ефремович предложил:

— Давайте преобразуем отдел формирования нашей армии в управление формирования.

— Без разницы,— пожал плечами Семен Михайлович,— хоть так назови, хоть по-другому, абы работа шла.

— Разница есть,— едва заметно улыбнулся Ворошилов,— и не только в названии. Мы создадим у себя управление формирования такое же, какие существуют при штабах фронтов. Больше прав, больше ответственности. Сами будем призывать людей нужных возрастов.

— А разрешат нам? — осторожный Щаденко всегда все взвесит, прикинет с разных сторон.— Есть же установленный порядок, указания на этот счет.

— Они для кого, такие указания, для обычной армии? А у нас все новое, все пробуем, испытываем,— возразил Ворошилов.— Создадим свой упраформ, поглядим, какая польза. Думаю, товарищ Егоров нас поддержит.

— Что за срочность? — Буденный вроде бы удивился

неожиданному предложению, но Климент Ефремович видел: догадывается Семен Михайлович, куда клонится разговор, и нарочно показывает себя этаким простачком. Крестьянская хитрость: ты выкладывай свои козыри, а мы подождем, помозгуем.

Веские доводы нужны, чтобы Буденному крыть нечем было.

— Зима, трудности возрастают,— сказал Ворошилов.— Не только в боях потери несем. Больных много, отставших. Пополнение не возмещает урон.

— Оно так.

— А впереди — бросок к Таганрогу. Уйдем далеко, от пехоты оторвемся, лишь на свои силы можно рассчитывать... И расти мы должны. Ведь армия у нас, Семен Михайлович. Хорошо бы еще одну кавалерийскую дивизию сформировать.— Климент Ефремович знал, как размягчить сердце самолюбивого командарма.

— И сформируем,— подтвердил Буденный, расправляя усы большим и указательным пальцами левой руки.— Ты насчет политработников для новой дивизии думай, а я командный состав подберу.

— Людей потребуется много. Несколько тысяч.

— И люди найдутся. На Дону, в Сальских степях.

— На заводах, на рудниках добровольцы есть. Вообще рабочие охотно к нам идут,— вел свою линию Ворошилов.— Некоторых я лично знаю.

— Которых знаешь, надо брать,— хмыкнул Семен Михайлович.— Знакомые не подведут. А остальные пущай в пехоту, на санках едут, им же лучше. А которые с конем управляются — этих пожалуйста.

— Разве лошадь главное? Научатся люди. Создадим специальные подразделения для краткосрочной подготовки.

— Ты же сам говоришь, Клим Ефремович, что армия у нас непростая. Конная армия, и люди нужны, которые

к седлу, к шашке привержены,— скрытно торжествовал Буденный.

Однако и Ворошилов за словом в карман не лез:

— Это все во-вторых, Семен Михайлович. И седло и шашка. А первое и главное — армия наша из трудового народа, рабочая и крестьянская у нас армия, и сражается она за общие интересы всех трудящихся, городских и сельских пролетариев. Ты как большевик, как член партии это учитываешь?

— Чего тут не учитывать, на том стоим.

— Тогда прикинь: бойцы у нас почти все крестьяне. Иногородние да казаки. За землю они сражаются, за свою волю. А за фабрики, за заводы, за интересы рабочего класса? Могут и не пойти?

— Такого не случалось. Куда прикажу...

— А может случиться?

— Ты не в это вникай, Клим Ефремович, ты оцени, как они воюют!

— Превосходно, Семен Михайлович, тут спора нет. Только и среди белых казаков много отличных вояк. Но ведь они враги? А у нас в эскадронах и малосознательные есть, и анархисты.

— В семье не без урода.

— И я о том же... Этих бы уродов выявить, кого можно — направить на путь истинный... Разве хуже будет для всей армии, если примем к себе сознательных рабочих? Тем более что шахтеры и металлисты — самый передовой, самый организованный отряд рабочего класса.

— Знаю шахтеров, народ упорный. Однако каждый человек, Клим Ефремович, при своем деле хорош, зачем нам их переламывать, от земли отрывать, на коня подсаживать? Отяжелят они конницу вровень с пехотой. А для чего? Или настоящие кавалеристы перевелись? Да за Ростовом отбоя не будет...

— Значит, и там упраформу нашему дело найдется.

— Шибко торопишься,— Семен Михайлович старался скрыть свое недовольство.— Еще не обсудили, не обмозговали, а ты, Клим Ефремович, вроде бы о решенном...

— Раз так, отложим разговор! — Ворошилов тоже раздражен был упрямством командарма. Однако сдержался. Сказал после паузы, стараясь, чтобы голос звучал ровно, даже доброжелательно: — Насколько помню, у нас еще дела есть?

— Выступить нужно перед пленными,— поторопился снять напряжение Щаденко.— Солдаты, которые добровольно сдались, ждут в казарме. Хотят самого Абыденного видеть — это они так Семена Михайловича называют. Верно ли, мол, что он из крестьян? И еще на рудник сегодня. Обязательно.

— Вместе поедем? — спросил Ворошилов.

— Конечно, вместе,— поторопился с ответом Семен Михайлович, словно извиняясь за свою недавнюю резкость.— Велю седлать.

К этому времени Климент Ефремович обзавелся уже постоянным конем. Трех сменил — не пришлись по душе. А когда привели ему широкогрудого темно-гнедого крепыша с белыми пролысинами на лбу и меж ноздрей, понял: как раз то, что нужно. Да и кличка оказалась вполне подходящая — Маузер.

И вот теперь ехал бок о бок с Семеном Михайловичем, обгоняя обозников, подремывавших в санях. По привычке напевал себе под нос. Совсем вроде бы тихо, но Буденный услышал, поинтересовался:

— Этот самый... интер-национал? — с трудом произнес он непривычное слово.

— Очень мне по душе эта песня,— ответил Ворошилов.— А вообще-то я ведь с малолетства пение люблю. В настоящий бы театр попасть, хорошие голоса послушать.

— У нас в станице какой дишкант был, аж до слез пробирал,— крутнул головой Семен Михайлович.— А этот интернационал-то, говорят, не наш, французы его сочинили?

— Бойцы Парижской коммуны.

— Гляди как бывает. Вроде совсем чужие люди на чужом языке слова сложили, а они теперь нам в самую пору. Владеть землей имеем право, но паразиты — никогда! Вроде у меня у самого эти слова вырвались.

— У крестьян, у рабочих всех стран интересы общие.

— Оно так, Клим Ефремович. А недавно собрались у меня брательники Леня и Емельян, еще земляки и родственники, которые Дениса знали, четвертого нашего брата. Помянули его добрыми словами. В бою с беляками голову он положил. Ну, посидели в меру, погостевались. Потом Емельян и говорит: «Давайте, братья, заведем песню, которая про нас. Торжественная песня, даже на поминках вполне позволительная».— «Какая это про нас?» — спрашиваю. «А кто был ничем — тот станет всем! Мы вот с Леонидом из ничего вроде бы в офицерья вышли, эскадронами командуем, а ты в таких чинах, что снизу ажник глядеть жутковато, шапка сваливается...» Ну, я сперва возразил, гордость меня заела. Как это, мол, из ничего? Из пустого места, что ли? Семья у нас крестьянская, строгая, справная, сам я унтер-офицер, всеми регалиями отмеченный... Высказался так, жар выпустил и соображаю: а ведь прав брательник-то. Ну, жили с грехом пополам, перебивались из куля в рогожу; ну, дали мне лычки за безупречную службу, за пролитую кровь. В какую цену мне эти лычки-то обошлись? А какой-нибудь дворянский сынок сопливый рука об руку не ударил, однако почета и богатств имел в тысячу раз больше, еще мною же и помыкал. Разве справедливо?.. А теперь я сам не просто генерал, ежели старой меркой мерить, а полный генерал, опять же если по-прежнему. Ни один казак до

такой высоты не подымался, даже атаман Платов, а про иногородних и вспоминать нечего.

— Все правильно,— улыбнулся Ворошилов.— Интернационал-то спели?

— Не очень чтобы в лад, но все же сыграли. Слова редко кто знает. Но я по другой причине к тебе приступаю. Кто был ничем, тот станет всем, верно? А кто был всем, тот, значит, вались под колеса? Местами вроде бы поменяемся?

— Упрощаешь, Семен Михайлович.

— Это я, чтобы понятней было. Ведь начальственных должностей не шибко много, если по всему народу раскинуть. Хоть на военной службе, хоть в селе, хоть в городе — один начальник на тысячу или даже на десять тысяч. Мы, значит, этих начальников повытряхивали из кресел, сами на те места сядем, а весь остальной народ как же? Был ничем, так ничем и останется? Будет, как прежде, землю пахать, скот пасти, уголек рубить?

— Для кого уголь-то добывать, для кого землю обрабатывать, Семен Михайлович? Не на помещика, не на буржуя, а на себя, на свой народ трудиться будем без всякой эксплуатации. И кресла эти начальственные не по наследству передаваться станут, а самые достойные, самые надежные рабочие и крестьяне в них сядут.

— Эту разницу я очень даже хорошо понимаю, когда про всех сразу разговор идет. А вот если про каждого человека, тогда что получится? Я, к примеру, при Советской власти начальником состою, а мой сосед-односум, такой же крестьянин, такой же унтер и такой же вояка, дальше взводного не поднялся, а дома, как и раньше, будет за плугом ходить. Ему-то как?

— Значит, он меньше твоего для нашей республики сделал.

— Полностью старался. Два раза из него беляки кровь пускали.

— Способности не те.

— Обыкновенные способности. С бригадой-то управился бы.

— Не всем же большие посты занимать. Революции в любом звании служить можно. А выделяются самые одаренные.

— Может, и так,— не без самодовольства согласился Семен Михайлович.— Значит, и новая власть всем одинаковый кусок дать не может. Одному — побольше, другому — поменьше, а третьему — в зад коленом.

— Ну, коленом это тех, кто с нами не согласен, кто против нас.

— Которые были всем, а ничем становиться не желают?

— Которые не хотят со своей безмятежной паразитической жизнью расстаться,— поправил Ворошилов.— От кулаков до капиталистов и иже с ними. Давно известно, Семен Михайлович: друг хорош, когда живой, а враг — мертвый. В нашей борьбе середины нет, перемирия быть не может. Или они нас, или мы их — без всякой пощады. Ты это твердо запомни.

— А чего?! — холодной синевой блеснули глаза Буденного. Тронул рукой эфес шашки.— Силенки хватит!

Климент Ефремович уважительно окинул взглядом крепкую ладную фигуру командарма, влитую в казачье седло. Да, не позавидуешь тому, кто попадает под его удар!

Впереди показались заснеженные конусообразные отвалы пустой породы, столь обычные возле рудничных поселков Донбасса, главная примета этих мест, как деревянные тротуары для беломорского севера, как нефтяные вышки для Баку, где скрывался Ворошилов после побега из архангельской ссылки. У Семена Михайловича покрытые снегом терриконы вызвали совсем другие воспоминания.

— Будто сопки в Уссурийском краю... Эх, сколько я там пережил, перемучился, пока лямку тянул от новобранца до унтера. Самых строптивых коней мне объезжать доверяли...— И, словно застеснявшись, что расчувствовался, резко перевел разговор.— Я ведь, Клим Ефремович, насчет выступлений не мастер, в этом пленном батальоне по-свойски скажу.

— Дело твое,— кивнул Ворошилов, подумав: «Ты и без длинных речей вон какую кавалерийскую махину организовал. Умеешь, значит, убеждать, к себе привлекать».

Батальон, в который они направлялись, был создан и обучен деникинцами. Но в первом же бою с красной конницей солдаты перестреляли офицеров и выслали парламентеров. Поднимаем, мол, руки вверх. Солдат разоружили, вернули в казарму, теперь они третьи сутки митинговали там насчет своей дальнейшей судьбы и требовали, чтобы к ним приехал на разговор «сам Абыденный».

Возле дежурной будки перед казармой Климента Ефремовича и Семена Михайловича встретили двое. Невысокий крепыш-пехотинец с задиристым взглядом и курносым носом на полном румяном лице назвал себя комиссаром из 74-го стрелкового полка 9-й стрелковой дивизии. У второго приметный шрам на виске оттягивает кожу, отчего один глаз у него круглый, а другой узкий, продолговатый. Такого увидишь — никогда не забудется. Ворошилов сразу узнал: Елизар Фомин из группы москвичей. На нем и шинель все та же, солдатская, старенькая, потертая. А папаху сменил на островерхий шлем с синей звездой. Хоть и холодней в шлеме, зато сразу видно — кавалерист.

— Чего вместе тут, комиссары? — насмешливо спросил Буденный.— В одиночку не управляетесь?

— Насчет трофеев,— шагнул к нему пехотинец.— На-

ступали мы сообща, пленных сообща разоружали, а кавалерия пулеметы себе забрала.

— Так? — повернулся Семен Михайлович к Фомину.

— Не совсем,— принялся нетороопливо объяснять тот.— Пулеметную команду мы захватили, у нас их оружие заприходовано.

— Значит, обскакала конница? — усмехнулся Буденный.

— Опередили,— скромно согласился Фомин.

— Ну и молодцы! Кавалеристам положено всегда впереди быть,— похвалил Семен Михайлович.— Но пехоту не обижайте. Она крепко нам помогает. Передай пехоте все трофеи, все пулеметы до единого и спасибо скажи. А сам рвани со своими орлами на юг, захвати добычу.

— Можно и так,— сдержанно согласился Фомин, поглядывая не столько на командарма, сколько на молчавшего пока Ворошилова.— Трофеи отдадим. А с пленными что? Многие к нам просятся.

— В конницу?

— Кто в конницу, кто в пехоту.

— Строй их всех, сукиных сынов! — распорядился Буденный.

Дали команду. Пленные высыпали во двор. Климент Ефремович отметил: строятся они быстро, но чересчур старательно, суетливо, как это бывает у новичков, уже знающих свои места, однако еще не привыкших действовать автоматически, без беготни.

Было их сотни четыре. Парни одного призыва, примерно одного возраста: лет девятнадцати-двадцати. Командиры отделений постарше. Обмундированы добротно. Но с сапогами, видать, и у белых трудность. Выдали солдатам громоздкие американские ботинки на толстой подошве.

Семен Михайлович остановил коня на правом фланге, спросил рослого парня:

— Сам руки поднял?

Солдат вроде бы растерялся, покраснел, заморгал белесыми ресницами. И вдруг выпалил:

— А ты кто такой?

— Я — Буденный!

— А не врешь? — усомнился парень.

— Чего мне врать. Комиссары подтвердят.

Фомин крикнул:

— Это товарищ Буденный... Слушать внимательно!

Шеренги сломались, выперла середина строя, выдвинулся вперед и загнулся дальний конец. Каждый хотел своими глазами увидеть красного командарма.

— Не лезь! Подравняйсь! — наводили порядок два комиссара.

Семен Михайлович повторил свой вопрос:

— Добровольно сдался?

Парень снова часто-часто заморгал, соображая, и опять сказанул неожиданное:

— А я не сдавался.

— Как это так?

— А очень просто. Мы всем батальоном на вашу сторону перешли. У вас служить будем.

— Ишь ты, какие шустрые! — поиграл нагайкой Буденный.— Как это вы додумались?

— И думать нечего. Мы тут все курские. Белые к нам пришли и даже одного месяца не продержались. Нас силком по избам собирали — такая у них мобилизация. Сами в отступ — и нас с собой.

— Не пошли бы.

— Разве не пойдешь, если штыком в спину тычут? Вот и получилось, что губерния наша с самой революции советская, вся родня наша у красных осталась, а нас за белых воевать приспособили. На кой фрукт нам такая радость? Домой-то с какими глазами вернемся, если в своих стрелять станем? Вот мы и таё...

— Очень даже понятная картина! — Буденный тронул коня, выехал к середине строя.— Слухайте все, чего проясню! — приподнялся на стременах, возвысил голос: — Кто у белых сражается? Офицеры, юнкера, прочая всякая буржуазия — это само собой, они за свой каравай кровь не жалеют. Еще те казаки, которые против новой власти очень навострены. А в пехоте у них один сплошной молодняк, который в прежней армии службы не нюхал. Почему так? Да потому, что боятся их благородия тех, кто горькой солдатской доли хлебнул, кого они всячески мордовали в старое время. У нашего брата при виде золотых погонов сразу кровь закипает. Вот и мобилизуют одну молодежь, которую задурить проще. И вы правильно сделали, что офицерью не поддались, к нам повернули. Кто из простого народа — все к нам идут, чтобы за свое счастье сражаться. Но мы вас не принуждаем. Сейчас я велю распустить строй, а через пять минут дам команду. Кто хочет в геройскую красную кавалерию, становись вон к тому комиссару, который в шлеме. Кто в пехоту — к другому комиссару. Остальные — на все четыре стороны!

И приказал раскатисто-громко, привычно:

— Ар-разойдись!

Ворошилов спросил его:

— Которые к нам захотят, всех в один полк?

— Пошлем их в дивизию, там разберутся.

— Направим с указанием: разбросать по разным бригадам и полкам. Не самый надежный народ.

— А, ладно,— отмахнулся Буденный.

— Решили, значит? — насупился Климент Ефремович.

— Ну, скажи Фомину.

— Ты что это, Семен Михайлович, как всамделишный генерал?! «А, ладно!», «Ну, скажи!» — пренебрежительным тоном повторил Ворошилов его слова, сделав высокомерный барственный жест.— Серьезный вопрос

решаем, а ты никак не снизойдешь с высоты своего положения. У меня, мол, сто с гаком эскадронов, отдельными личностями не занимаюсь!

— Разве я так! Ты чего вспыхнул-то? — Буденный смотрел удивленно, даже с опаской. Он уже заметил, что Климент Ефремович раздражается порой совсем неожиданно, из-за каких-то пустяков.

Первое время непонятная резкость, появлявшаяся иногда у Ворошилова, очень обижала и отталкивала Буденного. Но однажды Екатерина Давыдовна сказала вроде бы между прочим, что в детстве Клима жестоко избили подростки, и с той поры у него случаются сильные приступы головной боли. Тогда он и вспылить может. А почувствовать приближение приступа не очень трудно: Климент Ефремович висок начинает тереть, массировать пальцами.

Это Семен Михайлович запомнил, но разве заметишь каждый раз, как подкрадывается к Ворошилову боль?!

Вот и сейчас: все нормально было, виски он не трогал и вдруг рассердился...

Действительно, Климент Ефремович был в это время совершенно здоров. Не чувствовал даже неприятного ощущения, обычно предшествовавшего приступу. А раздражался он потому, что напрасно тратили они с командармом драгоценное время. Положение совершенно ясное. Первая Конная должна политически укрепляться и быстро расти. И не за счет случайного притока людей, а с помощью специальных органов, которые займутся приемом, отбором, подготовкой и распределением пополнения. А Буденный не хочет сломать своей партизанской привычки. Климента Ефремовича ждали сегодня в кавалерийской бригаде, где создавалась партийная ячейка, надо было помочь товарищам, а он ездил с Буденным, пытаясь раскрыть ему глаза на положение дел.

И без особых успехов. Как тут не заволнуешься?!

С некоторым запозданием батальон был построен вторично. Примерно одинаковое число людей оказалось как возле пехотного, так и возле кавалерийского комиссара. К пехотному встал и бойкий солдат с белесыми ресницами, отвечавший Буденному. Это не понравилось Семену Михайловичу. Спросил его:

— Коня боишься?

— На свои мослы больше надежды,— весело ответил парень.

— Из безлошадных, что ли?

— Почему? Была у отца... А я на мельнице работал.

— Как хочешь,— недовольно бросил Семен Михайлович, отъезжая к тем, кто стоял возле Елизара Фомина. Осмотрел молодых, хмыкнул удовлетворенно, сказал Ворошилову: — Эти еще мягкие, быстро пообомнутся в эскадронах, привыкнут.

— А других не жаль в пехоту-то отдавать? — задал вопрос Климент Ефремович.— Этот белобрысый, он со смекалкой. На лица глянь: сразу видно, что ребята сообразительные. Из города, из поселков. Не их вина, что к лошадям непривычны. Нужных людей упускаем. Побеседовать бы с каждым, определить.

— Где время возьмешь? — вскинул брови Буденный.

— У нас с тобой, конечно, других забот полон рот. А разобраться-то надо было, причем без спешки, чтобы для любого найти нужное место. Кого, может, в артиллерию, кого на бронепоезд, кого в обоз, а кого хоть сразу командиром отделения назначай. Люди разные, а мы — гуртом: одни туда, другие сюда — и отделались!

Семен Михайлович промолчал, только поморщился досадливо. Собой недоволен был или Ворошиловым — не понять. Поторопился первым выехать за ворота казармы.

Согревая коней рысью, миновали они ровное поле, очень белое и чистое от свежего снега. Потом начался поселок. Дымили трубы над хатами и бараками. Пустын-

но было. Лишь кое-где чернели фигурки людей, направлявшихся в одну сторону — к рудничному двору. Буденный и Ворошилов повернули туда же.

Коней оставили ординарцу возле двухэтажного конторского здания из красного кирпича. Перед крыльцом — толпа. Из двери, из открытых форточек конторы валил махорочный дым вместе с паром. «Порядочно народа набилось»,— подумал Климент Ефремович, но то, что он увидел, превосходило все возможные предположения. Дом гудел, как растревоженный пчелиный улей, и заполнен был до предела. Не только в большой конторской комнате, но и в коридорах, и на лестнице тесно стояли люди.

Ворошилов и Буденный едва пробились к столу президиума. Сразу сник, как волна, откатился и затих где-то на первом этаже гул голосов. Послышались радостные восклицания:

— Товарищи, это же Клим!

— Который? При усах?

— Тю, Клима не знает! В бекеше!

Поднялся за столом очень высокий и худой — кожа да кости — человек в очках на чахоточном, с запавшими щеками, лице, протянул руку приезжим, произнес с достоинством:

— Рады видеть и приветствовать дорогих освободителей и красных орлов Семена Михайловича Буденного и Климента Ефремовича Ворошилова... А тебе, Клим, рады особенно, потому что знаем и помним по пятому году и по весне восемнадцатого, когда ты у нас в Донбассе народ против врагов повел...

Голос говорившего был вроде бы знаком Ворошилову, пробуждались какие-то смутные воспоминания, но обличье ничего не подсказывало ему. Очень изменился, знать, человек. И не удержать, не сохранить образы многих сотен соратников, вместе с которыми приходилось

вести борьбу. Спросил фамилию. Оказалось — Алексеев, один из руководителей местного подполья.

— Не ты ли в пятом году на массовке выступал за Ольховским мостом? — спросил Ворошилов.

— Нет, это не я,— улыбнулся Алексеев, и при этом еще глубже запали его щеки.— Я в ту пору как раз в тюрьме сидел до самого царского манифеста.

— А меня и по манифесту не выпустили.

— Знаем, дорогой ты наш Клим, все знаем. Помню, как всенародно ходили освобождать тебя в декабре. И сразу из казармы — председателем митинга выбрали.

Чувствовалось, что приятно было Алексееву вспоминать прошлое. Но остановил себя, провел ладонью по узкому лицу, словно стер улыбку. Заговорил деловито:

— Здесь, Семен Михайлович и Климент Ефремович, собрались добровольцы, которые хотят самолично бить контру. Все товарищи с рудника, с железной дороги, каждого мы знаем. Милости просим — принимайте к себе. Не подкачают!

— Нам бы только винтовки! — крикнул кто-то.

— И подучиться малость!

Климент Ефремович поднял руку, прося тишины:

— Спасибо вам, дорогие товарищи, от имени рабоче-крестьянской армии. Такие пополнения нам очень и очень нужны, чтобы еще сильнее громить белых гадов. Верно, Семен Михайлович? (Буденный кивнул величаво-торжественно.) Однако вижу я, тут немало людей, которые уже в возрасте, которым за сорок и даже под пятьдесят. Не трудно ли им будет? Может, лучше дома остаться, рудник налаживать?

Гул голосов вновь прокатился по всему дому и сразу улегся, отдалился, едва заговорил Алексеев.

— Слова твои, Климент Ефремович, очень заботливые и даже правильные, если только с одной стороны глядеть. Но собрались тут наши товарищи, которые все об-

думали-передумали, у которых душа изболелась. Не могут они оставаться дома, пока свирепствует белая гидра. И у каждого есть на то своя особенная причина. Да что слова говорить! Сазонов, иди, покажи расписку.

Живо выступил вперед рабочий, скинул куцую замасленную шубейку, задрал сатиновую рубаху, открыв багровую распухшую спину. Исхлестанную, с гнойными струпьями.

— Шомполами,— сразу определил Буденный.

Сазонов вроде бы всхлипнул, ртом глотнул воздух и скрылся в толпе, не сказав ни единого слова.

— Вакуев Осип, выйди сюда,— позвал Алексеев.

— Да ну... Ни к чему.

— А ты все же выйди, покажи свою навечную отметину.

Невысокий, весь черный, будто от угольной пыли, шахтер развел руками.

— Негоже мне заголяться.

— Ладно, сам поясню,— согласился Алексеев.— Вакуев у нас из мертвых воскрес. Расстреливали его белые вместе с другими девятью коммунистами. Близко тут, за прудом. А зарыли неглубоко, присыпали мерзлой землей пополам со снегом. Осип ночью выкарабкался.

— Ажник потемнел,— сказали в толпе.— Как обгорелый с того света вернулся.

— Спасибо добрым людям, укрыли меня, выходили,— Вакуев снова развел руками и отступил от стола.

Между тем Алексеев, подавшись вперед, искал кого-то глазами и при этом говорил негромко, вроде бы самому себе:

— Кто у нас самым веселым парнем на руднике был? Кто плясал лучше всех? Да и мужиком стал — ни одного праздника без него. И на гармошке, и песни начать... У нас разве кто-нибудь Юханова не знает? Все знают? А теперь? Чего машешь? Ну, не выходи, ладно.— И гром-

че: — Троих детей он потерял, Климент Ефремович, жену и мать-старуху. Штыками их кололи контрразведчики, когда допрашивали, где большевик Юханов со своими товарищами. А те и не знали... Всех пятерых так и уложили рядком посреди горницы. Юханов у нас не то что улыбаться — говорить перестал, от него слова теперь не добьешься. Тридцать лет мужику, а он седой весь, как древний старик.

Алексеев вздохнул. Тишина была такая, что во всем доме услышали: на лестнице возле двери всхлипнула баба.

— Не надо больше. Все нам понятно,— негромко сказал Ворошилов и посмотрел на Буденного.

— Хватит,— согласился тот.— Составляйте список.

— Список на столе,— указал Алексеев.

— Тогда так: завтра в девять утра сюда прибудет начальник штаба дивизии.

— И начальник политотдела,— вставил Ворошилов.

— Начальник штаба вместе с начальником политотдела,— подтвердил Буденный, покосившись на Климента Ефремовича.— Чтобы все были готовы. Одевайтесь теплее. Оружие дадим, а с обмундированием у нас плохо. Своего нет, за счет белых... А пока прощевайте, дорогие товарищи. В боях встретимся!

Алексеев проводил их до крыльца.

Лишь поздно вечером приехали Ворошилов и Буденный в село, где размещался штаб Конной армии. Следовало бы погреться с дороги, перекусить, но за день скопилось столько нерешенных вопросов, что сперва взялись за них. Слушая доклады штабистов, Буденный недовольно морщился, похлопывал ладонью по эфесу шашки. Продвижение войск было небольшое, на правом фланге белые вообще остановили конников.

— Одиннадцатую кавдивизию надо было ввести туда из резерва. Отдохнула одиннадцатая.

— Искали вас, армейский резерв в вашем непосредственном подчинении.

— А бронепоезда? Почему не двинули бронепоезда?

— Они выполняют ваше вчерашнее распоряжение.

— Ваше, ваше! — вспылил было Семен Михайлович, но, поймав осуждающий взгляд Ворошилова, немного сбавил тон: — Ладно, готовьте на завтра приказ, подпишу.

На квартире, споласкивая руки под умывальником, Буденный отвел наконец душу:

— Мозгами шевелить не хотят или ответственности боятся, черти недопеченные. Им бы только донесения собирать да телефон слухать!

— Они правильно поступили,— возразил Климент Ефремович.— Они обязаны приказ выполнять. А самодеятельности у нас в дивизиях и полках до сих пор предостаточно. Хоть в штабе порядок навели. Никто не имел права отменять твои указания.

— Не разорваться же мне!

— Кто велит разрываться? Не позволим и не допустим, ты партии целиком нужен,— усмехнулся Ворошилов.— Людям больше доверять надо, предоставить им широкие права, тогда и спрашивать с них. А за тобой общее руководство, оперативные замыслы, организация боевых действий. Тебе и без мелких забот дела хватит... Все дырки своими пальцами не заткнешь, везде сам не поспеешь. Тем более что новую дивизию создавать начинаем, хлопот прибавится. А ты против того, чтобы управление формирования у нас было. Все сам хочешь...

— Я — против? — хитровато прищурился Буденный.— Разве я возражал в полный голос?

— Напрямую будто и не возражал...

— Ни прямо, ни криво... Допытывался, как и что,— это факт. Щаденко-то согласен?

— Вполне.

— Ну и я тоже,— вздохнул Семен Михайлович.— Так

даже солидней: не отдел, а целое управление. Я уж с него стребую,— сжал он кулак.

— Требуй, о том и речь,— устало произнес Климент Ефремович. После напряженного дня у него все-таки разболелась голова, хотелось спать.

— Решено! — утвердил Буденный.

А Климент Ефремович, расстегивая ремни, подумал, что продвинулся нынче еще на один шаг в своей работе, хлопотливой, требующей полной самоотдачи и почти незаметной со стороны.

4

Присланное в эскадрон пополнение Микола Башибузенко принимал самолично. Сидел, подбоченясь, на высоком диковатом жеребце, такой яркий и живописный, что кое-кто из новичков рот разинул, глядючи на его красные шаровары, усы до ушей, сверкающие сапожищи с громоздкими шпорами. Микола не спешил, повертываясь и так и этак, давая полюбоваться собой, и сам из-под чуба разглядывал прибывших. Было их человек тридцать, по большей части в рабочих кожушках да пальтишках. Выделялись несколько человек в старых шинелях и трое пареньков в добротном обмундировании с не нашим светло-зеленым оттенком.

Башибузенко ткнул рукояткой нагайки:

— Ты кто?

— Так что нобилизованный! — бойко ответил парень.

— Кем?

— Сперьва вроде казаками, потом вроде Деникиным, а теперича к вам сиганул.

— Сам?

— Ага.

— В боях был?

— Не, в хозяйственном взводе.

— Калмыков! — повернулся Башибузенко.— Пущай пока при кухне картошку чистит. За месяц сделай из него вполне сознательного кавалериста.

— Сполним! — сказал Иван Ванькович.

А Микола — к следующему:

— Ты кто?

— Сазонов, шахтер.

— Чего умеешь? Рубить, стрелять?

— Не довелось... А вот коногоном работал.

— В коноводы,— определил Башибузенко.— Пантелеймонов, забирай.

И опять:

— Ты?

— Слесарь.

— Га! — Микола вскинул к затылку руку с нагайкой: ременная плеть извивалась на плече, как змея.— Ну куды я тебя приставлю, мил человек?

— К пулемету,— негромко подсказал сзади Леснов.

— Во, слышал, чего комиссар гутарит? В пулеметчики, к железу. Осилишь?

— Дело знакомое.

— Черемошин, принимай себе на подмогу... Ну, а ты, рядом, ты кто?

— Шахтер, доброволец.

— В армии служил?

— Не довелось.

— Следующий!

— Я с почты.

— Стрелять обучен? В седле держишься?

— Простите, не довелось.

— Тьфу! — у Башибузенко не только лицо, но и шея налилась кровью. Кого же это прислали к нему в боевой эскадрон! Гневом горели глаза под смоляным чубом, сейчас взорвется бранью, взмахнет нагайкой...

Леснов двинул вперед Стервеца, коленом прижал ногу Миколы:

— Давай я поговорю.

— Га? — не понял тот.

— Поговорю с людьми, а ты закури, передохни малость.

Башибузенко не сразу, но все же вник в смысл. Исчез бешеный блеск в глазах. Скрутил козью ножку. Подумавши, произнес:

— Негоже мне в сторонке дым пущать. Я командир, с каждым сам перемолвить должен.

И опять к прибывшим:

— Ты кто?

— Стрелочник.

— Чего еще?

— Стрелочник с железной дороги.

Леснов (откуда только узнал?) добавил свое слово:

— Этот товарищ участвовал в восстании у белых в тылу.

— Во второй взвод. Дальше.

— Шахтер, не служил.

— Следующий?

— Сцепщик, не служил.

Башибузенко хмыкнул и вдруг, сообразив что-то, повеселел, посветлел лицом:

— Ну, добре,— тоном, не обещавшим ничего хорошего, произнес он.— Слушай мою команду. Кто из казаков, из крестьян, кто на коне ездит, коня обихаживать может — пять шагов вперед!

На удивление Леснова из строя вышло довольно много — человек десять. Башибузенко без расспросов велел Калмыкову и Сичкарю взять их в свои взводы и продолжал:

— Кто служил в армии, хоть в царской, хоть в белой, хоть в нашей,— пять шагов вперед!

Вышли еще трое.

— Та-а-ак! — удовлетворенно протянул Башибузенко.— Кто пулеметом владеть может или кузнечному делу обучен?

Еще двое.

В строю осталось меньше половины людей, по виду рабочие, немолодые.

— А вы,— голос Миколы звучал все громче, все веселей.— Нале-во! В полковой обоз шагом марш!

И засмеялся, очень даже довольный собой.

Когда отъехали в сторону, Леснов сказал ему:

— Людей-то зачем обижаешь? Они со всей душой шли, от белых страдали.

— А меня не обидели? Брюхолазов прислали, из которых песок сыпется.

— Добровольцы, народ надежный.

— Вот и пущай соображают в штабе, куда посылать таких надежных. В трофейную команду или в караульную роту. А мне казаки нужны. Плетюганов бы всыпал тому, кто не по назначецию людей гоняет. А ты на меня взъелся...

— Обжились бы у нас, обучились.

— Га! Завтра с утра бой. И полягут они за милую душу в первой атаке без всякого обучения. И не верю я, Роман, что из этих подземных кротов-шахтеров на старости лет могут форменные кавалеристы получиться. Совсем другая закваска. Им камень долбить, нам по степям летать.

— Закваска у них как раз самая крепкая, революционная.

— Ну и лады, пущай в пехоте траншеи роют, им привычнее. И не переживай ты за них, комиссар.

— Говорю: обидно людям. Давай впредь так — будем вызывать по одному и беседовать с каждым, чтобы не перед всем строем.

— Можно и по одному.

— С твоего согласия, Микола, я двух шахтеров все же верну. Под свою ответственность.

— Знакомые, что ли? Сказал бы сразу.

— Члены партии.

— Ишь ты?! — прищурился Башибузенко.— С моего согласия, значит?

— Да,— ответил Роман, выдержав испытующий взгляд Миколы.— Потому что мы с тобой для одного дела стараемся.

5

Климента Ефремовича захватил общий азарт. Он всегда очень чутко воспринимал настроение людей, а уж сегодня тем более. Стосковался по физической работе, по привычной тяжести металла. Даже ночами чудился ему во сне ровный гул машин, словно бы наяву ощущал он неповторимый, волнующий запах нагревшейся смазки. Вывести на шахту весь поселок — это была его идея и местного большевика Алексеева.

Ворошилов прикинул так: шахта эта пострадала меньше других. Крепежный лес сохранился. Надо лишь расчистить завал у входа, отремонтировать вагонетки. Чахоточный очкастый Алексеев, такой худой и болезненный, что и глядеть-то на него нельзя без душевной боли, был одним из тех людей, которые не щадят себя. Сразу поддержал Ворошилова.

Вместе с ним подготовил Климент Ефремович воззвание к населению от комитета большевиков и от бойцов Красной Армии. Даешь уголь, дорогие товарищи, для усиления нашей республики, для быстрого освобождения всего Донбасса, для полной победы над лютым врагом! Все, кто может,— на шахту!

И пришли люди. К семи утра, как было предложено. Явились целыми семьями. Женщины, подростки, даже детишки. Ветхие старики и те выбрались из домов, приковыляли к шахте, одевшись словно на праздник.

Дело нашлось каждому. Ворошилов сперва расставлял вместе с Алексеевым людей по местам, но вскоре махнул рукой: сам управится — местный товарищ, а ему лучше повозиться с железом, с вагонетками возле кузни. Скинул бекешу, принялся «разоружать» поврежденную вагонетку, чтобы пустить снятые детали на ремонт остальных. Увлекся, ворочал за двоих. А тут еще слесари рядом подначивали: «Эй, Клим, чего молотком тюкаешь, зубилом руби!..» — «Да он забыл, каким концом надо!» Шутки шутками, но от напряженной физической работы он все же отвык: вот уже и руки ломит, и плечи отяжелели. А ведь раньше, бывало, по десять часов в цехе, почти без передышки...

Хоть и нарастала, усиливалась усталость, хорошее настроение не покидало его. Было чему радоваться. Не сегодня, так завтра, когда расчистят взорванный вход в подземелье, повезет эта вагонетка, отремонтированная его руками, в забой крепежный лес, а оттуда вернется доверху нагруженная черным, тускло поблескивающим углем.

Пусть немного, пусть какие-то сотни пудов будет давать первое время эта шахта. Но ведь важно начать, чтобы люди поверили в успех. А темпы возрастут. И не одна же такая шахта. Вот Алексеев собирается со своими активистами в соседний поселок.

И Конная армия не в стороне. Ефим Щаденко тоже ездит сейчас по шахтам, по железнодорожным депо, поднимает народ.

Добиться бы, чтобы каждый день отправлял Донбасс пролетарским центрам эшелон угля. Какое это великое подспорье оружейникам Тулы, ткачам Иваново-Вознесен-

ска, заводам Москвы, Петрограда! Сколько бы задымило фабричных труб, сколько людей согрелось бы возле огня!

На последнем расширенном заседании Реввоенсовета, когда речь шла как раз о создании органов Советской власти в освобожденных районах, о восстановлении шахт, рудников и заводов, некоторые товарищи заявили: не наше, мол, это дело, только отвлекает от главной цели.

«Все заботы, которые на пользу республике,— наши заботы,— сказал в ответ Ворошилов.— Каждый эшелон угля — тоже удар по врагу, тоже выигранный бой. Это раз. А второе: как жить нашей опоре, нашему рабочему классу, если заводы и шахты стоят? Как рабочий будет свою кровную власть поддерживать? А семью ему кормить надо?.. Рабочие, когда они в коллективе на своем предприятии,— это надежная опора. А когда по домам рассеяны — какая у них сила? Так что очень даже в интересах наступающей армии иметь за собой крепкий тыл. И помощь он даст, и назад нам не придется оглядываться».

Увлеченный своими мыслями, Климент Ефремович стукнул молотком по большому пальцу. Охнул бы, да гордость не позволила.

Искоса посмотрел вправо, влево. «Кажется, не заметили», — подумал Ворошилов, прикладывая к пальцу снег.

— Ну, братцы, и врезал же я себе! — как можно веселее произнес он.— Больше, чем от беляков пострадал!

И по дружному хохоту, раздавшемуся в ответ, понял: конечно, все они видели и по достоинству оценили его терпение и его шутку.

Глава шестая

1

Хороший подарок к новому, 1920 году получила молодая республика: Первая Конная армия полностью освободила Донецкий бассейн. Остатки белых войск откатывались на Таганрог и Ростов, буденновцы теснили противника, не позволяя ему закрепиться на промежуточных рубежах. Действовали главным образом сильные передовые отряды. Основная масса красной кавалерии двигалась на юг и юго-восток в колоннах, короткими переходами, давая по возможности отдых людям и лошадям, пополняя запасы продовольствия и фуража.

С утра 1 января Ворошилов и Буденный намеревались выехать в головные части, а накануне Екатерина Давыдовна затеяла небольшой праздник. У себя в агитпоезде, в котором размещались редакция газеты, партийный секретариат и экспедиция политотдела, она накрыла чистой скатертью столик в купе. Цветы в вазе хоть и бумажные, но очень искусно сделанные. Вместе с Васкунаш Акопян, тоже служившей в политотделе, приготовила крепкий чай.

Семен Михайлович явился в новом кителе, подстриженный, чопорный. Непривычно ему было в тесном чистеньком помещении, тем более рядом со смуглой, бойкой, острой на язык Васкунаш. Старался поменьше двигаться, чтобы не зацепить, не свалить что-нибудь, не разбить посуду. И голос свой командирский сдерживал. Климент Ефремович посмеивался про себя: до чего же скромник, до чего же паинька. Только усы приглаживает да степенно поддерживает разговор.

К сожалению, и по две чашки не успели выпить, как постучался дежурный боец, сказал Екатерине Давыдовне, что прибыли люди, вызванные из полков. Женщины поднялись, извинились, взяли шинели.

— Мы минут на двадцать.

— Да в чем дело-то? — огорчился Климент Ефремович.

— Газету новогоднюю надо распределить, агитматериалы.

— Без вас справятся.

— Сегодня мы обязательно сами должны,— весело переглянулись женщины.— Походные буквари готовы, проинструктировать нужно товарищей.

— Что еще за буквари? — спросил Ворошилов.

— Узнаешь потом,— кивнула ему жена, закрывая дверь.

Огорченный Семен Михайлович достал из кармана жестяную коробку с махоркой, спросил нерешительно:

— Можно курить-то?

— Кури, что с тобой поделаешь. Только дым в коридор пускай.

— А молодцы женщины, Клим Ефремович, ей-богу! Эка удумали — в боевых полках по букварю обучать.

— Я тебе про французский язык не рассказывал? — засмеялся Ворошилов.

— Нет, не упоминал.

— Представляешь, в ссылке мы с ней. Север, леса, глушь. Но, разумеется, нашлись среди ссыльных очень образованные товарищи, книги имелись. Время зря не теряли. Я марксистскую литературу осваивал, художественной читал много. В общем подковался на все четыре, как наши конники говорят. А Екатерине мало. Привязалась ко мне: давай французским языком заниматься. «Для чего?» — спрашиваю. А она: «Революционер должен быть всесторонне развит и образован, с пролетариями разных стран общаться без затруднений».

— Очень даже в точку,— одобрил Буденный.— И получилось у вас?

— Настояла.

— Значит, ты, Клим Ефремович, полностью готовый для мировой революции, так я понимаю?

— Готовый или не готовый, чем это измеришь? Одно знаю твердо: ради освобождения всего мирового пролетариата я ни сил, ни жизни своей не пожалел бы.

— Оно, конечно. С твоей грамотностью в далекую даль заглядывать можно. А у меня башка другим забита. Как нам, к примеру, ловчей белых обойти и Ростов занять? Склады там богатейшие, боеприпасами бы подразжиться...

— Давай, Семен Михайлович, хоть на один сегодняшний вечер забудем про все заботы. Отдохнем, усталость с плеч скинем, утром опять за дело. Потолкуем душевно. Когда еще выпадет такой случай...

— Разве что после Ростова,— согласился Буденный.— Но если уж про будущие прикидки речь пошла, то открою тебе, Клим Ефремович, одно большое свое беспокойство. Вижу, хорошо ты к коням относишься, и они это чувствуют! Старые казаки знаешь как говорили: каков хозяин, таков и конь,— усмехнулся Семен Михайлович.— Ты какую породу-то больше всего уважаешь?

— Не на породу смотрю, на достоинство.

— А я к дончакам очень даже привержен. Вот уже полтораста лет они по степям нашим пасутся. Специально собирали самых хороших в особые косяки для улучшения казачьих коней. Скрещивали местных лошадей монгольского корня с туркменскими, с арабскими, с карабахскими. Даже с чистокровками. В походах, на праздничных скачках отбирали самых выносливых, самых резвых. Тебе табуны дончаков приходилось видеть?

— Любовался.

— Оно и верно, что любовался,— подобрело лицо Буденного.— Не наглядишься. Лошади все золотисто-рыжие, с черной гривой, одна в одну. Иной раз с белой пролысиной или в белых чулках.

— Однотипность поразительная,— согласился Климент Ефремович.

— Для строя, для порядка. Самая военная порода. До четырнадцатого года дончаки составляли больше половины конского поголовья всей русской армии, во как! — в голосе Семена Михайловича звучала гордость.— На короткой дистанции по резвости дончак, может, и уступает чистокровке, зато по выносливости, по неприхотливости кто с дончаком сравнится? По морозу, по сугробам идет, не выдыхаясь. От препятствий не шарахается, стрельбы-грохота не боится!

— Ну, расхвалил до небес! — пошутил Ворошилов.

— А для дончака любая похвала в самый раз. Только выбили его за мировую и за эту войну, взяла смерть самых крепких, самых красивых, самых породистых. Очень оскудели степные косяки. Боюсь, как бы совсем не пропал главный наш боевой конь.

— Эх, Семен Михайлович, людей-то полегло сколько!

— За людей я сей минут речь не веду, за людей совсем другой разговор. А насчет дончака есть у меня такая задумка: как добьем Деникина, как замиримся хоть самую малость, собрать бы наилучших уцелевших дончаков со всей нашей армии, из разных других войск, из казачьих станиц...

— Трудно это.

— Понимаю, что трудно. Самых азартных лошадников на это пошлю. Сичкаря, Башибузенко, двух братьев своих... А собравши лучших дончаков, открыл бы на Дону конные заводы по всем правилам, чтобы вновь поднять эту породу и произвести ее до нужного состояния.

— Вот, значит, какая мечта у тебя?

— Задумка на это твердая. Жив буду — не отступлюсь.

В коридоре послышались веселые голоса, дверь купе

распахнулась. Румяные женщины принесли с собой бодрящий морозный запах свежего снега.

— Как вы тут? — спросила Екатерина Давыдовна.— Ага, вижу: если и тосковали без нас, то не очень... Васкунаш, бери чайник! Потерпите, товарищи командиры, десять минут — и стол снова будет накрыт!

2

Однообразна, скучна зимняя дорога в степи. Белый простор окрест, редкие селения вдоль балок. Метель запорошила следы недавних боев, аккуратно выбелила пепелища, заровняла воронки, укрыла до весны закоченевшие трупы. Толкнутся обо что-то полозья, вроде о кочку, а глянешь — остались за санками клочья конской шерсти или щерятся из-под снежного бугорка крупные желтые зубы.

Миновав разбитую, без правого колеса, трехдюймовку, пожилой боец-возница придержал лошадь, оглядывая открывшийся перекресток. Через железнодорожное полотно двигалась кавалерия.

— Как бы на мамонтовцев не напороться. Вчера трое наших обозников не распознали — и крышка. Вон их сколько. Не меньше чем эскадрон. Только едут как-то не по-людски, валками,— удивлялся возница.

— Буденовки на головах,— разглядел в бинокль Ворошилов.— Поторопи свою резвую.

Колонна всадников прошла перекресток, на переезде задержались лишь двое, явно поджидая санки с конвоем. Приблизившись, Климент Ефремович увидел старых знакомых. На рослом жеребце, подбоченясь, восседал усатый богатырь Башибузенко в лихо сдвинутой кубанке. Рядом на поджаром сухом кабардинце круглолицый, улыбающийся Леснов. Закутался башлыком, на руках огромные — к тулупу — овчинные рукавицы.

Командир и комиссар представились Ворошилову. Доложили: эскадрон идет замыкающим в составе бригады, через двенадцать верст ночлег.

— Что это у вас построение такое непонятное? — поинтересовался Климент Ефремович.— Не слитной колонной, даже не по взводам идете, а какими-то группами, кучками.

— Это вы скубента-читалу спросите,— стрельнул глазами Башибузенко.— Всю диспозицию мне понарушил.

— Вы, что ли, Леснов?

— Разный уровень подготовки,— весело сказал комиссар.— По уровню подготовки люди распределены, как инструктировали в политотделе. Да вы сами взгляните.

Клименту Ефремовичу подвели коня, он вскочил в седло. Нагоняя эскадрон, слушал объяснения Леснова. Оказывается, из политотдела доставили щиты с лямками, так называемые походные буквари. Головной боец надевает такой щит себе на спину, а те, кто едет за ним, повторяют хором слоги, складывают слова и предложения. Кто пограмотней — помогает товарищам. А Леснов занимается с самой большой группой бойцов, которые до позавчерашнего дня не знали ни одной буквы.

— А нынче сколько знают? — пошутил Ворошилов.

Однако комиссар ответил ему совершенно серьезно:

— Кто поспособней, освоил половину алфавита. Со слабыми занимаюсь по вечерам дополнительно.

— Коней кто поить-чистить будет? — буркнул Башибузенко.

— Ты не прав, Микола,— возразил Леснов.— Совершенно нельзя так рассуждать. Ты ведь сам и читаешь, и пишешь...

— Своим умом осилил, без нянек.

— Не у каждого так получится.

Ворошилов улыбался, не вмешиваясь в их спор. Спросил, обращаясь сразу к обоим:

— На какой срок это ваше полезное дело рассчитано?

— А вот скубент-читало ответит,— опять кивнул Башибузенко.

Климент Ефремович обратил внимание: хоть и пытается командир эскадрона говорить насмешливо, с иронией, а в голосе его звучит заметное уважение к комиссару.

— До Ростова в основном буквы освоим,— уверенно произнес Леснов.— Все зависит от времени. В боях некогда, зато в походе быстрей обучатся.

— И в других эскадронах занимаются?

— Походную азбуку в каждый полк привезли. Но комиссары не во всех эскадронах имеются. И не любой командир поддерживает,— усмехнулся Леснов.— У нас товарищ Башибузенко хоть и ворчит, а сам нынче со средней группой занятия проводил, слова объяснял. Было такое?

— А ты уж и доглядел... Помочь не трудно, это нам как семечки щелкать,— не удержался от похвальбы самолюбивый Микола.— Лишь бы службе не в урон шло.

— От вас двоих зависит, как наладить учебу, распределить время,— сказал Климент Ефремович.— Думаю, никакого ущерба не будет, одна только польза.

Они нагнали группу, в которой собраны были наиболее грамотные бойцы. Впереди покачивалась над крупом лошади широкая спина в полушубке, поверх которого красовался фанерный щит, слегка покоробившийся на морозе. Слова выведены красной краской, некоторые буквы начали оплывать по краям, но читать яркий разборчивый текст было легко. Пулеметчик Черемошин громко произносил слова, указывая острием пики, а конники хором повторяли за ним:

«Знайте: наше дело — правое. Победа коммунизма неминуема, как восход солнца после долгой черной ночи!

Да сгинет рабство, угнетение и власть капиталистов!

Да здравствует Красная Армия — освободительница угнетенных!»

Клименту Ефремовичу особенно приятно было увидеть фразы, взятые из новогоднего воззвания Реввоенсовета Первой Конной. Это воззвание он готовил несколько дней, отбрасывая неудачные варианты. И вот — получилось!

3

Дивизия остановилась на двухсуточный отдых. Люди отсыпались. Перековывали лошадей.

За обедом Роман Леснов спросил Миколу:

— У тебя вечер сегодня свободный?

— Никто ишшо в гости не звал,— сыто улыбнулся Башибузенко, вытирая рушником рот.

Леснов не принял шутливого тона:

— Посоветовался я с Черемошиным, с другими товарищами, хотим нынче эскадронный актив собрать.

— Что еще за штука такая — актив?

— Пригласим наших большевиков, беспартийных командиров. Костяк эскадрона. Посидим, помозгуем вместе, поговорим.

— Насчет чего мозговать? — насторожился Башибузенко, отбросив рушник.

— Как дисциплину поддерживать, как в бою тебе помогать.

— А я что, сам не справляюсь?

— Вполне справляешься, только ведь еще лучше можно.

— Без меня вы надумали этот самый... актив, без меня и заседайте.

— Да ты что, в обиду ударился?

— Какая обида... Занят я нонче.

— Сам говорил — в гости не звали.

У Миколы хитро блеснули глаза:

— А может, я к себе гостей жду, это как? Дорогие мне земляки на чарку придут.

— С какой радости?

— А с такой, что у нас в станице престольный праздник сегодня, весь народ гуляет и веселится. И нам грех не отметить. За сродственников выпьем, за светлую память односумов, которых земля пригрела.

— Ты всерьез?

— С престольным праздником какие могут быть шутки?

— Это же сплошной религиозный дурман.

— Дурман, когда при попе, когда дьячок кадилом чадит. А мы сами по себе...

Роман был настолько расстроен таким поворотом дела, что не смог скрыть своего огорчения. Очень он надеялся на этот актив, хотел расшевелить Башибузенко, приобщить к партийным заботам. Если вступит Микола в партию, за ним последуют ветераны эскадрона. Но чего-то не учел комиссар, не нашел в этот раз верного подхода к гонористому и упрямому Башибузенко. Придется без него актив проводить.

Едва стемнело, в местной школе собрались приглашенные. Пантелеймон Громкий, будто стремясь оправдать свое прозвище, сразу наполнил класс оглушительным басом, загремел мебелью, втискиваясь за детскую парту. Рядом с ним совсем незаметен был брат его Пантелеймон Тихий. После того как в бою под Меловаткой расплющило, изуродовало нос, гундосым, неприятным стал голос комвзвода. Понимая это, Пантелеймон Тихий говорил теперь еще меньше, чем раньше. Зато вставит словцо редко, да метко.

Между двумя осанистыми, широкими в кости братьями по-юношески стройным казался Нил Черемошин, пер-

вый помощник Леснова во всех начинаниях. Нилу жарко в классе, скинул шинель, расстегнул ворот гимнастерки, но папаху свою, высокую, лохматую, всю в черных завитках, не снял. Одна такая уссурийская папаха на весь эскадрон, на нее зарились охотники щегольнуть перед женским полом, особливо на отдыхе. Черемошин в такое время с папахой не расставался.

Вместе держались трое добровольцев, прибывших с последним пополнением. Еще не освоились, не утвердились на новом месте. Скромный Сазонов негромко переговаривался с забойщиком Каменюкиным, который внешним видом своим очень даже оправдывал данную ему фамилию. Крепкий, сильный, он был словно вытесан из плоского камня: черты лица резкие, крупные, грубые. Лет ему немного, но он вроде бы опекал Осипа Вакуева, который из-за седины своей, из-за суровости выглядел гораздо старше. Да и Леснов с особой заботой относился к этому шахтеру, в полном смысле слова выбравшемуся из могилы, куда свалила его белогвардейская пуля. Попросил Миколу Башибузенко определить Вакуева к эскадронному кузнецу. Мастеровой человек — ему в самый раз.

Семь коммунистов — это уже сила! Зря, зря ты, Микола, тешишь свое самолюбие, пора бы понять, кто начинает все ощутимей задавать тон в эскадроне. К примеру, два ветерана, два неразлучных дружка, Калмыков и Сичкарь, тоже находятся здесь, среди активистов. Иван Ванькович не скрывает своего любопытства, сел на первую парту, нетерпеливо щурит узкие раскосые глаза. А Кирьян Сичкарь, как всегда, надменно-невозмутим, плечи расправлены, бритая голова горделиво красуется на крепкой точеной шее. Между колен — кривая турецкая сабля в серебряных ножнах. Вроде бы все как обычно, только одет Сичкарь по-праздничному. Лишь в торжественные дни, на отдыхе, достает он из обозного сундучка синюю

черкеску с газырями, с ярким бешметом. Вдобавок к сабле цепляет на ремень большой кинжал. Полная кубанская казачья форма.

— Начинай, комиссар,— поторопил Иван Ванькович.— О чем балачка?

— Поговорим о порядке в нашем эскадроне, о примере большевиков. Но сначала одна новость. Думаю, приятная для всех нас. До сих пор первичной партийной организацией в Красной Армии являлась полковая ячейка. Почему? Да потому, что коммунистов-то было немного. А теперь растет наша партия, пополняется лучшими бойцами и командирами. Вы сами это видите. И вот недавно, в декабре, Центральный Комитет обсудил вместе с военными представителями новую инструкцию. В ней сказано: «За основную единицу партийной организации в частях, управлениях, учреждениях и заведениях Красной Армии принимается ротная (или равновеликая ей) ячейка членов Российской Коммунистической партии...»

— Ну и что? — пробасил Пантелеймон Громкий.

— А то, что мы теперь можем создать партийную ячейку у себя в эскадроне, на месте решать разные вопросы нашей жизни. Это первое. И другая хорошая новость: для тех, кто вступает в партию в действующей армии, устанавливаются льготные условия. Кандидатский стаж снижается до одного месяца.

— Как раз для меня! — порадовался Громкий.

— Очень своевременное решение,— кивнул Леспов.— Оно облегчит и ускорит нашу работу по приему в партию лучших товарищей.

— Да вроде и нет больше желающих,— произнес Черемошин.

— Почему нет?! — громко возразил Калмыков.— Ты за себя говори, другой сам за себя скажет!

— Насколько я понимаю, Иван Ванькович хочет стать кандидатом? — спросил комиссар.

— Почему не стать? Я против врагов совсем пошел! Против офицера пошел, против богача пошел, против своего белого калмыка тоже пошел. У меня с большевиками одна дорога, а другой дороги совсем нет. И вся балачка! — рубанул он рукой.

— Превосходно, Иван Ванькович! — обрадовался Леснов.— Прямо сейчас и обсудим этот вопрос, и проголосуем.

— А ты чего молчишь?! — круто повернулся Калмыков к Сичкарю.— Сам к партии с полным уважением, а сам молчишь?! Говори свое слово!

— Я пока погодю,— невозмутимо ответил Кирьян, свертывая самокрутку.— Куда торопиться...

— Не дозрел еще? — ядовито поинтересовался Пантелеймон Громкий.

— Сказано: погодю! — отрезал Сичкарь, отбив всякую охоту продолжать этот разговор.

Все задымили, прикурив друг у дружки.

— А тебе, Нил, я вот что скажу,— повернулся к Черемошину Леснов.— Ты у нас среди партийцев самый грамотный. И протокол вести можешь, и бумаги всякие оформлять... Надо бы нам, товарищи, выдвинуть его секретарем нашей эскадронной партийной ячейки.

— Ты что! — Черемошин аж отшатнулся, толкнув плечо Пантелеймона Тихого.— Какой такой из меня секретарь?! Вы же знаете, ребята, неубедительный я, агитация у меня не получается.

— А зачем тебе перед нами агитацию разводить? — улыбнулся Леснов.— Мы тебя и без долгих разговоров вполне понимаем.

— Из пулемета сагитируешь. По белякам! — вставил свое веское слово Пантелеймон Тихий.

4

У Башибузенко действительно собрались земляки-станичники. И стол был накрыт, и самогона в достатке, и песню завели подвыпившие кавалеристы. Но сам Микола был трезв, окинул вернувшегося Романа настороженным испытующим взглядом. Подвинул ему свою кружку:

— Угощайся.

— Извини, не хочется.

— Оно и верно,— усмехнулся Башибузенко.— Негоже комиссару по причине престольного праздника...

Гулянка свернулась как-то сама собой. Бойцы пошумели за окном, поспорили, куда бы еще определиться на веселье.

— Я вам повеселюсь! Спать! — гаркнул в форточку эскадронный.

Леснов начал укладываться на деревянной скрипучей кровати, а Микола, любивший тепло, на печи. Стягивая сапог, Башибузенко спросил с деланным равнодушием:

— Как погутарили?

— С пользой. В протоколе записано: члены партии обязаны всеми мерами повышать авторитет командиров, добиваться безусловного и точного выполнения всех приказов и распоряжений. Ты это учти.

— Кто моих приказов не исполнял, тот знаешь теперь где?

— Выполняют по-разному. Один — сознательно, другой — абы как.

— Правда твоя,— миролюбиво согласился Башибузенко.— Однако долго вы там засиделись...

Мучило Миколу любопытство, хотел знать подробности, а расспрашивать напрямик гордость не позволяла. Понимая это, Роман говорил вроде бы через силу, подавляя зевоту:

— Черемошину полное доверие оказали, выбрали его секретарем эскадронной партийной ячейки.— И совсем уже вскользь: — Ивана Ваньковича в кандидаты приняли.

— Калмыкова? — у Миколы аж сапог из руки выпал.— Куда он с косой мордой!

— При чем тут его физиономия? Человек полностью предан революционному делу, я его с радостью рекомендовал... И не пойму я, дорогой ты мой командир, вот чего: тебе по всем статьям место в первых рядах коммунистов, а ты никак на прямую борозду не свернешь. Подтянись малость насчет личной дисциплины, насчет женщин — и подавай заявление.

— Подтянуться, значит? — насмешничал Башибузенко.— Уже запрягаешь?

— Хорошего желаю.

— Ни к чему нам такой разговор заводить. Чего тебе от меня нужно? За Советскую власть убеждаешь? Не надо, я к ней, как к родной матери. Она мне самое главнейшее дала, я полным и равным человеком себя почувствовал.— Микола перестал стягивать второй сапог.— И теперь лучше сто раз жизнь отдам, чем на один день в обратное унижение. Так что я за свою власть воюю, и учить меня нет никакого смысла.

— На партийном собрании бы такие слова сказал! Рассуждаешь ты, Микола, как настоящий коммунист-большевик.

— Насчет коммунистов мы с тобой уже гутарили, и повторю тебе, комиссар, еще раз: нет у меня к ним никакого доверия.

— Объясни же, в конце концов, почему?

— Раз ты, Роман Николаевич, так шибко за меня переживаешь и раз пошло меж нами такое вострое обсуждение, то давай я тебе пару задачек поставлю.— Башибузенко наконец справился с сапогом, в одних носках бесшумно дошел до стола, взял кисет, возвратился к печ-

ке.— Вот мы захватили вчера это село. С боем захватили, с потерями. И вот остановились мы с тобой в этой хате. Известно нам, что хозяйкин старший сын у белых служит. Может, в нас вчера стрелял... И еще у этой женщины двое парней на подросте. Тут они за стенкой в прирубе сейчас. Спят небось. Так почему же, ответь мне, комиссар, мы этой хозяйке не мстим за своих убитых товарищей, не тянем в распыл ее ребятишков, а ведем себя очень даже прилично?

— Обыкновенно,— пожал плечами Леснов.— Ты сам прекрасно знаешь, что Красная Армия безжалостно воюет со своими врагами, а женщины и дети тут ни при чем. Мирные жители за войну не в ответе.

— Мы вот даже пленных, которые из простых, не офицеры и не каратели, по домам распускаем или к себе берем, если хотят...

— Свои же люди... Заблудились маленько, не разобрались.

— Правильно, комиссар. А вот прошедшей весной, когда загорелся на Дону белый казачий мятеж, у нас половина станичников под одним знаменем воевала, половина — под другим. Земляки, сам знаешь, сватья да братья, в глубине кореньями переплелись. То, что мы в бою аж до самой смерти хлестаемся, понять можно. Мы мужчины, наше дело свою правду доказывать. Но чтобы станицы-хутора жечь, чтобы наших матерей да детишков искоренять — этого ни-ни. Нельзя. Сегодня белые придут, завтра красные: таким манером всю землю враз оголим.

— Ты к чему клонишь?

— Сейчас поймешь, комиссар. Говорили тогда, что кое-кто из коммунистов-то кричал: прижечь, мол, это восстание каленым железом. Гнезда мятежников должны быть разорены. Никакой пощады станицам, которые оказывают сопротивление... Понимаешь, целым станицам

никакой пощады, а про тех, кто стрелял, и говорить нечего... А что за «гнезда» должны быть разорены? Это же хаты, семьи... Поэтому и болит душа, Роман Николаевич, очень даже болит. И не у меня одного. Придем с победой в родные места, а там после такого приказа ни кола ни двора да кресты на могилах у наших сродственников...

— Давно вестей нет?

— Какие вести, куда? Полгода мотаемся по военным дорогам за тыщу верст от своих.

— Да-а-а, подкинул ты мне задачку,— невесело произнес Леснов.— И что ты брехню разную слушаешь... Ты Ленина слушай, он человека понимает. А тот, кто так злобствует, тот не большевик.

— Га, в самую точку! — обрадовался Башибузенко.— Большевикам я доподлинно верю, а коммунисты для меня — лес темный.

— Пойми, наконец,— это одно и то же!

— На словах, может, и одно, а на деле получается разное. Ты вот в голове не держишь, чтобы весь этот дом с хозяйкой и парнишками, все это гнездо вырубить и огнем спалить, а другой коммуняка целые станицы уничтожать требует. Поэтому я стою за Советскую власть, за большевиков, а насчет всего прочего меня лучше не трогай.

— Чего тебя трогать, со временем сам поймешь,— сказал Леснов, досадуя на то, что не сумел переубедить своенравного казака.

Вспомнились слова Ворошилова, слышанные на совещании в политотделе. Крестьянин, и казак в том числе, слова слушает охотно, раздумывает над ними, примеряет к своей жизни. Но к одним голым словам у крестьянина доверия нет. Убеждать его надо делом, примером. Военному политработнику — примером собственного поведения буквально во всем — и в бою, и в быту.

Это верно. Иначе такому строптивому упрямцу, как Башибузенко, ничего не докажешь.

5

Утром 7 января Конная армия вместе с пехотой 8-й армии начала операцию по освобождению Ростова-на-Дону. Накануне был отдан подробный приказ, выработаны маршруты движения войск, назначены сроки занятия промежуточных рубежей и населенных пунктов, определено взаимодействие конницы со стрелковыми дивизиями, с бропевиками и бронепоездами. Хорошо потрудились штабники, планируя наступление. Климент Ефремович остался доволен. Даже Семен Михайлович, гораздо больше доверявший своему опыту и чутью, чем бумажным расчетам, похвалил с усмешкой: «Гладко сработано».

А на рассвете, едва завязались первые бои, поднялась, завихрилась сильнейшая метель. Исчезла всякая видимость, занесло степные дороги, войска сбивались с маршрутов, теряли ориентировку, связь с соседями. Все перемешалось, командиры не знали, где свои, где чужие. В непроглядной белой круговерти вспыхивали неожиданные стычки. Начинали вдруг грохотать орудия. Чьи? Куда стреляли?

Буденный и Ворошилов, выехавшие в сопровождении Особого резервного кавдивизиона на передовую руководить операцией, тоже едва не сбились с пути. У Климента Ефремовича упало настроение. Так хорошо все наметили: двое суток — и Ростов наш. А теперь ничего не поймешь, не разберешь. Мир сузился до предела. Видны только заснеженные спины впереди, да Семен Михайлович рядом.

Для Буденного будто и беды никакой нет. Посмеивался в усы: «Ничего, погодка кавалерийская, самая подходящая для внезапности, для неожиданности. Сейчас один лихой эскадрон может целый вражеский полк расколошматить».

Однако первая же неожиданность оказалась мало-

прпятной. На хуторе Нижне-Тузловском, где не предполагалось никаких войск, обнаружили большое скопление конницы, пулеметных тачанок. Разведчики доложили: это свои. Оба полка 1-й бригады 6-й кавалерийской дивизии вместе со своим командиром Василием Ивановичем Книгой. Расположились по хатам, чаек попивают.

— Как так? — помрачнел Буденный.— С фронта отошли, значит? Ну, я им сейчас!

— Погоди, Семен Михайлович, не торопись. Давай сперва комбрига выслушаем. Может, причина веская... Ты же всегда хвалишь Книгу. Находчивый, смелый...

— Перехвалил, видать,— хмуро ответил Семен Михайлович.

Он действительно любил ставить Василия Ивановича в пример, сквозь пальцы глядя на его мелкие упущения. В бригаде Книги много было ветеранов-буденновцев, больше, чем в других частях, сохранился вольный отрядный дух. На преданность Василия Ивановича всегда можно было рассчитывать. В лепешку расшибется, а старого друга-начальника не подведет.

Климент Ефремович тоже ценил хитрость и кавалерийский талант Книги. Хорошо освоив несколько вариантов ведения боя, Василий Иванович очень умело использовал их, каждый раз применяясь к обстановке. Наносил удар там, где его меньше всего ожидали, часто добивался успеха. А встретив сопротивление, отходил, сберегая силы. Только вот отходы эти не всегда приносили пользу, особенно соседям. В регулярной армии на первом плане общая цель, а не частная удача.

В географических картах Василий Иванович совершенно не разбирался и даже вроде бы гордился этим, говоря: «А я нюхом беру: по запаху чую, где север, где юг, где свои, где беляки». Днем выскочит на бугорок, оглядит в бинокль местность, расспросит жителей — и все ему понятно, будто вырос в этом краю. Ночью опре-

делялся в степи по звездам, по другим известным лишь ему приметам... Хорошо, разумеется, иметь такой дар, но что, если, к примеру, доведется действовать не в привычной степи, а в лесах или среди гор? Как без карты?

Многие буденновские командиры, особенно кто помоложе, тянулись к военной науке. Ворошилов подумывал открыть для них специальные краткосрочные курсы, а наиболее способных и грамотных послать на учебу в Москву. Намекал Семену Михайловичу, что и таким ветеранам, как Книга, следовало бы по возможности восполнить пробелы в знаниях.

«А что за спешка?! — недоумевал Буденный.— Когда им? Ну и опять же вопрос: разве мы хуже образованных генералов воюем?» — «Да ты что, против учебы, что ли?» — «Нет, Клим Ефремович, я за то, чтобы смазку в мозгах подгустить, но не теперь, а когда войну завершим. Тогда, может, и Книга за книгу сядет,— шутил Семен Михайлович.— А сейчас он хоть и без грамоты, а любую историю лучше, чем по писаному, излагает».

Об этом Климент Ефремович знал: на всю Конную армию славился Василий Иванович своими веселыми рассказами. Так умел байки баять — самые серьезные хохотали до слез...

Узнав о появлении начальства, комбриг Книга выехал навстречу. Хорошо, что улица узкая: не разминулись в снежных вихрях, столкнулись, можно сказать, нос к носу. Ветрище, холод, а на Василии Ивановиче, как всегда, лишь кожаная тужурка и кожаные штаны, заправленные в сапоги. На широком ремне кобура нагана и офицерская шашка.

— Ты почему здесь? — грозно спросил Буденный.

— А де ж мне быть?

— Не крути, сам знаешь! Отступил?

— Та отошел.

— Кто разрешил отойти? Начдив? Я?

— Та никто не разрешав, по своей аницативе. Навалились на мене беляки, один ход — назад.

— Откуда они взялись?

— Хто ж их знае, у такой пурге... Нажали крепко, я и отскочив.

— Приказ о наступлении тебе известен?

— Та слыхав.— Книга, прикидываясь тугодумом, укоризненно поглядывал на Буденного: чего, мол, цепляешься при члене Реввоенсовета, с глазу на глаз поговорим. А вслух: — Мы ж люди темные, у школах не обучалысь...

— Брось шутковать! — повысил голос Буденный.— Потери большие?

— Та не дюже...

— Докладывай по всей форме! — Семен Михайлович аж побледнел от негодования, по его лицу Книга понял, что валять дурака больше нельзя. Сказал потускневшим голосом:

— Так что два орудия потеряли.

— Бежал, значит?

— Отступал.

— Эх, ты! — выдохнул Буденный.

Высказался бы, наверно, покруче, не будь рядом Ворошилова. Всякое случалось в красной коннице, не одни лишь удачи, но орудия ценились особенно, их старались не бросать даже в самом трудном положении. А Книга — сразу два!

Не глядя на комбрига, Семен Михайлович процедил презрительно, почти не разжав зубы:

— Поднимай людей по тревоге! Выбить противника из Чистополья! Орудия захватить!

И круто повернул жеребца.

Из хутора выехали молча. Метель не утихала. Кони торили ровную пухлую целину. Только по ветлам, смутно вырисовывавшимся за белой кисеей, можно было понять, что не сбились с большака.

— Не зря ты бригаду поднял? — беспокоился Климент Ефремович.— Не заплутается Книга?

— Василий Иванович-то? Он теперь зол, как зверь! Своим знаменитым нюхом до Чистополья дойдет. Вместо двух орудий четыре захватит, помяни мое слово. Знаю я его штучки... Ишь ты: «Мы люди темные»,— передразнил Буденный.— Теперь он враз просветлеет!

— Может, все-таки остановить нам общее наступление? — продолжал Ворошилов.— Опасаюсь я, что все окончательно перепутается.

— А уже перепуталось,— повеселел Семен Михайлович.

— Тем более.

— И у нас перепуталось, и у белых тоже. Мы наугад тычемся, и они ничего не видят, не знают. Кто смелей, кто настойчивей — тому и везет. Дерзость для нас на первом месте. О чем я тебя попрошу — не мешай мне сейчас!

— Как понять?

— А так и понимай,— усмехнулся Буденный.— Есть дела, в которых ты дока непревзойденный, и я в таких делах безмолвно тебя слухаю. Но и ты в этот раз послухай без возражений. Эта бесноватая погодка как раз для меня. Нутром знаю, как запутаю, запетляю сегодня их благородиев. Нопче мой день. Только ты меня не окорачивай, узду не натягивай.

— Не буду,— без особой охоты согласился Климент Ефремович.— Ты запутывать-то запутывай, но все же помни: за удачу или за провал мы оба одинаково отвечать будем.

— Сам отвечу.

— Не выйдет, Семен Михайлович. С обоих спрос, обоим одна боль.

— Но на нонешний день ты согласный?

— Договорились,— кивнул Ворошилов.

С этой минуты Климент Ефремович до самого вечера

ничего не сказал Буденному поперек, хотя в мыслях не всегда одобрял его решения. Однако видел: Семену Михайловичу сейчас лучше не противоречить, не сбивать пыл. Буденный не просто работал, не просто действовал, а вдохновенно творил эту операцию, развернувшуюся на большом пространстве за снежным занавесом, втянувшую в себя многие тысячи людей, большое количество пушек, пулеметов, бронепоездов.

Обосновался Реввоенсовет в селе, где находился штаб 6-й кавалерийской дивизии, но не вместе с этим штабом, а на другом конце улицы. Климент Ефремович понял Буденного: если влезешь в дела и заботы одной этой дивизии, то потеряешь масштабность, притупится ощущение всей операции. Ну, а узел связи дивизии, ее резервные эскадроны — на всякий случай вот они, под рукой.

Семен Михайлович занял дом возле церквушки, с виду ничем не выделявшийся, но внутри спланированный по-городскому, без большой печки посредине, и потому казавшийся просторным. Ковер на стене, посуда в красивом шкафу. Крашеный, чуть поскрипывающий пол. Буденный велел все лишнее вынести, оставить только стулья, а два стола сдвинуть вместе. На них скатертью легла карта с плохо стертыми следами карандаша... У правой руки — еще одна карта, поменьше, но очень подробная, захваченная у беляков. Тут же три полевых телефона.

Все это — и карты, и телефоны — появилось мгновенно. И захлопали двери, забегали ординарцы, громкими голосами наполнился дом. Ржали под окнами кони, цокали по льду подковы. Закрутилась бешеная коловерть — успевай поворачиваться. По всем направлениям поскакали разведчики и связные.

Весь Особый резервный кавдивизион, всю свою гвардию отправил Семен Михайлович по разным дорогам, чтобы точно выяснить, где противник, где свои, чтобы про изменения в обстановке сразу докладывали ему. За не-

сколько часов установил Буденный надежную связь со всеми войсками и даже с соседями. Пожалуй, только он один и имел сейчас, в этот метельный день, ясное представление о том, что и где происходит.

Климент Ефремович, добровольно устранившийся на сей раз от участия в делах, впервые, пожалуй, наблюдал за работой Буденного вроде бы со стороны. В горячке-то, когда сам увлечен, сам кипишь, не остановишься, не оглянешься. А теперь смотрел он, как хмурит черные брови Буденный, нависая над картой, слышал его резкий хрипловатый голос, подмечал, как быстро выполняются все распоряжения Семена Михайловича, с каким уважением и даже почтением ловят его слова все — от комбригов до ординарцев, и невольно задумывался: чем же командарм отличается от других бывалых вояк, таких, к примеру, как Башибузенко или Книга? Почему они стараются подражать Буденному: ведь он в общем-то не выделяется особенно ни внешностью, ни образованностью? Откуда столь высокий авторитет, в чем сила Семена Михайловича, притягивающая к нему людей?

Само собой напрашивалось сравнение с Миколой Башибузенко, который почему-то особенно часто появлялся сейчас в комнате, затеняя свет из окон своей громоздкой фигурой, наполняя весь дом громыханием баса и звоном шпор. Усы у него пышнее и длиннее, чем у Буденного. Вид такой яркий, что все и вся меркло на фоне его огненно-красных широченных гайдамацких шаровар, алого башлыка и малиновой кубанки. Он даже раздражал Ворошилова этой своей неумеренной яркостью, самоуверенностью. Однако не в том сейчас дело. Вот этот Башибузенко вроде бы нисколько не уступает Буденному. Службу знает досконально, с царских времен. В бою, один на один с врагами, он смел и умел. И эскадрон свой крепко держит в руках. Но при всем том Микола Башибузенко и десятки, сотни подобных ему закаленных бойцов, «обкатан-

ных камешков», как называл их Егоров, эти сотни и тысячи бывалых вояк добровольно и охотно признают превосходство Семена Михайловича, его право командовать ими. Вероятно, все они каким-то особым необъяснимым образом угадывают в Буденном те редчайшие, удивительные способности, для определения которых существуют лишь приблизительные, маловразумительные слова: одаренность, талант, дар божий.

К тому же бойцам, наверно, очень лестно было сознавать, что он, Семен Буденный, совсем такой же, как они, совсем из такого же теста, а поди ты, как размахнулся, как обскакал генералов! «А мы чем хуже? И мы могем»,— горделиво рассуждали они. Но подняться над своими заботами, над сиюминутными делами своего отделения, взвода или эскадрона, оценить обстановку, принять быстрое, правильное решение на поле боя — это дано было далеко не всем. А уж раскинуть мозгами пошире, охватить сразу все происходящее на десятки верст окрест, подумать за себя и за белых, наметить план для всех полков и дивизий, а потом с непоколебимым упорством добиваться выполнения этого плана — такой взлет, такое духовное и физическое напряжение, причем напряжение длительное, продолжавшееся сутками, неделями,— удел лишь избранных, особых натур. Даже Климента Ефремовича поражали иногда неожиданные, странные решения, которые принимал Буденный. Никто не додумался бы. Семен Михайлович почти всегда прав, даже в самых дерзостных, самых удивительных своих замыслах.

Что он обмозговывает сейчас, склонившись над картой, опершись на локти широко расставленных рук и покусывая кончик уса? Не видит, не замечает ничего вокруг, будто парит над этой картой, зорко высматривая что-то.

Наблюдая за Буденным, Климент Ефремович подумал, что у них в Реввоенсовете сложилось очень даже

правильное положение. Сообща, втроем, вырабатывают они основную линию действий, управляют армией, и в то же время у каждого есть свой определенный участок. Семен Михайлович занят главным образом подготовкой и проведением боевых операций. Щаденко почти каждый день бывает в бригадах, в полках, на месте помогает командирам и комиссарам принимать правильные решения, вникает во все трудности. Пополнение, укомплектование дивизий — тоже на нем. А Ворошилов в ответе за всю организационную, партийную и политическую работу. Создание армейского штаба, органов снабжения, госпиталей — этим и многим другим он занимается как член Реввоенсовета. Но еще важнее, что он фактически является комиссаром Первой Конной. Политический аппарат, рост партийных рядов, пропаганда и агитация, армейская печать, связь с населением — по его части. И нельзя, наверно, отделять обязанности члена Реввоенсовета от его комиссарских дел. Это было бы неправильно. «Мы, большевики, в ответе за все»,— мысленно повторил он свою любимую формулу. Но все же теперь, когда деятельность Реввоенсовета наладилась, когда Семен Михайлович начинает привыкать к коллективному руководству, не пришла ли пора все больше внимания уделять именно комиссарским заботам?

К примеру, настоящий момент. Нет сомнений, что Буденный подготовит операцию и Ростов будет освобожден. Понадобится командующему совет, помощь — пожалуйста. Но думать-то сейчас Климент Ефремович должен не только об этом. Вперед надо глядеть. Ворвутся наши бойцы в большой город — для них это завершение битвы. А для Ворошилова, для всех политработников забот не уменьшится, а, может, даже прибавится. Надо немедленно выделить и проинструктировать специальное подразделение, которое неожиданным броском захватит тюрьму, не позволит врагам расправиться с нашими товарищами-

политзаключенными. Вместе с ними, с уцелевшими большевиками-подпольщиками сразу взяться за восстановление Советской власти в городе. Назначить начальника гарнизона и коменданта Ростова, чтобы они установили твердый революционный порядок, пресекли грабежи, провокации недобитых врагов. Быстро учесть и сохранить трофейное имущество. Будет возможность — послать продовольствие в северные голодающие губернии. Наладить работу предприятий, обеспечить нормальную жизнь сотен тысяч трудящихся. А для своих усталых бойцов организовать отдых, да чтобы с баней, с горячим приварком, с хорошим сном.

Потери необходимо восполнить. Ну и, конечно, сразу после Ростова другие задачи встанут перед Первой Конной. Значит, надо во всех дивизиях и в масштабе армии подвести итоги сделанного, обобщить опыт, отметить лучших, нацелить людей на новые победы. Придется провести для этого партийную конференцию.

«Нет, всего не запомнишь!» — у Климента Ефремовича капельки пота выступили на лбу от напряжения. Или в горнице жарко? Расстегнул воротник, достал из кармана потрепанный блокнот, вывел крупными буквами: «Ростов. Что сделать».

Карандаш быстро заскользил по бумаге.

В комнате было сумрачно, адъютант зажег большую лампу без абажура. На светлых обоях плыла черная тень Семена Михайловича. Растопыренные руки его на стене похожи были на широко раскинутые крылья, и вся тень очень напоминала орла, изогнувшего голову над добычей.

«Истинный орел! Степной орел!» — усмехнулся Климент Ефремович.

Сравнение вроде бы вполне подходящее, да только вот развитие событий весь этот день не радовало Ворошилова, читавшего вслед за Буденным донесения, поступавшие с передовой. Наиболее ожесточенные бои продолжа-

лись возле населенного пункта Генеральский Мост. Белые насчитывали там по меньшей мере пять тысяч сабель. Силы примерно равны, атаки сменялись контратаками, потери с обеих сторон были велики, но ни те ни другие не могли добиться перевеса.

Возле Генеральского Моста никакого продвижения не было, а у соседей, по мнению Климента Ефремовича, вообще положение сложилось тяжелое, угрожающее. Там белогвардейцы обрушились на 15-ю и 16-ю стрелковые дивизии, потрепали их, отбросили далеко назад. Получалось так, что не буденновцы, а беляки достигли сегодня внушительного успеха.

Климент Ефремович держался-держался, однако счел все же необходимым изложить Буденному свое мнение: в Ростове, мол, деникинцы теперь в колокола бьют, победу празднуют. Метель-то, выходит, врагу помогла.

— Пускай радуются,— спокойно ответил Семен Михайлович.— Цыплят по осени считают. Ты смотри на карту, Клим Ефремович. Противник сегодня подчистую выложился. Пехота его, конница — все тут, в бою. Наши шестая кавдивизия и тридцать третья стрелковая приковали внимание белых к Генеральскому Мосту. Враг резервы туда тянет, думает, что там вся схватка. А у нас, гляди, одиннадцатая кавдивизия с бронепоездами на подходе. Но не это главное. Вот здесь,— показал Буденный карандашом,— наша четвертая кавдивизия, совсем свежая, отдохнувшая. А беляки, по всему видать, не догадываются, считают, что она тоже под Генеральским Мостом. Не разглядели в снегу-то. Перед четвертой совсем никакого врага нет. Разрыв в линии фронта. И через этот разрыв она ночью, пока метель, выйдет в тыл деникинской группировки.

— А что? Сразу положение в нашу пользу изменится! — одобрил Климент Ефремович.

— Нет, не сразу,— Буденный большим и указатель-

ным пальцами распушил усы и подусники.— Черт с ней, с этой группировкой, пусть дерется завтра на прежнем месте. И Генеральский Мост нам не нужен. Четвертая кавдивизия по тылам беляков прямо на Нахичевань, на Ростов пойдет. И шестая с ней вместе.

— Что?! — ошеломленно глянул Ворошилов.— Ты когда это затеял?

— А еще днем смекнул по обстановке: надо нам сразу брать быка за рога. Захватим Ростов, отрежем белым пути отхода — вся их группировка сама на куски рассыплется.

— Дерзко, Семен Михайлович, слишком уж дерзко,— неуверенно произнес Климент Ефремович.— А не захлопнут они нас, как в мышеловке?

— На дерзость я и надеюсь. Деникинцы, сам говоришь, в колокола бьют, победе радуются, не ждут нас. А мы вдарим!

— Не слишком ли спешим? — Ворошилов старался прикинуть все шансы «за» и «против».

— А чего медлить? Если завязнем у этого самого моста, брюхолазы первей нас в Ростов ворвутся.

— Э, Семен Михайлович, важно город занять. А мы или пехота — дело второе. Тебе что, слава покоя не дает?

— Кто же от славы отказывается,— улыбнулся Буденный.— И от трофеев опять же. Ко всему прочему, Ростов для меня и для всех наших кавалеристов — город очень даже особый. Тут по ближним и дальним окрестностям исконная сердцевина всей русской кавалерии. В одну сторону на сотни верст — земли Донского казачьего войска, в другую — Кубанского, Терского. У каждого войска своя вроде бы столица имеется. На Дону, к примеру, Новочеркасск. А Ростов для всех казачьих войск главный город, главный перекресток. Его захватить — это действительно на всю округу слава пойдет. И опять же — как захватить, понимаешь?

— Теперь понимаю,— сказал Ворошилов.— Захватить дерзким маневром, лихим налетом, истинно по-кавалерийски, чтобы по всему Дону, по всей Кубани долго потом вспоминали!

— Ну спасибо,— растроганно буркнул Буденный.

— За что?

— За то, что не только головой прикидываешь, но и сердцем вникаешь в наши дела.

6

После короткого ночлега — снова поход. Эскадрон выступил еще до рассвета. Погода улучшилась. Ветер дул резкими порывами, снег налетал лишь изредка, зато хлестал, словно картечь. Бойцы подремывали в седлах, прислушиваясь к сильной канонаде, гремевшей справа и почти сзади. Где-то там уже вторые сутки длилась напряженная битва, а эскадрон продвигался на юг, не встречая никакого сопротивления. «Вошли в дыру»,— сказал Роману Башибузенко.

Когда рассвело, с кургана увидел Леснов огромную колонну, черной змеей вытянувшуюся среди заснеженных полей. Тачанки, сани, артиллерийские упряжки и всадники, всадники, всадники... Голову колонны еще можно разглядеть, зато конца совсем не было.

Двигались довольно быстро, насколько позволяло снежное месиво на дороге. Изредка, где обдутые взгорки, переводили коней на рысь.

К полудню отдалилась и почти не слышна стала канонада. Остановились на привал. Однако не успел Стервец управиться с овсом в торбе — прозвучал сигнал трубача. Тронулись дальше. И очень тревожно было Роману: куда это лезут они, очертя голову, оставив далеко позади линию фронта?! Поделился беспокойством с Миколой Баши-

бузенко. Тот и сам озирался, вставая на стременах, однако на вопрос комиссара хохотнул бодро:

— Для нас хучь тыл, хучь фронт, было бы кого лупцевать. По всему видать — на Ростов правимся. А в Ростове-городе есть на ком шашку спробовать. Га, хлопцы!?

Ему отвечали весело, вразнобой, с бесшабашной удалью:

— Там у купчих перины — потонешь!

— Как раз на рожжество попадем, разговеемся!

— По зубам бы не получить!

— Не боись, пужливый, пущай юнкера нас боятся!

Возбужденно-шутливые разговорчики скоро смолкли. И усталость брала свое, и опасение сказывалось. Неужто противник не приметил их до сих пор в своем глубоком тылу? Если так, очень даже серьезный план наметили командиры. Ну, а что, если хитрят белые генералы, завлекают подальше, а сами подготовили коварную засаду, выставили пулеметы, чтобы резануть по красным конникам в чистом поле с близкого расстояния, если уже зарядили они шрапнелью и фугасными снарядами свои многочисленные пушки, чтобы стальным вихрем замертво уложить буденновскую кавалерию?!. Только разве допустит такое Семен Михайлович со своими надежными советчиками Ворошиловым и Щаденко, со всем своим штабом?!

Но вот стемнело, кончился зимний день-коротышка, а враг пикак не давал о себе знать. Стали чаще попадаться заборы, дома, деревья. Колонна постепенно втянулась в пустынную неосвещенную улицу, подковы зацокали по булыжникам мостовой. Старуха с ведрами попалась навстречу. Промчалась извозчичья пролетка, везла офицера с женщиной, их не задержали.

Командир полка стоял на перекрестке, как громоздкая конная статуя. Негромко отдавал распоряжения командирам эскадронов. Башибузенко, выслушав его, возвратился к своим.

— Сворачиваем, комиссар. Вон в ту улицу. Я поведу, а ты давай к Пантелеймонову в третий взвод. Гляди, чтобы нам по затылку не чокнули. В оба гляди!

— Будет сделано! — Леснов придержал своего Стерveца.

Еще минут двадцать ехали они совершенно спокойно, без спешки, не привлекая к себе внимания редких прохожих. В Ростове кавалерийское подразделение — не новость, никого не удивишь. Пусть ездят. Фронт далеко, стрельбы не слышно, ну и слава богу, живи, радуйся.

Чем ближе к центру, тем чаще встречались кирпичные дома, больше было освещенных окон. Парочки прогуливались. Дворники в белых фартуках маячили коегде у ворот. Пьяный бубнил что-то, обнявши фонарный столб.

Впереди, на светлом широком перекрестке, скрежетнул, поворачивая, трамвай, искры посыпались с проводов. Напрягся, удивленно всхрапнул кабардинец Романа. Успокаивающе похлопывая его шею, Леснов ликовал в душе: ну не чудесно ли? Скажешь потом людям — не поверит никто, как ехали они, не таясь, по улицам самого главного деникинского города. Крепко все же повезло Роману, что попал он к буденновцам, да еще в такое вот боевое подразделение.

Где-то на параллельной улице лопнули взрывы гранат. Сорвались винтовочные выстрелы. Испуганно, торопливо, на всю ленту зачастил пулемет. Впереди прозвучали громкие голоса.

— За мной! — скомандовал Башибузенко.

— Даешь, ребята! — весь свой восторг вложил Роман в этот яростный ликующий крик.— Даешь Ростов!

Бойцы понеслись рядом с ним, опережая его. Конная лава выкатилась на перекресток, к яркому свету реклам, белым огнем блеснули при электричестве вскипутые клинки.

Шарахались какие-то люди. На повороте опрокинулся тарантас. Башибузенко скакал вровень с трамваем, орал что-то, стреляя в окно из нагана. Вспыхивали ответные выстрелы.

Бежали солдаты без шапок и без шинелей. В подъезде двое били из винтовок с колена. Дико визжал, крутился посреди улицы раненый конь, мотая по мостовой бойца, запутавшегося ногой в стремени.

Роман, перегнувшись, секанул концом шашки упавшего офицера: лопнула на спине шинель, черная полоса пересекла спину.

— Давай! Давай! — кричал Леснов, думая, что подбадривает своих, но спустя какое-то время понял, что никто не слышит его. Бойцы сгоняли в кучу сдавшихся юнкеров. Тащили в аптеку раненых. Сзади все настойчивей, все уверенней стучал пулемет. К нему присоединился второй.

— Товарищ комиссар! — у Пантелеймона Тихого лицо потное, капли скатывались из-под кубанки. Смахнул их рукавом.— Товарищ комиссар, там ахвицерья с пулеметами на чердаке! Четвертый эскадрон отрезали, давят огнем.

— Поможем?

— Не осилим одним взводом. Остальные с Башибузенкой.

— Где?

— А вон там, где коней во двор заводят. Туда все ускакали.

— Организуй здесь прикрытие, я сейчас!

Подъехал к большому дому, возле которого спешивались бойцы. Оставив Стервеца коноводу, бегом поднялся по широкой мраморной лестнице, влетел в ярко освещенный, сказочно сверкающий зал, такой огромный, что вроде конца нет. Сообразил — стены зеркальные!

Вот это картинка! Господа во фраках, офицеры в парадной форме — и все с поднятыми руками, мордой к

стене. Кому выпало уткнуться носом в зеркало, так и таращится на свою искаженную страхом физиономию. Декольтированные дамы, девицы в белых воздушных платьях сбились по углам, за цыганским оркестром.

Через весь зал протянулся огромный стол. Что на нем было, Роман в подробностях не разглядел. Много бутылок, жареные целиком поросята, севрюга на большом блюде... Почти весь эскадрон пировал уже за этим столом, во главе которого, как на троне, восседал в кресле сам Микола Башибузенко с наганом в одной руке и с куриной ножкой в другой.

У Романа аж туман поплыл в голове от такого видения. За весь день — кружка кипятку да кусок хлеба. И вчера тоже.

Пересилил себя, справился с головокружением:

— Командир! Башибузенко!

— Га! — оборотился тот, счастливо улыбаясь.— Ром-а-а-н! Иди сюды, такой харч справный!

— Командир, там офицеры четвертый эскадрон отрезали!

— Ну и что? — Микола жевал в свое удовольствие.

— Из пулеметов секут с чердака.

— А в четвертом эскадроне командира нет или он дитя малое? Не догадается с тачанок полоснуть?

— Связь отсутствует, а стрельба сильная.

— Где война, там и стрельба,— философски рассудил Башибузенко, пряча наган в кобуру.— Сидай, комиссар, закусывай с нами. Когда ишшо к такому столу угодим?!

— Товарищи наши бой ведут.

— Каждому свой черед. Тут жратвы прорва, а у нас люди голодные. А, Сичкарь?!

— Рука ослабла,— усмехнулся тот.— Шаблюкой махнуть не смогу.

— Микола, пойми же: эскадрон выручать надо!

— А, чтоб тебя, привязался,— Башибузенко поискал рюмку, не увидел, досадливо морщась, глотнул прямо из горлышка.— Чего глядишь на меня такими глазами? Бери охотников, иди, воюй — не возбраняю!

— Товарищи! — отчаявшись переубедить Миколу, крикнул Роман.— Кто четвертый эскадрон выручать? Черемошин?

— Здесь я.

— Давай на тачанку! Калмыков, Вакуев — ко мне! Коммунисты, сюда!

— Вот и бери своих партейных,— обрадовался Башибузенко.— Им рождество праздновать по программе не полагается. Насчет выпивки тоже не очень.— Подумав, добавил зычно: — Эй, хлопцы, которые сытые, помогите комиссару, а потом вертайтесь.

— Скорей, скорей! — торопил Леснов: даже сквозь шум в зале слышно было, как усиливается на улице перестук пулеметов.

— И ты возвращайся, Роман Николаевич,— напутствовал Башибузенко.— И весь четвертый эскадрон сюда приводи, на всех хватит! А я прикажу, чтобы цыгане свои бандуры наладили. С музыкой встретим!

Леснов только рукой махнул, убегая. За ним, топоча сапогами, поспешили десятка два бойцов.

7

Всю ночь в Ростове и его окрестностях не затихала пальба, вспыхивали скоротечные бои, даже рукопашные схватки. Пытались пробиться, уйти за Дон снявшиеся с фронта казачьи полки. В городе сопротивлялись группы офицеров, юнкеров, караульные команды — все те, кто не попал под первый удар буденновцев. Стреляли из окон, с крыш, с колоколен. Их выкуривали пулеметным

огнем. А если уж особенно упорно сидели за толстыми стенами беляки — выкатывали на прямую наводку орудия.

Беспорядочная перестрелка продолжалась и утром, но город ожил, забурлил едва рассвело. Особенно людно было на окраинных улицах, возле заводов. Там с радостью встречали красных кавалеристов. Ворошилова с ординарцем приглашали в гости. Чуть было силой не затащили в один дом. Вышла здоровая тетка, схватила коня под уздцы: «Заверни, порадуй, сколько вас ждем, соколиков! Сынок мой Евген тоже за красных страждается, может, встречались где?»

Едва урезонили тетку: дай город освободим, потом гостевать будем!

Особенно удивили Климента Ефремовича мальчишки-продавцы. Для них вроде и опасности никакой не было. Носились по улицам, прячась от пуль в подъездах, старались сбыть вчерашние вечерние газеты. Понимали, чертенята, что сведения безнадежно устарели, но кричали без стеснения в полный голос: «Самые интересные новости! Важное сообщение с фронта! Большая победа! Буденного увезут в Англию!»

Бойцы свешивались с седел, покупали листки. Кто из любопытства, а кто для существенных дел: ногу обернуть поверх портянки, чтобы не мерзла, на самокрутки, для всякого другого использования. Климент Ефремович подозвал черномазого, кривоносого паренька в большой, как воронье гнездо, раздерганной шапке, взял сразу пачку, штук десять. Надо познакомиться с вражеской пропагандой, узнать, что пишут о своей «победе». И чего это вдруг беляки решили Семена Михайловича в Великобританию определить?

Ага, вот оно. «Две красные дивизии разгромлены полностью. Фронт в ста километрах от города. Ростов превращен в неприступную крепость, красным никогда

пе бывать в нем!» («Оно и видно!» — усмехнулся Ворошилов.)

Крупным шрифтом — самые последние сообщения. «Войска Буденного разбиты у Генеральского Моста, сам он захвачен в плен. В целях полной безопасности («А какая опасность от пленного?») его поместили в клетку и везут в Ростов. Потом клетку с Буденным предполагается отправить на пароходе в Англию».

Климент Ефремович недоумевающе пожал плечами: чушь какая-то! Газетенка паршивая, бульварная, но даже для нее это слишком... И зачем? Кто поверит в такое сообщение, разве только совсем обалдевший обыватель?

А может, закономерность? Докатились белые, как говорится, до ручки, до полного разложения. В большом врут, в главном, а по мелочам и подавно. Тьфу!

Семена Михайловича он разыскал в центре города, где наведен был полный порядок. Улицы очищены от противника, повсюду конные патрули, часовые в подъездах. Буденный имел уже белогвардейскую газетенку, но «подарок» от Ворошилова принял охотно. На память.

Лицо серое от усталости, от недосыпа, но глаза блестят весело. Подначил:

— Ну вот, Клим Ефремович, город наш, а ты сумлевался!

— Это когда среди метели блуждали? Был грех. Но уж ты прости меня великодушно. Дай обниму тебя, поздравлю с успехом! — и, не сдержавшись, расцеловал на радостях командарма.

— Ладно, чего уж,— смущенно пробормотал тот.

— Прямо скажу, удивил и поразил ты меня, Семен Михайлович. Не имея численного перевеса над врагом, такие дела совершить! Два черта в тебе, Семен, два черта!

— Почему два?

— Сам не знаю! — весело толкнул его Ворошилов.— Отец так выражался, бывало, когда похвалить хотел.

— За доброе слово спасибо, Клим Ефремович. Теперь бы нам людей поздравить, особенно которые отличились. В шестой кавдивизии половина бойцов из строя выбыла. Под Генеральским Мостом, на переходе, здесь в городе. Кто ранен, а кто и...

— К наградам представим. В политотделе готовится благодарственный приказ.

— Подушевней бы,— сказал Буденный.— А Василия Ивановича Книгу мы не зря тогда распекли. Подействовало.

— Это ты распекал, Семен Михайлович. Мое мнение тебе известно. Всем хорош, только знания бы ему.

— Он тоже на месте не стоит, к новому тянется. Мотоциклетку английскую захватил вместе с водителем. Яркая такая машина, трескучая. Носится в ней по эскадронам, везде успевает,— под усами Буденного таилась довольная усмешка: опять начудил, отличился неугомонный дружок.

— Только и достижений у него?

— Нет, Клим Ефремович, недооцениваешь ты Книгу. Он вину свою искупил полностью и даже с лихвой. Ворвался с хлопцами на мост, захватил в целости и сохранности. Это как?

— Превосходно! Переправы через Дон в наших руках, мост восстанавливать не придется.

— Чисто сработали,— удовлетворенно произнес Буденный.

— Вообще-то мы с тобой, Семен Михайлович, даже не осознали еще полностью, какую важную задачу решила Конная армия. Все, как задумано. Таганрог и Ростов наши, деникинские войска рассечены на две изолированные группы. Отброшены на запад и на восток.

Фактически Южный фронт теперь ликвидируется, как таковой.

— Почему не осознали? Очень даже осознаю,— шевельнул густыми бровями Буденный.— Не простую задачу, а эту самую... стратегическую.

— Именно стратегическую! Выполнили то, о чем партия нам говорила, на что Владимир Ильич указывал... Я вот тут проект донесения в Реввоенсовет фронта набросал. Посмотри.

— Ну и буквы у тебя...

— В седле писал, пальцы мерзли... Давай прочитаю:

«Красной Конной армией 8 января 1920 года в 20 часов взяты города Ростов и Нахичевань. Наша славная кавалерия уничтожила всю живую силу врага, защищавшую осиные гнезда дворянско-буржуазной контрреволюции. Взято в плен больше 10 000 белых солдат, 9 танков, 32 орудия, около 200 пулеметов, много винтовок и колоссальный обоз... Противник настолько был разбит, что наше вступление в города не было даже замечено врагом, и мы всю ночь с 8 на 9 января ликвидировали разного рода штабы и воинские учреждения белых. Утром 9 января в Ростове и Нахичевани завязался уличный бой...

В Ростове Реввоенсоветом Конной армии образован Ревком и назначен начгарнизона и комендант. В городе масса разных интендантских и иных складов, переполненных всяческим имуществом. Все берется на учет и охраняется...»

— Ты погоди, Клим Ефремович, давай подсчитаем, подобьем бабки, тогда и доложим, чтобы было празднично.

— Я и не тороплюсь,— согласился Ворошилов.— Это лишь наметки, уточнять и добавлять будем. Тем более, Семен Михайлович, есть у меня одна мысль. Пошлем донесение прямо Владимиру Ильичу, порадуем

его. А в Реввоенсовет фронта само по себе, как положено.

— Полностью присоединяюсь! — оживился Буденный.— Всяких тяжелых сообщений Ленину небось много идет. И жалуются, и совета спрашивают. А мы к нему не с огорчением — с приятным успехом! Давай, Клим Ефремович, составляй бумагу, я под таким документом с великим удовольствием свой подпис поставлю!

8

В те часы, когда остатки белого воинства, избежавшие окружения под Ростовом, беспорядочно отходили за Дон, только лишь генерал Мамонтов сумел сохранить выдержку, вывел из-под удара почти все свои казачьи полки. Был момент — командир Дроздовской пехотной дивизии прямо-таки с мольбой обратился к генералу: «Чего вы ждете, нас разобьют наголову! Помогите скорей кавалерией!» Но Мамонтов ответил с присущей ему грубоватостью: «Я все вижу. Помогать поздно, это конец. Мертвому припарки не помогут!» И приказал своей коннице двигаться к переправе.

Высказывание генерала получило широкую огласку. Ворошилов узнал о нем, допрашивая командира Дроздовской дивизии, попавшего в плен. Знали, разумеется, и вражеские офицеры, и высшее вражеское командование. Поведение Мамонтова, его слова можно было истолковать по-разному. К чему они относились? К той конкретной обстановке, которая сложилась возле Ростова, или ко всему белому движению, терпевшему крах на юге России?

Деникин вызвал генерала для объяснений, однако Мамонтов приехать не смог. Железного здоровья был человек, но после осенних и зимних поражений, после ра-

нения так и не окреп, не воспрял духом. Спас он под Ростовом казачью конницу, увел на степной простор, а сам вскоре свалился в тифу.

Вот уже третьи сутки Мамонтов почти не приходил в сознание. Ощущал только себя, свое тело, все остальное было словно отгорожено ватной стеной.

Чу! Звонко цокают по брусчатке подковы. Или это часы бьют настойчиво и неумолимо? Нет, какие часы: он едет по просторной площади мимо красно-кирпичной, поседевшей от долголетия стены. Колокольный звон плывет в воздухе, такой густой, такой гулкий, что даже ушам больно. День горячий, раскаленный, хочется расстегнуть черкеску, но на него смотрит народ, смотрят войска... Вот белая лошадь его перестала цокать подковами и пошла совсем бесшумно; поплыла мимо толпы, мимо башен. Следом столь же тихо и плавно оторвались от мостовой казаки в парадных мундирах: донская, кубанская и терская сотни...

Жесткая холодная рука коснулась его лица. Запах духов? Откуда здесь женщина в подвенечном платье? Нет, это старичок врач с седой бородкой, в белом халате. Но почему такая сильная рука? Говорят, хирурги делают специальные упражнения, укрепляют пальцы...

Ах, до чего же несносное солнце! Оно обжигает. И этот надоедливый звон в ушах... Не так уж приятно въезжать победителем, если заранее не предусмотрены все мелочи... А что предусмотреть? Чтобы заслонили солнце?.. Где сон, где явь? Где настоящее, где прошлое? Вероятно, то, что вспоминается,— прошлое. Доктор, болезнь, торопливый голос адъютанта... А настоящее — чего еще не было: просторная площадь, торжественный строй казаков...

— Опять бредит,— донеслось сквозь колокольный звон.— В Москву въезжает на белом коне...

Какой-то громкий, неразборчивый спор. Нельзя же говорить всем сразу... Наконец стихли. Басок доктора:

— Господа, я решительно возражаю! Он не вынесет... Лучше не трогать.

— Но красные рядом! — это уже адъютант.

— Если бы автомобиль...

— Какой сейчас автомобиль, да еще при такой дороге!

И чей-то почти плачущий, жалобный голос:

— Какой генерал был! Какой генерал!

— Не причитайте! Лучше довезти труп, чем оставить большевикам. Хотя бы отдадим почести.

Мамонтов понимал, что говорят о нем, но слова проскальзывали, улетучивались, не задевая и не тревожа. Он все еще плыл в горячем воздухе вместе с верными казачьими сотнями. А то, о чем спорили за ватной стеной, было безразлично ему. Раздражали только со стоном, сквозь слезы, повторявшиеся слова:

— Последний кавалерийский талант! Российской конницы краса и гордость!

«Какой, к дьяволу, талант? Какая гордость?! От самого Воронежа гнали без остановки!» — нарастала злость к человеку, который заживо хоронил его. Собравшись с силами, Мамонтов приподнялся и крикнул: «Буденный! Всех за пояс! Буденный!»

Нет, лишь показалось ему, что крикнул. Голова шевельнулась на подушке, вырвался стон.

— О чем это? Вы разобрали?

— Буденного вспомнил.

— Вот бедняга, даже сейчас... Кажется, началась агония...

И опять резкий голос:

— Вот тулупы. Закутаем, вынесем.

— Погодите, тулупы уже не понадобятся. А, доктор?

— Финита...
— Как вам не стыдно!
— Прими, господь, душу раба твоего!

Глава седьмая

1

— Клим Ефремович, очень я любопытствую не по нашей совместной службе, а так...— Семен Михайлович неуверенно кашлянул, прикрыв рот ладонью.— Можно тебя спросить?

— Что это ты церемонишься нынче? — усмехнулся Ворошилов.

— Говорю — не по службе...

— Давай по дружбе.

— Ну, спасибо... Давно я вижу, Клим Ефремович: как разозлит тебя кто, как распаляться начинаешь, ты сразу на свои пальцы смотришь и губы шевелятся. Может, примета какая или наговор?

Конечно, проще всего было отделаться шуткой, но в глазах Семена Михайловича светился такой неподдельный интерес, что Климент Ефремович подумал весело: «А почему бы не объяснить, чего особенного? Пусть знает».

Сидели они в теплой хате, за чаем, отогреваясь после морозного дня, спешить было некуда, и Ворошилов начал не торопясь:

— В ссылке, уже после того, как поженились мы с Екатериной Давыдовной, навязался на наши головы пристав. Такой занудливый, такой дотошный — хуже представить нельзя. Все-то инструкции, все законы он назубок знал... Мы в ту пору подолгу вечерами керосин жгли. Читал я много, Катя помогала мне заниматься.

А этот фараон повадился к нам каждую ночь с проверкой. От работы отрывал, настроение портил. Ну, положа руку на сердце, ему со мной тоже не сладко было, спокойной жизни я ему не давал,— прищурился Климент Ефремович.— То ссыльных сагитировал вместе протестовать против грубости, против насилия полиции и охраны. То общую библиотеку организовал. Потом столовую для ссыльных создали мы с Катей. Да и догадывался, наверно, пристав, что снова я к побегу готовился. Вот и зачастил к нам. Ночь-за полночь, а он стучит в дверь: «Открывай!» — «Поздно, мы спать собрались». А фараон свое: «Согласно положению о полицейском надзоре местная полицейская власть имеет право входить в квартиру поднадзорного в любое время».

— Во, наизусть помнишь! Как устав на военной службе! — восхитился Буденный.

— Еще бы не помнить, сто раз слышал.

— Ты ночью прищучил бы его,— жестко блеснули глаза Семена Михайловича.— Двинул бы в темноте, чтобы до гробовой доски помнил.

— Э, нет! Тогда бы моему университету сразу конец, загнали бы в тартарары.

— Какой такой университет в ссылке-то?

— Самый лучший! Со всей страны умных людей тогда на север согнали. По любой науке знатоки. Я у них многое перенял: как в политике разбираться, в экономике, в математике. Мы рассчитали с Катей: всю зиму напряженно занимаемся, а потом у нее срок ссылке кончался — она домой, а я вслед за ней нелегально.

— Ишь ты,— уважительно крякнул Буденный.— А про пальцы-то,— напомнил он.

— Довел меня тогда пристав, будь он неладен! — Климент Ефремович глотнул из чашки крепкий остывающий чай.— Письмо мы с Катей тайное писали, а он учуял. Может, через щель в ставне подглядывал... Всегда

один раз являлся, а тут только ушел, только разложили мы свою канцелярию — опять стучит, паразит, дверь дергает, торопит... Оттолкнул меня, шасть в горницу, сгреб со стола бумагу, конверты. Я ему говорю: «Личная переписка...» А он свое: «Согласно параграфу девятнадцатому полиции дозволено производить у поднадзорных любой обыск в любое время...» И такая наглая, такая самодовольная у него при этом рожа была, что не стерпел я. От ярости в голове зашумело и в глазах помутилось. Секунда — и кинулся, задушил бы его. Только вдруг Катин голос: «Клим, руки!..» Понять не могу, застыл обалдело, а она повторяет: «Клим, дорогой, руки!» И тихонько на ухо мне: «Пальцы, пальцы свои сосчитай!..» Настолько она меня ошарашила, настолько неожиданными слова ее были, что просто растерялся. Уставился на пальцы, вроде все тут...

— Ну да, отвлекся, значит! — уяснил Семен Михайлович.

— Этот самый пристав даже не заметил, что жизнь его на тонком волоске колебалась. Ну и моя, значит, тоже... Остыл я... С той поры и появилась привычка.

— А письмо-то как?

— Мы ведь молоком между строчек писали, а чернильница, вернее, молочница из хлеба, из мякиша слеплена. Пока я открывал фараону, Катя все съела, перышко носовым платком вытерла...

Семен Михайлович слушал не только внимательно, но и уважительно, как ученики слушают на уроке увлекательный рассказ учителя. Все, о чем говорил Ворошилов, было ново для него, бывалого служаки, полтора десятилетия проведшего в казарме, на плацу, в эскадронном строю. Климент Ефремович оказался первым настоящим подпольщиком, большевиком, с которым Семену Михайловичу довелось вместе жить, вместе воевать, разговаривать обо всем, задавать любые вопросы.

Конечно, ему и раньше доводилось встречаться, беседовать с большевиками, чью сторону он принял сразу, как только узнал их программу, как только понял, за что они борются. Еще летом семнадцатого года советовался он, к примеру, в Минске с товарищем Фрунзе, который хорошо разбирался в военных и революционных делах. Совсем недавно по-дружески, хорошо и обстоятельно толковал целый вечер с дорогим товарищем Калининым, который за малое время успел обрисовать ему положение в стране и международную обстановку. Но все это были короткие, чисто деловые разговоры, при которых с человеком не сойдешься накоротке, не распознаешь его. А с Ворошиловым они каждый день вместе, между ними полная откровенность.

По натуре своей очень восприимчивый, быстро усваивающий все полезное, Семен Михайлович даже сам замечал, как изменились за последние месяцы некоторые его взгляды и привычки, как все чаще и чаще сравнивает, сверяет он свои поступки, свое поведение с поведением бывалого большевика.

Первое, пожалуй, что отметил он у Ворошилова,— самому себе ни в чем спуску не дает. Всегда побрит, всегда аккуратен, кормится из общего штабного котла. Начальник, мог бы и развлечься, и повеселиться. Что там греха таить: Семен Михайлович с дружками-приятелями не раз, бывало, на отдыхе отпускал поводья. На войне как? Сегодня жив — вот и радуйся. Может, завтра ворон твои глаза выклюет или опустят тебя товарищи в братскую могилу... Все мы люди-человеки, и спрос человеческий...

А Клим Ефремович — этот ни-ни. Совсем никакого послабления не позволяет себе и требует того же от всех коммунистов. Чтобы чисты были как стеклышко. Которые не коммунисты, тем тоже вроде бы неловко при Ворошилове даже крепкое слово загнуть, а уж вдовушку

притиснуть или девку ущипнуть ни один лихач при нем не решится.

С тех пор как приехал Климент Ефремович, вся жизнь понеслась вроде бы скорее, бурливей. Раньше какие заботы были? Людей накормить, вооружить, разместить. Коней обиходить. Ну и, конечно, врага в бою опрокинуть. А теперь сколько хлопот прибавилось! Не только воевать надо, а еще и людей воспитывать, обучать, на большевистскую правду им глаза открывать. О мирных жителях думать приходится. В освобожденных районах заводы-фабрики восстанавливать. И вот что удивительно: никто этих и других забот сверху не навязывает, никто приказов таких не дает, а Ворошилов и другие большевики сами берут груз на свои плечи. «Наша партия в ответе за все» — и точка... Семен Михайлович хоть и ворчит иной раз, хоть и недоволен бывает, а ведь и сам тянет в той же упряжке. Тяжко, трудно, да ведь все правильно. Для того и жертвы, чтобы на расчищенной земле новые ростки вверх потянулись. Это опять же Клима Ефремовича слова...

Раньше Семен Михайлович делил людей на своих и посторонних. Не о врагах речь, с ними он был крут, для врагов у него только пуля и шашка. Нет, среди всех людей выделял он приятелей, земляков, за которых готов был горой стоять, которым прощал многие прегрешения. Свой человек, разве можно о нем не позаботиться? Это как в станице: соседи по улице должны помогать друг другу. Ему даже неловко было наказывать или в открытую ругать приятелей. Что они подумают? Взлетел, мол, Семен, зазнался, нос задрал...

Со всеми остальными, с незнакомыми и малознакомыми Буденный старался быть справедливым, но службу требовал по всей строгости. А вот у Клима Ефремовича выходило наоборот. С незнакомых бойцов и командиров он, конечно, тоже требовал то, что положено. Од-

нако при случае мог и мягкость проявить, и даже поблажку. Зато друзьям, знакомым, всем членам партии не прощал, как и самому себе, никакой оплошности. Об ошибках, о недостатках говорил в открытую, не боясь испортить отношений. Семен Михайлович даже опасался малость такой прямоты. Сказал однажды:

— Очень уж ты на слово резкий, обидеть можешь.

— Не думаю,— качнул головой Ворошилов.— На правду чего же обижаться?

— Один поймет тебя, а другой злость затаит.

— Пожалуй, ты в чем-то прав, Семен Михайлович, только среди революционеров, среди моих товарищей по борьбе, было и есть такое правило: выкладывай все принципиально, не считаясь с самолюбием, с личными симпатиями. Я даже уверен, что без этого и настоящей дружбы не может быть. Кто, кроме друга, скажет тебе самую горькую правду, кто откроет тебе глаза на ошибки, даст душевный совет? А уж если смолчит, значит, себе на уме, на такого человека надежда плохая...

Хоть и не был согласен Семен Михайлович со всем, что услышал, однако слова Ворошилова врезались в память, заставили его крепко задуматься.

2

После освобождения Ростова завязались долгие, изнурительные бои возле Батайска. Не возьмешь этот город — дальше на юг не продвинешься. А местность там удобная для обороны, белые закрепились надежно. Орудий и пулеметов у них в избытке.

Красная конница даже развернуться не могла на открытой болотистой низменности. Все простреливалось многослойным огнем.

Дон, его протоки, ручейки покрыты были тонким

льдом, который не держал коней, ломался. Как переправа — так ловушка. И никакого маневра, наступай только в лоб.

Много раз, выполняя распоряжение нового командующего фронтом Шорина, бросались кавалеристы в атаку, но безуспешно. Одни только потери. И вот после очередной неудачи Ворошилов сам решил повести эскадроны на штурм станицы Ольгинской.

Конечно, не должен, не имеет права член Реввоенсовета лезть под огонь, совсем не его это дело, однако из всяких правил есть исключения. Думал Климент Ефремович, что своим примером увлечет спешенных кавалеристов, прорвутся они наконец сквозь вражескую оборону, добьются успеха. И сначала вроде бы получилось. Пошли за Ворошиловым цепи, захватили окраину станицы. А потом вышибли их белые шквальным артиллерийско-пулеметным огнем, выкосили половину людей. Сам Ворошилов лишь чудом остался в живых. Снаряд рванул поблизости, когда отходили за реку. Климент Ефремович рухнул в полынью вместе с конем. Человек десять кинулись спасать его. Двоих свалили вражеские пули, но все-таки вытащили бойцы Ворошилова, помогли выбраться Маузеру.

Семен Михайлович сам прискакал из штаба на выручку, узнав о случившемся. Спрыгнул с коня злой, бледный. Слов не находил от негодования:

— Ты это что, а? Куды тебя понесло? Голова твоя где была?

— Тут она, не беспокойся,— через силу усмехнулся Климент Ефремович.

— Ну, слава те господи!.. Только ты уж того... Чтоб никуда больше! — погрозил Буденный.— Ох и напугался я! Доложили: все, амба! Пошел на дно Ворошилов. А у меня волосы дыбом и ноги не слушаются... Как же я теперь без тебя?!

— Приятно слышать,— преодолевая озноб, произнес Климент Ефремович.— Значит, сработались мы с тобой?

— А ты только теперь понял?! — Буденный хлопнул нагайкой по голенищу, скомандовал: — Давай, хлопцы, в тачанку его!

Сильные руки подхватили Ворошилова, закутали в мягкую теплую бурку.

3

— Намечена у нас, Катя, партийная конференция. Здесь, в Ростове. Со всей армии представители будут. Есть о чем поговорить коммунистам.

— Это же очень хорошо! — обрадовалась Екатерина Давыдовна.— Превосходно, Клим, дорогой! Смотр наших партийных сил! — И с чисто женской непоследовательностью: — Обязательно про обучение грамоте сказать надо. Пусть товарищи опытом поделятся... И о нашей газете!

— Включим в порядок дня,— согласился Климент Ефремович.— Сейчас важно знаешь о чем подумать: как людей встретить, где разместить, накормить? Удобства создать. Ведь они неделями на морозе, сутками в боях. В седлах отдыхают. А если в хате, то на полу, вповалку. Едят абы что, на скорую руку.

— Надо позаботиться, надо сделать,— задумалась она, склонив голову, словно под тяжестью густой копны черных волос. В такой позе Катя особенно ему правилась. Очень захотелось сказать жене что-то ласковое, он дотронулся рукой до ее плеча, но Катя была настроена совершенно на деловой лад. Произнесла, хмурясь:

— Работы, конечно, много...

— Берешься? Только ведь быстро требуется.

— Сегодня же и начну. Одной, конечно, не справиться. Нужен взвод бойцов, как минимум.

— Хоть эскадрон. Сейчас пошлю ординарца в Особый кавдивизион.

— Нет, взвода вполне достаточно. С энергичным командиром. Так и скажи ординарцу.

— Алеша постарается, подберет... Хорошо бы лозунги, плакаты... И развлечение устроить. Концерт, что ли? Не шарманку, а настоящую музыку дать, настоящих артистов найти.

— Это не обещаю, Клим, а за остальное можешь не беспокоиться...

Потом Ворошилов так закрутился в заботах, что у него не нашлось времени даже поинтересоваться, как идут дела у Екатерины Давыдовны. Побывал во всех дивизиях, присутствовал на собраниях партийных ячеек, где выдвигали делегатов на конференцию. Готовил повестку дня, обдумывал выступление. Так что Екатерина Давыдовна трудилась на свой страх и риск. Исколесила с извозчиком, хорошо знавшим город, все ростовские улицы, пока нашла не пострадавший от войны особняк — прямо-таки настоящий дворец, окруженный флигелями и постройками, в которых можно было разместить целый кавалерийский полк. Собрала уцелевшую прислугу, конюхов, истопников, двух поварих с поварятами, прачек, белошвейку, швейцара. Поставила перед ними задачу: особняк и флигели прибрать, вымыть, натопить. Для ста пятидесяти человек подготовить спальные места, а также баню и смену чистого белья. Дров и продуктов не жалеть.

На этом деловом собрании присутствовали доставленные из города парикмахеры, портные и зубной техник — тоже мог пригодиться.

После Екатерины Давыдовны высказался командир выделенного ей взвода — молодой казак в широченных донских шароварах с лампасами. Он произнес:

— Вот что, прислуга. Слухай и запоминай: слова «не могем» у нас нету. Мы все могем, раз приказано! Готовьтесь встречать наших боевых товарищей коммунистов, как прежде царя встречали, и ажник еще почетней. Потому как они лучшие из лучших. Ежели появится задержка — сразу галопом ко мне, докладать: какая причина и что требуется. А мы все могем! — повторил он. И чувствовалось: этой короткой речью взводный убедил прислугу куда лучше, чем Екатерина Давыдовна своими объяснениями.

Делегаты, прибывавшие на конференцию, с самого начала испытывали приятное удивление. Усталые, прокопченные пороховым дымом и дымом костров, жившие напряжением фронтовых будней, некоторые даже раненые, они, едва въехав на просторный двор, попадали совсем в иную, непривычную обстановку. Коней у них принимали специально выделенные бойцы, вели на конюшню, где вдоволь было овса и сена. А делегату говорили, чтобы до конца конференции не думал, не тревожился о коне.

Затем приезжего направляли в жаркую баню, где каждый плескался и парился, сколько хотел: некоторые не вылезали часа по четыре, отмывая месячную, въевшуюся в поры грязь.

После мытья — пожалуйста — чистое нательное белье (грязное забирали в прачечную, чтобы выстирать и назавтра вернуть). Ничего другого из обмундирования найти для делегатов не удалось, зато с особой гордостью командир взвода предлагал каждому выбрать себе новую папаху. Они грудой лежали на полу в углу комнаты: высокие, косматые, теплые. Целый вагон их захватили на станции. Везли папахи для мамонтовской конницы, а достались — буденновцам. Как раз ко времени, к январскому холоду.

Климент Ефремович и Семен Михайлович, приехавшие в особняк, тоже получили папахи. И с удовольствием попарились, намерзнувшись в дальней дороге,— вернулись из полевого штарма.

После бани, как положено, добротный обед. Барские повара постарались: украинский борщ такой, что ложка стоит. Гречневая каша с мясом. Соленые арбузы и квашеная капуста на столе — по потребности. Прочее — соответственно.

Очень довольные, даже растроганные такой теплой встречей делегаты отправлялись спать — назавтра ждала работа. И Екатерина Давыдовна тоже была довольна. Сама встречала людей в столовой, рассаживала, угощала. Взволнованная, оживленная, с сияющими глазами, она была так хороша, что на нее засматривались, любовались. Когда выходила из зала, отведенного под столовую, там все вроде бы тускнело, стихало.

Климент Ефремович даже насупился, перехватив удивленно-восхищенный взгляд Буденного, и сам вдруг как-то по-новому, словно со стороны, увидел жену. Верно, очень она привлекательна. Не молодка уже, а сколько в ней энергии, радости. Ботинки с высокой шнуровкой, длинная юбка — это хорошо. Зря только гимнастерку надела. Затянута ремнем, все рельефно. Ни к чему бы это, когда вокруг столько мужчин.

Он потом так и сказал ей, морщась от досады на самого себя, но не имея сил сдержаться, промолчать:

— Завтра на конференцию — платье лучше... Или в кофточке.

Екатерина Давыдовна глянула удивленно. Подумала, поняла:

— Вот оно что... Я видела — расстроился ты, только не сообразила... Разве можно, Клим?

— Не обижайся, пожалуйста. Ведь тебя сотней прожекторов высвечивают.

— Изрядно сказано,— улыбнулась она и перевела разговор на какие-то пустяки.

Климент Ефремович облегченно вздохнул и подумал, что жена у него, ей-богу, большая умница.

4

Особенно важно было для Ворошилова, чтобы на общеармейской партийной конференции веско и авторитетно прозвучал голос самого командарма. Исподволь приучал он к этой мысли Буденного, очень не любившего выступать в официальной обстановке.

Совсем недавно, 14 января, здесь же в Ростове было проведено расширенное заседание Реввоенсовета, в котором участвовали начальники дивизий, некоторые командиры бригад и полков, ведущие политработники. В общем-то съехались главным образом строевые начальники, но вел заседание Ворошилов, он же выступил с большим докладом: рассказал об успехах Красной Армии на всех фронтах, о значении разгрома основных деникинских сил, дал политическую оценку момента. Ну и, конечно, напомнил командирам, что первыми, самыми надежными помощниками для них были и будут коммунисты. Рядовые большевики и политические работники, комиссары. Пусть командиры всех рангов, как партийные, так и беспартийные, не забывают: коммунист всегда пример для других воинов и в бою, и в быту, коммунист должен заботиться о том, чтобы приказ командира был обязательно выполнен, чтобы высок был авторитет комсостава.

Семен Михайлович на том заседании говорил немного. Обрисовал боевую обстановку и поставил перед командирами новые наступательные задачи. Ворошилова это вполне устраивало. Но зато теперь их роли должны

помепяться. Пусть Буденный выступит перед делегатами партийной конференции как командарм и как коммунист. Пусть расскажет (а прежде чем рассказать, сам крепко подумает!) о роли членов партии в укреплении всего армейского коллектива, своих частей и подразделений. О месте коммунистов в бою. О взаимоотношении рядовых членов партии с начальствующим составом. Очень полезно послушать об этом, особенно ветеранамбуденновцам. Среди них есть такие, которые вступили в партию, но к политической работе относятся с пренебрежением. Наше, мол, дело беляков рубать, а политикой пущай занимаются комиссары. Вот Семен Михайлович и должен объяснить, как неразрывно связано и то и другое в их армии нового типа, какой еще никогда и нигде не бывало.

По просьбе Буденного Климент Ефремович помог ему наметить основные тезисы, определить в общих чертах план выступления. А остальное пусть сам. Первый раз всегда трудно, зато потом будет легче.

Речь свою Семен Михайлович начал очень даже уверенно:

— Кто с меня человека сделал, товарищи? Кто на высокую ступень поднял? Советская власть сделала, партия подняла! И вот за эту родную всем нам власть и за нашу большевистскую партию, в рядах которой я состою, ведем мы безжалостный и кровавый бой с белыми гадами и всей мировой контрой!..

Говорил Буденный, не сбиваясь и почти не заглядывая в бумажку. Память имел хорошую: повторил многое из того, что было сказано Климентом Ефремовичем на расширенном заседании Реввоенсовета. Однако и свое добавил. Как раз то, что требовалось для делегатов партийной конференции. Коммунист, дескать, всегда впереди — это закон. Молодой ты член партии или старый, давно в армии или нет — прежде всего ты большевик;

Все силы отдай, наизнанку вывернись, а военную науку постигни досконально. В бою зажми свой страх и рвись на врага. А когда отдых, чтобы ни лишней чарки, ни ругани, ни всяких там наглых ухаживаний...

— А если по доброму согласию или по ее настоянию? — озорно кинул кто-то, и зал, хохотнув, замер в напряженном ожидании. Не святоши собрались.

— По доброму, это совсем другой разговор,— помедлив, рассудил Семен Михайлович, залихватски, в стрелку закручивая ус. Однако поймал себя на этом, отдернул руку, нахмурился.— Но все равно помни: на тебя глядят товарищи по эскадрону и штатские граждане. По тебе о всех нас, коммунистах, судить будут. Обо мне, к примеру, о товарище Ворошилове, о всех, кто сейчас сидит тут...

В общем правильно говорил Семен Михайлович, только закончил речь совсем неожиданно.

— Сколько, товарищи, наша Конная армия существует? Да всего ничего — два месяца. А делов сделано много. Деникинцев располосовали на две половины, Донецкий бассейн со всеми его шахтами и рудниками возвратили Советской республике. И армию свою создавали прямо в боях. А это ведь не в бумажке написать: нынче — Конный корпус, а завтра — Конная армия. Развернуть требовалось, организовать, переформировать. И тут, товарищи, поклон и спасибо нашему дорогому товарищу Ворошилову. Он в армию свой опыт, свои знания вложил. Штаб создавал, политический отдел, органы снабжения,— Буденный загибал пальцы поднятой руки.— Людей подобрал надежных, к месту приставил, подсказывал, с чего начать. Или вот управление формирования. Даже я спервоначалу возражал. Зачем? Принял добровольца в эскадрон, поучил, если время есть, и в бой. Там полную образованность получишь, если самого под копыта не скинут... А теперь у нас организованное

пополнение пошло. Сколько мы два месяца назад людей насчитывали? Я точно скажу: семь тысяч бойцов и командиров, вот сколько. С ними начали Конную армию разворачивать. Потом много боев мы приняли, много наших товарищей потеряли от вражеских пуль и сабель, от холода и болезней, а при всем при том у нас сегодня двенадцать тысяч в строю, почти вдвое больше. И я еще раз скажу, что первым во всех этих делах был наш дорогой товарищ Ворошилов, за что ему еще раз спасибо!

Конечно, Клименту Ефремовичу приятны были такие слова. И все же не к месту это. Для чего собрались сюда? Не друг друга хвалить, а обсудить насущные вопросы. Надо бы выступить сразу после Буденного, нацелить конференцию на главные задачи. Но удержался, не оконфузить бы Семена Михайловича.

Вышел к столу Роман Леснов. И едва заговорил — сразу овладел общим вниманием. Давайте, дескать, поделимся мыслями об отношениях между коммунистами и беспартийными, между командирами и комиссарами во взводах, в эскадронах. Надо ведь свою партийную линию проводить. Но как добиться, чтобы тебя слушали? Одними словами ничегошеньки не достигнешь. А вот если ты с конем управляешься не хуже любого завзятого кавалериста — это уже козырь. Если из нагана бьешь метко или шашкой отлично владеешь — опять же вода на твою мельницу. Если же взвод или эскадрон в атаку увлек, значит, совсем свой среди своих, тогда у тебя авторитет, тебя слушать будут... Трудно такого достичь, но это пожалуй, наиболее верный путь.

А еще не без гордости сообщил Леснов, что у него в эскадроне больше половины бойцов овладели грамотой. И все это в «школе на копытах», с помощью походной азбуки. Газеты теперь, прежде чем на курево пустить, зачитывают так, что краска стирается. Но мало газет-то,

мало литературы. Хорошо, если привезут раз в неделю пяток экземпляров.

Вот об этом, о выпуске и доставке газет, повела речь Екатерина Давыдовна, сменившая возле стола Леснова. Сказала, что теперь регулярно поступают «Правда» и «Известия». Увеличился тираж «Красного кавалериста». Однако в полки, а тем более в эскадроны доставлять литературу очень трудно. Газеты оседают в дивизиях, в бригадах. Пачки валяются где попало, агитационный материал растаскивают не по назначению.

— Безобразие! — неслось из зала.

— Расстреливать за такое!

— Ну уж и расстреливать?!

Поднялся Елизар Фомин, произнес спокойно и веско:

— Приравнять доставку литературы к доставке боеприпасов. Выделить людей с лошадьми. И выдать соответствующий документ!

Ворошилов повернулся к Семену Михайловичу:

— Дельное предложение?

— Я не возражаю.

Следующим оратором оказался бывший шахтер Юханов. Климент Ефремович сразу узнал его, вспомнил собрание в конторе рудника, когда говорили о рабочих-добровольцах. Это ведь у Юханова вырезали белогвардейцы всю семью, пятерых положили в ряд... Он тогда вроде бы одеревенел, слова произносить разучился. Думали, что умом тронулся. А теперь выправился, ожил товарищ. Правда, голос Юханова звучал сухо, он ни разу не улыбнулся, но сказал весьма дельное. У них в полку, да и в других полках тоже, большинство коммунистов — из недавнего пополнения, из рабочих, из студентов. Им трудно завоевать полное доверие конников, потому что почти все кавалеристы — бывшие крестьяне, казаки, иногородние. У них свое взаимное понимание, дружеские и родственные связи. Поэтому надо готовить в пар-

тию тех бойцов и командиров, которые давно в красной коннице.

Климент Ефремович записал себе главное из выступлений Леснова и Юханова, да и других товарищей выслушал не без пользы. А сам взял слово последним и говорил недолго. Сперва ответил на заданные ему вопросы, потом напомнил, какие задачи стоят перед Конной армией: добить деникинские войска, покончить с белогвардейщиной на Нижнем Дону, на Кубани. И под конец, не скрывая своей радости, сказал, что за два месяца их партийная организация выросла в несколько раз. Без малого тысяча коммунистов теперь в Первой Конной! С такой надежной опорой можно идти в трудные сражения.

Сделал паузу и словно бы подвел итог всему сказанному:

— В общем, товарищи, фундамент мы заложили, пора вплотную приступать к самой сложной работе — к политическому воспитанию каждого бойца нашей Конной армии.

Когда конференция завершила работу, в большом зале, где в прежние времена давались балы, состоялся товарищеский вечер, на который были приглашены делегаты, работники штаба и политотдела армии. Хотел Климент Ефремович, чтобы люди пообщались в непринужденной обстановке, лучше узнали друг друга. А то ведь воюют по соседству, в приказах фамилии читают, по телефону разговаривают, иной раз и в бою видятся случайно, мимолетно — вот и все знакомство. Пусть хоть тут посидят за одним столом, побеседуют, подружатся — легче им будет сражаться, ощущая рядом надежное плечо.

Для большинства командиров и политработников Семен Михайлович — грозный командарм, вершитель судеб, а сейчас сидит запросто вместе со всеми, наяривает

на старой гармошке, вокруг него толпятся любопытные, смеются, подначивают. Кто-то в пляс пустился, за ним — другой. А вот и сам Буденный передал гармошку какому-то усачу, тот рванул «барыню». Семен Михайлович, взмахнув руками, как крыльями, с места пошел вприсядку.

Возле столов с пузатыми парящими самоварами — любители крепкого чая: это сегодня единственный напиток. Раскрасневшиеся довольные лица, расстегнутые воротники. Все просто, по-семейному. Ветеран Копармии, комиссар 4-й кавдивизии Берлов добродушно растолковывает что-то совсем еще юному бойцу. А парню вежливость не позволяет прервать разговор, но по выражению лица, по тому, как смотрит он на пляшущих, видно: очень хочется к Семену Михайловичу в тесный круг. Ворошилов узнал: это Семен Кривошеин, доброволец, грамотный человек — гимназию окончил. В боях показал себя — комиссаром эскадрона его выдвинули.

Дальше — комиссар бригады Мокрицкий. Вот тоже личность заметная, все при нем. Умеет зажечь людей пламенными словами, увлечь за собой. Но зато и сам всегда первый в сражении, о нем даже белые казаки говорят: «Комиссар с шашкой. Не дай бог в атаке нарваться».

Два богатыря — начдив шестой Тимошенко и комиссар Бахтуров — неразлучны. Косая сажень в плечах, ростом оба под потолок. Доверие между ними полное. Если Бахтуров на месте — Тимошенко спокоен за дивизию. А сейчас оба тревожатся: как там у них «дома»? Собираются ехать. И полковой комиссар Фомин с ними.

А политработники 11-й кавдивизии не торопятся. Такой у них стиль сложился: все делают надежно, спокойно, без спешки. Задают тон комиссар дивизии латыш Озолин и начальник политотдела Хрулев. К ним Климент Ефремович особенно неравнодушен. На Константи-

на Ивановича Озолина можно полностью положиться. Скажет — выполнит. Не надо напоминать, проверять. В его дивизии удалось раньше, чем в других, почти полностью укомплектовать политотдел. Действуют все три отделения, предусмотренные штатом: организационное, просветительное и административно-хозяйственное. Причем большинство людей взяли из своей же дивизии. Выдвинули молодых коммунистов, и они справляются под руководством опытного Хрулева. На фронт он прибыл из Питера, выдержка и мужество у него, как у Озолина. И в бою смел. Ему по должности не положено быть на передовой, но он всегда там, где особенно трудно. Выйдет из строя командир эскадрона, командир полка — Хрулев заменит, если необходимо.

С любовью и гордостью смотрел Климент Ефремович на собравшихся здесь людей, активистов и лучших командиров Конармии. Полтора месяца назад, когда он прибыл в Первую Конную, политическая работа в ней практически не велась. Не только сама работа отсутствовала, даже планов не намечалось. Так, кое-что, от случая к случаю. И за очень короткий срок, в ходе непрерывных боев, в процессе формирования самой армии вот эти люди совершили невероятное. Созданы политорганы, партийные ячейки, скрепляющие теперь всю сложную, разветвленную систему Конармии. Вовлечены в политическую жизнь многие сотни бойцов. С такими — да не победить?!

— О чем задумался, Клим? — тихо спросила его Катя.

— Нет, ничего, я очень доволен,— тряхнул он головой.— Гляди, Семен Михайлович плясунов вокруг себя сосредоточил, а мы давай хор сплотим, а?

— Ладно,— улыбнулась она,— вспомним молодость! Ты у нас главный запевала! Начинай, Клим!

5

Командир эскадрона Микола Башибузенко радовал своего комиссара. Ругаться стал меньше. Горилку потреблял не при каждой возможности, а от случая к случаю, и только настоенную на красном перце — перед таким соблазном не мог устоять. Одевался аккуратнее. Через день соскребал крепкую рыжеватую щетину наполовину сточенной от долгого употребления трофейной немецкой бритвой.

Леснов раздобыл боевой устав конницы (это Ворошилов посоветовал всем комиссарам) и попросил Миколу объяснить непонятные параграфы. Башибузенко, знаток еще довоенной службы, снисходительно усмехался, но растолковывал с удовольствием. Весь устав прочитали они вместе от первой до последней страницы. Башибузенко велел в каждом взводе занятия провести, досконально разобрать устав, особенно с новыми бойцами. И чтобы впредь команды отдавались не своими словами, а по всем правилам, чтобы караульная служба неслась не абы как, а соответственно требованиям.

Посерьезнел, остепенился командир эскадрона. Но вот вызвали комиссара на партийную конференцию, отсутствовал трое суток — и Башибузенко словно с узды сорвался. Леснов встревожился и расстроился, когда, возвратившись, узнал новость. «Микола наш вроде бы оженился»,— сказал ему секретарь партийной ячейки Нил Черемошин. «На ком?» — опешил Роман. «А черт его знает, на Асхлипе какой-то»,— огорченно махнул рукой Черемошин. «Куда же ты смотрел?» — «Да разве додумаешься, чего он выкинет, этот жеребец строевой!»

А было так. Командиру эскадрона отвели квартиру в добротном доме. Полы крашеные, на стене — ковер, в горке — посуда красивая. Не то чтобы буржуи жили, но

люди очень даже небедные. Одних только книг целая этажерка. Хозяина не оказалось — портрет в черной рамке. И медная табличка на двери: «Акушер».

Встретила Миколу пожилая смуглявая дама увядающей красоты и ее черноглазая пышная дочь с такими умопомрачительными бедрами, что даже у Башибузенко, видавшего виды, дыхание перехватило. Уж он и шпорами звенел, и усищи свои крутил, глазами грыз эту озорную красавицу и все галантные слова вспомнил. А она остра на язычок, подкалывала красного командира, раззадоривала.

Поужинала вместе с ним, даже вино выпила, но, когда Башибузенко приступил поближе, с такой силой толкнула его в грудь, что могучий казачина едва на ногах удержался. Больше, конечно, от неожиданности его качнуло, но и она оказалась крепка. Сел Микола на диван, хотел высказать в привычных словах свое мнение о таком ее поведении, но молодая женщина опередила:

— Ты что это, брандахлыст, усы без мужика, ручищи свои распустил? Таким кавалером прикидывался, а лезешь, как последний хам!

— Это я — усы без мужика? — вот что больше всего зацепило и обидело Миколу.

— Не топорщатся! — озорно ехидничала она.— Обвисли. Одна только видимость!

— У меня одна видимость? — прямо-таки оторопел от подобных обидных заявлений Башибузенко.— Да я на каждой стоянке баб менял, и на всех хватало!

— Значит, от твоего птичьего греха ни тебе, ни женщине радости нету, потому и менял.

— Да ты сама кто?! — кипел Башибузенко, подбирая слова пообидней: — Мясорубка ты без винта, вот кто!

— Может, и без винта,— с лукавой покорностью согласилась она, обжигая Миколу черными шальными гла-

вищами.— Без винта и лучше, сообрази. Не калечим, а лечим...

Долго потом продолжался меж ними такой бойкий разговор, долго горел свет в оконце. Никто не знал, как и на чем они порешили. Во всяком случае, на следующее утро Башибузенко поднялся поздно, вышел на крыльцо донельзя довольный, и не один, а с черноокой красавицей, одетой по-походному. Сапоги на ней, офицерские галифе, кубанка — все честь честью. А главное — отдал ей Микола синюю венгерку, обшитую серым каракулем. Еще в ноябре захватил ее Башибузенко в отбитом обозе, среди вещей какого-то генерала. Берег, хотел переправить в родную станицу, подарить младшему брату. А подарил этой самой красавице.

Сам вскочил на коня, женщина села в пулеметную тачанку. Пока укутывалась буркой, с крыльца сбежала мать, сунула, плача, баул.

— Прощевайте и не расстраивайтесь дюже,— успокоил ее Башибузенко.— Ждите с победой! Или в стремя ногой, или в пень головой! — подмигнул он своей красотке, тронул коня, и поехали они догонять ушедший вперед эскадрон...

Вернувшегося с партийной конференции комиссара встретил Микола настороженно, понимая, что без серьезного разговора им не обойтись. Сам же первый спросил, усмехнувшись, когда остались в хате с глазу на глаз:

— Видел мою?

— Мельком.

— Ну и как?

— Яркая женщина,— осторожно ответил Роман.

— То-то и оно! — самодовольно хмыкнул Башибузенко.— Образованная, гимназию кончила. Книг, говорит, прочитала целую тыщу. А стихами шпарит прямо всю ночь,— хвастал Микола.

— Так уж и всю ночь,— усмехнулся Леснов.— Спать когда успеваете?

— Отоспимся ишшо. Теперь она всю жизнь при мне будет.

— Ты это всерьез, Микола?

— Вполне. С какой стороны ни подступись, она по-всякому мне подходит. И как баба, и как хозяйка... А имя-то у нее знаешь какое?

— Ася, что ли?

— Это для удобства и для ласковости так кличут,— пояснил Башибузенко.— А если полностью, как в документе написано,— Асхлипиадота. Ты, скубент-читало, понимать должен, что это значит.

— Я понимаю одно: не место женщине в эскадроне.

— Нет, ты ответь насчет Асхлипиадоты!

— Да знаю я... Имеющая дар врачевания,— отмахнулся Леснов.

— Самый подходящий дар на войне!

— Ну как она среди мужчин в боевом эскадроне?

— При мне будет! — насупился Башибузенко.— Вон товарищу Ворошилову жена не помеха, мне тоже.

— Так ведь жена,— растерялся от неожиданности Леснов. А Микола, крепко обдумавший, видно, свои доводы, приготовился к такому разговору и теперь старался «дожать» комиссара.

— И у меня жена. Мы с ней хоть в церкву, хоть так.

— Служить их сюда направили, Ворошиловых-то. Ее в политотдел, а его, сам знаешь... И живут врозь. Он при штабе, она в поезде.

— Не всегда и врозь,— хмыкнул Башибузенко.— А я свою тоже на службу определил. Вторым номером к пулеметчику.

— Сидела бы она дома, ждала бы тебя, раз между вами любовь возросла.

— А ежели не дождется? Ежели в бою полягу?

— Значит, судьба такая. Каждый из нас незаговоренный.

— Насчет судьбы — это брось. Екатерина Давыдовна, к примеру, тоже могла бы дома сидеть.

— Нет у них ни кола ни двора, никакого дома. Поженились в ссылке. А потом скрывался Климент Ефремович, в подполье работал до самой революции. Где уж им было своими стенами обзаводиться. А гражданская война началась — сам видишь, какое положение.

— Есть и другие женщины в нашей армии! — не сдавался Микола.— Мой односум полком командует, и жена с ним.

— Ну, в полку еще так-сяк, там обоз есть, подводы, для штаба избу всегда подберут. А мы ведь и в чистом поле под открытым небом почуем, а едим в седле.

— Сдюжит она. Крепкая.

— Ладно,— вздохнул Леснов и привел свой последний козырь: — Будешь, значит, возить жену на тачанке и спать с ней на перинах при первой возможности. А я чем хуже? Завтра же на привале пригляжу себе молодую казачку.

— Га! — повеселел Микола.— Вот это комиссар у меня! Ни в чем не отстанет!

— Потом Черемошин красавицу себе заведет, ему это даже проще, он пулеметными тачанками заведует. Есть на чем жену возить, одежду ее, посуду. Люльку, когда понадобится... В крайнем случае пулемет с тачанки снимет...

— Я ему поснимаю! — с лица Миколы еще не ушла улыбка, но он уже насторожился.

— У тебя женщина, у меня. И взводные командиры, на нас глядя, семействами обзаведутся. Это еще четыре женщины нам в пополнение. А командиры отделений чем хуже? Ведь не запретишь им? Как ты считаешь: можно запретить или нет?

— Не знаю.

— Попробуй запретить, если у самих рыльце в пушку... Значит, еще дюжина боевых подруг. Через год, а может и раньше, приплод начнется. Асхлипиадоту назначим твоим заместителем по акушерской части. Что для нас потери в боях с таким пополнением? Сами себя обеспечим. Наилучший и показательный эскадрон во всей армии, за опытом к нам приезжать будут... Если, конечно, не разгонят нас раньше того времени. А тебя и меня — под суд за такие великие достижения.

— Ох, комиссар, комиссар,— покачал головой Башибузенко. Произнес удрученно: — Правда твоя, Роман Николаевич. Негоже бабе в боевом эскадроне. Я и сам это понимал, да перед собою словчить хотел. Дюже к ней привязался.

— И не отвязывайся.

— Каким манером?

— Раз уж она имеет дар врачевания, надо использовать этот дар по прямому назначению,— впервые за весь разговор улыбнулся Леснов.— Отправим твою Асхлипиадоту к дивизионным медикам. В санитарную летучку, в госпиталь. Как раз ей там будет. И не одна среди мужиков. Если соскучишься — поезжай к ней. Или она к тебе.

— А возьмут?

— Давай я сам отвезу.

— Только это самое,— поморщился Башибузенко.— Как бы не скрутилась она там без меня. В дивизии тертые ухорезы!

— Ну, знаешь! — рассердился Роман.— Что за любовь такая, что за жена, которую сторожить надо! Никакой серьезности! Ты что, всю жизнь теперь будешь возле нее сидеть? Все равно не усторожишь... Я-то думал, что между вами настоящее чувство, жить друг без друга не можете.

— У меня настоящее,— насупился Микола.— У нее вроде тоже. А там черт ее знает, разве бабу постигнешь?

— Вот и пускай едет. Разлукой проверится.

— Пущай! — решился Башибузенко.

Глава восьмая

1

После взятия Ростова Семен Михайлович некоторое время ходил гоголем, ног под собой не чувствуя от радости, будто главное дело своей жизни свершил. «Теперь ша! — рассуждал он.— Теперь как Деникин ни царапайся — *ухлай* ему полный. Кто не удержался на спине коня, на хвосте и подавно не усидит. Самый свой стратегический пункт беляки потеряли. Еще нажать всеми силами разок-другой — и скинем белую гвардию с Северного Кавказа в море или загоним в крутые горы».

Так думали многие. А получилось иначе. Продвижение красных войск замедлилось, приостановилось. Сперва на участке общевойсковых армий, потом и в полосе Первой Конной. Для Климента Ефремовича это не явилось большой неожиданностью. Он гораздо чаще Буденного бывал у соседей и видел, насколько вымоталась пехота. На одном энтузиазме, можно сказать, дошла до Дона. Из центральных районов до юга России по осеннему бездорожью, в морозы, в пургу, и все время с боями, теряя товарищей убитыми, ранеными, больными. Госпитали переполнены, тыловые подразделения безнадежно отстали. За спиной — словно пустыня. Не работают заводы и фабрики, разрушены железнодорожные станции. Никакого подвоза. Одежду, продовольствие, боеприпасы добывай как хочешь.

Красным войскам требовалась длительная передышка, чтобы переформировать, привести в порядок полки, получить пополнение, подтянуть тылы. Наступил момент, когда пехота выдохлась полностью. 8, 9, 10 и 11-я армии остановились на рубеже рек Дона и Маныча. На штабные карты недвижимо легли синие и красные полоски, обозначившие застывшую линию фронта. Бои местного значения если и передвигали эту линию, то лишь незначительно — на несколько километров в ту или другую сторону.

Усиленно действовала разведка, пытаясь определить расположение и количество сил противника, его замыслы. Климент Ефремович почти каждый день анализировал полученные сведения. По численности враждующие стороны были примерно равны: у каждой тысяч пятьдесят. Однако деникинские войска были лучше вооружены, тепло одеты, не испытывали нужды в продовольствии и боеприпасах — непрерывным потоком поступала помощь из-за границы. Пароходы везли белым все — от снарядов до седел, от шинелей до консервов. А главное преимущество врага заключалось в том, что почти половину белых войск составляла опытная казачья конница, имевшая на степных просторах ощутимое превосходство над пехотой.

Кто мог противостоять казакам в бою, вести, как и они, быструю маневренную войну? Разумеется, Конная армия. Значит, деникинское командование прежде всего постарается нейтрализовать красную конницу, разбить ее. Потом белые спокойно отсидятся в обороне на выгодных рубежах, пополняя свои войска, создавая новые полки и дивизии.

Замыслы противника Климент Ефремович и Буденный определили почти безошибочно. А вот другую опасность не сразу заметили.

Новый командующий теперь уже нового Кавказского

фронта Шорин был опытным общевойсковым начальником, добросовестно выполнял свои нелегкие обязанности, про таких говорят: звезд с неба не хватает, но в работе вполне надежен. Однако он не мог, не способен был оценить и правильно использовать совершенно новое, небывалое кавалерийское объединение. Стремительное продвижение, неожиданный удар, прорыв на фланги и в тыл противника, быстрое преследование неприятеля — вот что составляло силу и особенность Конной армии. А Шорин подошел к ней с самой обычной меркой.

Прежде всего он отобрал у Буденного две стрелковые дивизии (зачем ему «своя» пехота?) и передал их в соседние истощенные армии. А перед кавалерией поставил задачи, которые ставят перед общевойсковыми соединениями: прорвать укрепленные позиции белогвардейцев, вести фронтальное наступление. Мало того, что кавалерия лишилась при этом всех своих тактических и оперативных преимуществ, она вынуждена была заниматься делом несвойственным для нее, непривычным. Четыре общевойсковые армии Кавказского фронта отдыхали, а буденновцы раз за разом бросались на штурм вражеских укреплений. И в конном строю, и в пешем. А успехи минимальные, или вообще никаких успехов. Только потери. Но приказы командующего фронтом заставляли идти в бой снова и снова. Среди кавалеристов все упорнее ползли слухи о том, что Шорин продался Деникину и решил погубить красную конницу.

Не будь рядом Ворошилова, Семен Михайлович наверняка плюнул бы на все распоряжения, послал бы командующего куда подальше и поступил бы так, как сам считал нужным. Не так давно произошло нечто подобное. Буденный тогда тоже был подчинен Шорину, тоже получил задачу, которую счел вредной для себя и полезной для противника. Без долгих рассуждений Семен Михайлович связался по телефону с Шориным, не выбирая

выражений, объяснил, что он думает о нем и его военных способностях. А выполнять приказ категорически отказался. Однако тогда Буденный командовал полупартизанским корпусом, теперь же он возглавляет регулярную Конную армию, и не один, а вместе с членами Реввоенсовета. Теперь он коммунист, сам борется за строгую дисциплину. Согласен или не согласен, а приказ выполнять надо. Зубами скрипи, но выполняй!

Особенно в трудном положении оказался Климент Ефремович. Всеми своими чувствами был он на стороне Семена Михайловича, вместе с ним болезненно переживал потери и неудачи кавалеристов. Но ведь нельзя же смотреть на события только с точки зрения интересов своей армии. В чем-то прав был и Шорин. Да, кавалеристы несли потери, но в это время накапливали силы четыре общевойсковые армии.

Согласиться с таким положением было нелегко, хотя понять можно. А уж что совсем из рук вон плохо — это взаимоотношения между Буденным и Шориным, обострившиеся до такой степени, что приносили вред общему делу. Кто поддерживал Шорина, тот становился противником Семена Михайловича. И наоборот.

Надо было четко определить свою позицию в этом конфликте. Климент Ефремович попытался взвесить все «за» и «против», по возможности отрешившись от личных симпатий и антипатий. Действия Шорина спорные. Кавалерию он использует не по назначению — это факт. Мог бы найти какие-то другие способы удерживать инициативу. С другой стороны, совершенно ясно, что Конная армия представляет собой наиболее боеспособное войсковое объединение республики на всем юге России. Партия поручила Ворошилову вместе с другими товарищами расширять и укреплять это объединение. Вот так!

Климент Ефремович принял твердое решение: в основном он согласен с Буденным. Об этом написал Шо-

рину и в Москву, в штаб Главкома: полностью поддержал новый замысел Семена Михайловича воспользоваться тем, что основные силы врага сосредоточены южнее Ростова, перебросить Первую Конную на восток и нанести неожиданный удар в направлении Тихорецкой, в стык между Донской и Кубанской армиями противника. Этот план сулил верный успех. А поскольку противоречия между командованием Кавказского фронта и Первой Конной дошли до крайности, поскольку Шорин допустил необоснованные оскорбительные выражения в адрес кавалеристов («Конная армия утопила боевую славу в ростовских винных подвалах»), Ворошилов считает: Шорин должен покинуть свой пост. В противном случае пусть отстраняют от руководства Первой Конной Ворошилова и Буденного.

— Эту поддержку в самый трудный час я запомню,— сказал ему Семен Михайлович.— По гроб жизни запомню.

— Общее дело делаем,— рассеянно ответил Климент Ефремович, занятый своими мыслями.— Раз уж тронули нарыв, вскрыть и очистить его надо полностью. Кто душой болеет за Конную армию? Егоров?

— У Егорова теперь другой фронт, другие заботы,— сказал Буденный.

— А где Сталин? Шифротелеграмму ему посылали и докладную записку — никакого ответа. Ехать к нему нужно. Давай, пока не поздно, Щаденко пошлем.

— Яхима? Он под землей найдет,— согласился Семен Михайлович.

Прежде чем отправить Щаденко, решили еще раз попытать счастья, поискать Сталина по всем действующим телеграфным линиям. Вызывали разные города, железнодорожные станции южного направления. Безуспешно. И вдруг утром 3 февраля он ответил из Курска.

Первым говорил Буденный. Рассказал о положении Конной армии, о той обстановке, которая сложилась на их фронте. Попросил приехать, разобраться на месте.

В ответ телеграфный аппарат простучал:

«Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, в день получения мной вашей шифротелеграммы, я добился отставки Шорина... В Ревсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии... Что касается моего выезда, я, вы знаете, не свободен, назначен председателем Совета Труда Юго-Западного фронта и без согласия Совета Обороны не смогу выехать. Во всяком случае же передам вашу записку Ильичу на заключение, если вы не возражаете. Окончательный ответ могу дать только после переговоров с Ильичем. Об одном прошу: берегите Конную армию, это неоценимое золото республики. Пусть временно пропадают те или иные города, лишь бы сохранилась Конная армия».

Через двое суток пришла телеграмма, которую вместе с Орджоникидзе подписал новый командующий Кавказским фронтом Тухачевский. В ней говорилось:

«Неприятно поражены сложившейся обстановкой в отношениях соседних армий и некоторых отдельных лиц с героической красной конницей. Мы глубоко убеждены, что старые дружественные отношения возобновятся и заслуги и искусство Конной армии будут оценены по достоинству...»

В тот же день Реввоенсовет Кавказского фронта приказал Буденному прекратить не оправдавшие себя боевые действия на Манычском направлении и готовиться к переброске в другой район. Как раз туда, где предлагали нанести удар по белогвардейцам Семен Михайлович и Климент Ефремович.

Узнав обо всем этом, Буденный сказал не без самодовольства:

— Гляди, какая у нас с тобой сила. Спихнули все-таки Шорина. Опрокинули командующего фронтом!

— Не мы,— осадил его Ворошилов.— Не наша заслуга.

— А чья же еще?

— Правда верх взяла, правильная позиция.

— Наша с тобой позиция.

— Нет, Семен Михайлович, партийная линия восторжествовала. Ну и, конечно, товарищи наверху учли наше мнение.

— Рассуждай как хочешь, а победу мы все-таки одержали,— весело произнес Буденный.

— Разве это победа? Вот когда Деникина разобьем, тогда настоящий праздник будет. А сейчас что? Ликвидировали недоразумение, и только,— сказал Климент Ефремович.

2

Основные тыловые службы Первой Конной остались в Таганроге. Санитарные подразделения, склады с военным имуществом, сотни резервных лошадей. Ремонтировались бронепоезда. Но главное, пожалуй, не в этом. Вдали от линии фронта постепенно осуществлялся один из замыслов Ворошилова: создавалась новая дивизия, именовавшаяся 14-й кавалерийской. «Пусть она станет образцом для всех других дивизий Первой Конной»,— с надеждой думал Климент Ефремович.

Костяк нового соединения составляли добровольцы: донецкие шахтеры, металлисты, железнодорожники. Многие — члены партии. Народ собрался крепкий, преданный Советской власти. Вот только вояки не ахти какие. Чтобы приобщить их к строю и бою, в Таганрог были направлены опытные кавалеристы.

Там же готовилась принять первых слушателей школа красных командиров Конной армии.

Возглавлял эту работу начальник Управления формирования Ефим Щаденко. Климент Ефремович знал, что у обстоятельного Ефима все будет в порядке, но не упускал возможности побывать в Таганроге. Радовали его новые эскадроны, новые полки, видел в них прообраз будущих, хорошо организованных и хорошо оснащенных войск Советской республики.

В отличие от других дивизий, выросших из партизанских отрядов, 14-я кавалерийская создавалась по единой системе, полностью обеспечена была техникой, в том числе артиллерией разных калибров. Люди получили одинаковое обмундирование, добротные шинели английского производства, френчи, галифе, сапоги. Канадские седла. В буденовках щеголяли бойцы уже нескольких эскадронов.

— Вот что, Ефим,— сказал Климент Ефремович, осмотрев казарму и конюшни кавалерийского полка.— Есть у меня к тебе разговор.

— Упущено что-нибудь?

— Нет, о другом речь пойдет. За последний месяц большие потери у нас, ты знаешь. В некоторых полках выбыло до сорока процентов бойцов и командиров. Однако при такой большой убыли общее количество личного состава в Конармии не уменьшилось. И конского поголовья тоже. Чем это объяснить?

— А ты не знаешь?

— Хочу, Ефим, услышать твое мнение.

— Ну что же,— сказал Щаденко,— я хоть и реже твоего в действующих частях бываю, но и тут мы пульс чувствуем. Семена Михайловича куда магнитом тянуло? За Ростов, туда, где он свой первый отряд создал, где свою первую дивизию организовал, где у его бойцов в каждом хуторе родня, сватья да братья. Теперь и хлыну-

ли в наши полки друзья и знакомые буденновцев. Белые их тут не очень жаловали, знали, какие орлы из этих гнезд вылетели. Думаю, Клим, это хорошие кадры.

— Согласен. Хотя неполадки, конечно, будут. Но не только одностаничники Семена Михайловича вливаются в наши эскадроны. Сейчас во всех подразделениях донские казаки появились. Сдаются десятками, сотнями, перебегают к нам. Будто плотину прорвало.

— И это мне известно, не зря все же кадрами-то занимаюсь.— Щаденко не удержался от улыбки.— Тут вот что учитывать надо. Многие казаки утратили веру в своих генералов. Это раз. А другое: станицы-то ихние теперь на нашей территории, за нашей спиной, а Кубань без особой охоты донцов встречает. Давнее соперничество. Донское войско большую историю имеет, донцы считают себя настоящими казаками, а кубанцы для них — выскочки. К иногородним их причисляют, «хохламп» зовут. Те тоже в долгу не остаются. Всегда споры-раздоры, а сейчас особенно. В кубанских станицах много беженцев с Дона, которым приходится добывать пропитание и себе, и лошадям, и скоту. А у кубанцев тоже негусто. Они незваных гостей па баз не пускают. Из станиц гонят. Подавайся куда угодно. Хоть в лес к зеленым, хоть в степь к красным.

— Похоже,— согласился Ворошилов.— Я одного перебежчика спросил: как, мол, думаешь дальнейшую судьбу устраивать? А он говорит: «Перезимую с конем в эскадроне, а там видно будет». Вот такой вояка.

— Оботрется, обломается среди наших. Комиссар над ним поработает, командир, товарищи. Что потяжелей, с нами останется. Дерьмо уплывет.

— А другого казачину спросил, так у него свое объяснение. Двенадцатого года призыва, уже восемь лет в седле. Привык воевать, на казенных харчах жить, больше ничего не умеет, ничего не хочет. Говорю: «Война

кончится, куда пойдешь?» А он смеется: «На мой век драки хватит. Во Владикавказе афишки видел: англичане казаков к себе кличут в пустыне порядок наводить. Хорошие деньги обещают». И таких немало. Вот и опасаюсь я, Ефим, что размягчит, расшатает это пополнение основу наших эскадронов. Участились случаи нарушения дисциплины. Пьянки, драки, даже грабежи. Трибунал работает с полной нагрузкой.

— Ты что предлагаешь, Клим? Не принимать добровольцев и перебежчиков?

— Нет, идеальных сознательных бойцов нам никто не пошлет, чуда не будет. Мы сами должны лепить, создавать красных конников из того материала, который есть.

— А конкретно? — Щаденко понимал, что разговор этот затеял Ворошилов неспроста.

— Думаю, что здесь, в Таганроге, на базе новой дивизии нужно создавать маршевые эскадроны. Включать в них наиболее надежных товарищей. Направим хотя бы человек по двести в каждую действующую дивизию. Сразу окрепнет пролетарская партийная прослойка.

— Не хотелось бы дробить монолит.

— Для чего нам монолит сам по себе? — загорячился Климент Ефремович.— Я как раз вижу значение новой дивизии не только в том, что она будет действовать с рабочим упорством, с рабочей организованностью — она станет кузницей кадров для всей Конармии. Мы отправим теперь на передовую шестьсот — семьсот пролетариев, коммунистов, а на их место возьмем столько же или больше рабочих с шахт и рудников.

— Когда? — спросил Щаденко.— Когда отправлять?

— Вижу, что осознал ты,— улыбнулся Климент Ефремович.— Чем скорее, Ефим, тем лучше. Чтобы успели к большим боям. Передышка короткая, и люди должны осмотреться, освоиться в эскадронах.

3

11 февраля Конная армия двинулась к станице Платовской. Надо было пройти сто тридцать километров по малолюдным просторам вдоль левого берега реки Сал. Семен Михайлович, досконально знавший родные края, хорошо представлял, каково будет коннице в открытой зимней степи, поэтому марш готовился особенно тщательно. Каждая дивизия получила свой маршрут. Пулеметные тачанки переставили на полозья или подняли и закрепили на санях.

Однако даже многоопытный Буденный не смог предвидеть, насколько трудным окажется этот поход. Мешал снег. В степи его навалило метровым слоем, в низких местах — сугробы с человеческий рост. Погода держалась пасмурная, с небольшим морозцем. Снег все подваливал да подваливал. Мелкий, сухой, зыбкий, он засасывал, словно песок. Каждый шаг требовал усилий. Колонны двигались медленно, бойцы на руках вытягивали из заносов артиллерийские орудия, зарядные ящики, обозные повозки.

День в пути, а ночью и отдохнуть негде. Изредка встречались небольшие хутора, разоренные белыми, одни только печные трубы. В уцелевшие хаты люди набивались так, что спали сидя или даже стоя. Лишь бы малость согреться, смежить глаза в тепле.

Добыть здесь продовольствие или фураж нечего было и думать. Бойцы кое-как перебивались на взятых с собой припасах, а кони быстро начали сдавать в теле. Семен Михайлович приказал расспросить местных жителей, где остались неубранные пшеничные поля. Выкапывать пшеницу из-под снега, кормить лошадей.

И все же люди шли весело. Ветераны-буденновцы стремились на родину, в большие богатые станицы Платовскую и Великокняжескую. А придя, увидели, как

похозяйничали белогвардейцы, опустошив закрома и подвалы. Но для дорогих земляков жители не поскупились, достали то, что надежно было припрятано в клунях, зарыто в земле.

Радость встреч смешивалась с горем утрат. Привезли с собой буденновцы вести о тех, кто больше никогда не переступит порог родного дома. Черные платки повязали овдовевшие бабы, потерявшие сыновей старухи. Плакали осиротевшие дети. Разом и праздник праздновали, и поминки справляли.

Климент Ефремович проехал через Платовскую вечером. Людно и шумно было в станице. Повсюду в хатах горел свет, слышались громкие голоса, звуки гармошки. Но в общем-то ничего особенного, почти как на обычном отдыхе. По совести говоря, Ворошилов ожидал худшего. Не зря, значит, предупреждал он политработников, а Буденный — комсостав: пока враг близко, никаких особых торжеств, никакого расслабления.

Семена Михайловича нагнал за Манычем, неподалеку от железнодорожной станции Шаблиевки. Командарм был слегка возбужден, но настроение вполне деловое. Сказал, что Шаблиевку упорно обороняют белые пластуны с бронепоездом. Стрелковая дивизия начдива Ковтюха лежит там, зарывшись в снег. Сейчас ей поможет 4-я кавалерийская.

Встречаться с Ворошиловым взглядом Буденный избегал, голос его звучал не очень уверенно. Будто чувствовал за собой какую-то вину. Однако Климент Ефремович, хоть и кипело у него внутри, сдержался, даже поздравил:

— С благополучным возвращением в родную станицу!

— Спасибо. Только вот казаки над головой висят.

— В Шаблиевке?

— С Шаблиевкой сегодня покончим, там семечки...

На станции Торговой у них силы сосредоточены. И пехота и конница. Когда разгоним, можно и погулять денька два-три?! — вопросительно покосился он на Климента Ефремовича.

— Против заслуженного отдыха возражать не стану, а вот выдумку твою не одобряю.

— Какую такую выдумку? — притворно удивился Семен Михайлович.

— Эта дорога куда ведет?

— На Торговую.

— А в приказе командующего фронтом что сказано?

— Там сказано, Клим Ефремович, что мы должны врезаться между Донской и Кубанской армиями противника, искалечить их фланги, двигаться по тылам белых в направлении станции Тихорецкая.

— Это общая задача. А конкретно? Куда мы должны были повернуть из Платовской? Строго на запад, на станицу Мечетинскую.

— Чего мне там делать, в этой Мечетинской? Это еще верст сто по бездорожью, по холоду. И никакого фуража на пути. Общую задачу я выполняю, а уж на месте мы с тобой сами можем решить, как лучше. Белые у нас под носом, а мы вместо того, чтобы захватить Торговую, перерезать железнодорожную линию, попремся по степи врага искать.

— Здесь пехота десятой армии справится.

— Не дюже она справляется, пехота-то. Вон Ковтюх со своими целые сутки за Шаблиевку бьется, и никакого продвижения.

— Ловок ты рассуждать, Семен Михайлович, на все у тебя свои доводы.

— Маракую, Клим Ефремович, без этого нам никак нельзя.

— Командующий фронтом тоже соображал, когда приказ отдавал. У него есть план, есть замысел. Вместе

с дивизиями товарища Гая и товарища Азина должны мы были захватить Мечетинскую, содействовать нашим войскам. А ты маракуешь... Или самовольничаешь?

— Клим Ефремович, мы выполняем приказ по обстановке. И, между прочим, надеюсь на твою полную поддержку и одобрение.

— Конечно, Мечетинская далеко, мороз крепнет. В такую погоду измотаем армию переходами... Это я, Семен Михайлович, твои рассуждения стараюсь понять.

— Верно угадываешь.

— Вот, а Торговая — рядом. Эшелоны, трофеи. Законная добыча, как ты говоришь.

— Опять в самую точку! — усмехнулся Буденный.— Там снаряды, жратва. Сам знаешь, какой закон в нашей Конной армии: с кем воюем, у того и снабжаемся. А в Мечетинской что найдем? Голодных жителей?

— Может, ты и прав, Семен Михайлович, только гляди, как бы и с новым командующим фронтом не поссориться.

— Ничего, ты меня защитишь.

— Будешь прав — поддержу. А нет — душой не покривлю.

4

Выяснилось, что поблизости от станции Торговая находятся пять стрелковых дивизий 10-й армии. Несколько суток шли они по однообразной степи, сбились с маршрутов, потеряли всякую связь со своим командованием и теперь просто не знали, что им делать.

Дивизии, разумеется, не ахти какие, людей маловато, вооружение слабое. Но ведь не одна! А Первой Конной очень не хватало пехоты для прикрытия флангов, для закрепления достигнутых рубежей.

— Подчиняй их себе,— сказал Буденному Климент Ефремович.— Именем Реввоенсовета.

— Чужие они,— засомневался Семен Михайлович.— Хотя и бесхозные на нонешний день...

— Все наши, советские. А того растяпу-начальника, который свои войска растерял, вообще надо гнать подальше от фронта.

— Тут я полностью согласен с тобой, Клим Ефремович. Нельзя такое безобразие допускать. Пока не объявятся командарм-десять и его штаб, пускай пехота вместе с нами воюет.

— Вызывай начдивов без промедления.

Буденный распорядился умело и быстро. Три стрелковые дивизии нацелил на станцию Торговая и большое село Воронцово-Николаевка рядом с ней. Одну дивизию — правее, другую — левее. В тыл оборонявшегося противника послал сильный кавалерийский отряд для паники. И белые не выдержали, отошли поспешно, бросив подбитый бронепоезд и несколько эшелонов.

Теперь действительно можно было дать коннице передышку после трудного похода, после боев. Тем более что и погода установилась самая непригодная для войны. Расчистилось льдистое небо, быстро начала падать температура. Стрелка термометра опустилась до двадцати пяти градусов. Каково оказаться в голой степи, где морозный ветер пронизывает одежду, выстуживает тело!

Глубокий молодой снег покрылся крепким настом. Пеший проваливался, острые закраины рвали, резали обувь. Про лошадей и говорить нечего: наст обдирал им ноги в кровь, до костей.

Семен Михайлович распорядился: Конной армии отдыхать! Командирам пополнять полки добровольцами. Подтянуть обозы. Подковать коней. Трофеи равномерно распределить среди подразделений, особенно боеприпасы.

— Насчет бдительности предупреди начдивов,— сказал Ворошилов.— Что ни говори, а белые близко.

— Прикажу всем гарнизонам подготовить круговую оборону населенных пунктов, выделить сторожевые заставы,— согласился Семен Михайлович.— Только какие сейчас беляки? На железной дороге нас пехота прикрывает, а через степь даже серый волк не пройдет, окочурится от мороза.

— Хорошо бы разъезды по всем дорогам направить, да подальше.

— И разъезды пошлем, беспокойный ты человек,— ответил Буденный. Мысли его были заняты другим. Собирался на денек в родную станицу.

5

Узнав о переброске Конармии в район станицы Платовской, белое командование сразу оценило угрозу, созданную этим маневром. И приняло быстрые контрмеры. Все имевшиеся под рукой кавалерийские части, в том числе и отборные мамонтовские полки, были объединены в конную группу генерала Павлова. По численности эта группа, насчитывавшая около двенадцати тысяч всадников, была примерно равна силам Буденного. Следуя вдоль реки Маныч, казаки должны были за несколько суток пройти форсированным маршем через пустынные степи и неожиданно ударить по красным.

Прижать Конную армию к железной дороге, где действовал 1-й Кубанский белогвардейский корпус генерал-лейтенанта Крыжановского, расплющить ее между молотом и наковальней, раздробить, уничтожить — такая задача была поставлена перед Павловым. Этот генерал, сменивший покойного Мамонтова, умом и мастерством своего предшественника не отличался, зато славился упорством, решительностью, твердым характером.

Мертвящая стужа, сковавшая степь, захватила группу Павлова в начале похода. Другой человек заколебался бы, не повел бы тысячи людей в далекий (более ста двадцати верст!) рейд по бездорожью, но Павлов, наоборот, счел стужу за благо. В такой мороз красные сидят по хатам да самогон хлещут. Тем более, что станица Платовская и ее округа — родина многих буденновцев. Праздновать будут с земляками свое возвращение. Вот и пускай празднуют!

На пути встретились казакам две красные дивизии, двигавшиеся к станице Мечетинской. Шли сами по себе, не имея поддержки других войск, с оголенными флангами, с незащищенным тылом. Как было Павлову не воспользоваться таким стечением обстоятельств!

Казаки обложили красных с трех сторон. Кавалерийская дивизия советского командира Гая, вырубленная больше чем наполовину в скоротечной схватке, сумела все же вырваться из мешка, отступила за Маныч. А медлительная пехота, окруженная в чистом поле, оборонялась до последней возможности и почти вся полегла под пулями и шашками казаков. Человек триста всего сумели уйти, пользуясь ночной темнотой.

Выяснилось, что это была 28-я стрелковая дивизия красных, отличившаяся на Восточном фронте при разгроме Колчака и недавно переброшенная на юг. Знаменитый начдив Азин, раненный в этом бою, попал в плен и лишь считанные часы прожил после гибели своих людей.

Начало для белых сложилось очень удачно. Генерал Павлов торопил полки. А мороз, необычный для этих мест, становился между тем крепче и крепче.

6

В родной станице веселился Микола Башибузенко. Радовался, что цела его хата, живы мать и меньший братишка. Заодно и свадьбу играл. Вместе с бойцами эскадрона гулеванили близкие и дальние родственники Миколы, народу собралось столько, что столы накрыли не в одном доме, а сразу в трех, стоявших рядком.

— Ты празднуй. Заслужил,— сказал Миколе Леснов.— Разрешение командования получено. О делах не думай: позаботимся.

— Вечером дальний разъезд от нашего эскадрона,— напомнил Башибузенко.

— Все сделаем, командир.

— Эх, любушка ты у меня,— расчувствовался Микола.— Я ж тебе вдвое все долги отработаю!

— Топай, топай к своей раскрасавице,— шутливо подтолкнул его Роман.

После полудня насидевшиеся в хатах гости высыпали на широкую станичную улицу. Затеялась лихая пляска. И мороз нипочем. Кирьян Сичкарь глядел, глядел на такое веселье, сорвался с места, как пуля из ствола, бегом вывел из конюшни своего жеребца. Крикнул:

— А ну, врежь «наурскую»!

Гармонист (он сидел в хате у распахнутого окна, чтобы не отморозить пальцы) рванул мехи. Сичкарь швырнул на землю кубанку, спружинясь, метнулся на спину коня, едва коснувшись луки. Вскочил на седло обеими ногами, откалывая коленца в такт музыке. Восхищенно ахнули девки и бабы. А в толпе кто-то с гордостью:

— Это чего! Они вот так с Калмыковым ночью, стояком, через реку. Босыми ногами на седле. Выскочили к белякам тихо. Пулеметчику кинжал в спину, а потом весь наш эскадрон без потерь!

Жених тоже не удержался, решил показать себя. Сказал Асе:

— Кинь платочек посреди улицы!

Разогнал своего жеребца, на полном скаку свесился всем корпусом, подхватил платок — и снова в седле. Подъехал, вручил с поклоном невесте.

«До чего же отчаянные, чертяки!» — восхищался Роман. Пожалуй, он и сам бы сплясал: такое хорошее было настроение. И люди веселы, и денек ясный, морозный, как на родном севере. Однако пора было готовить разъезд. Улучив момент, подозвал Миколу, перечислил десяток фамилий. Тот подумал, усмехнулся:

— Одних партейных взял?

— Не только.

— Ну, эти двое тоже без пяти минут в твоей ячейке... Ладно. Только Сазонова оставь, с кузнецом поработает.

— И Черемошин останется. За меня. Он пулеметы осматривает.

— Добре,— согласился Микола.— Значит, так: собери со всего эскадрона полушубки и валенки. Чуешь, какой пар изо рта?.. А к ночи еще завернет. Проследи, чтобы затворы карабинов и шашки протерли насухо. Смазка замерзнет — как безоружные будете... Через час пути проверь на всякий случай, пусть затворы подергают. Маршрут знаешь? На развилке дорог хутор. Если хаты целы, обогрейся там, дождись сменного разъезда. Калмыков пущай все время впереди едет: в этом степу ему любой бугорок известен... Эх, жаль отпускать тебя на такой холод. Ну, да чего там — валяй! — махнул он рукой.

Выделенные в разъезд люди собрались в доме комиссара. Сазонов и Черемошин пришли проводить. Бывшие шахтеры Вакуев и Каменюкин переобувались в валенки. Пантелеймон Громкий посмеивался над ними: нет, мол, как ни крути, а не кавалеристы вы, не казачьей породы. Настоящий кавалерист из сапог не вылезет... Шмыгал

изувеченным носом Пантелеймон Тихий, с улыбкой слушая брата. Старательно снимали смазку с карабинов Зозуля, Колыбанов и Шишкин — недавно принятые в кандидаты партии молодые ребята из казаков. Возле порога топтался желтолицый, скуластый Калмыков, успевший, вероятно, хватить не одну чарку, поторапливал весело:

— Глянь, комиссар, совсем ночь наступил. Телишься больно долго!

Распахнув дверь, быстро вошла Асхлипиадота. Румяная, большеглазая, разгоряченная. Венгерка небрежно наброшена на плечи. Длинные ресницы мокры — оттаивал иней.

— Успела! — обрадовалась она.— Эй, вояки, подходи по одному, гусиным жиром намажу.

— Зачем так бегаешь? — упрекнул Калмыков.— Голова без шапки совсем плохо! В ящик играть будешь.

— Ничего, привычная... Давайте, товарищ комиссар. (Леснов был единственным человеком в эскадроне, с которым она была на «вы».)

— Смазывайте... Башибузенко подсказал или сами додумались?

— Тут и думать нечего. Элементарно.

— Припасите, пожалуйста, побольше гусиного жира, вазелина.

— Постараюсь.

— Она смекалистая,— прогудел Пантелеймон Громкий.— Какого казака отхватила, командира-то нашего!

— Невелика находка.— Ася игриво повела плечами.— Неизвестно еще, кто кого отхватил!

— Теперь ша, отгулялись. Свадьба.

— Какой свадьба без попа? — вставил Калмыков.

— Мы люди вольные, без попов и без комиссаров вполне обойдемся,— задирала она Леснова. И опять — в который уж раз — поймал он на себе удивленный, испы-

тующий взгляд обжигающих черных глаз. «Ох, Микола, хватишь ты лиха с такой женушкой!»

— Все готово? По коням! — распорядился Роман.

Когда выехали за станицу, было уже темно. Только в открытом поле ощутил Леснов, до чего же морозна опустившаяся ночь. Порывами налетал пронизывающий ветер. Мело. Белые струйки перевивали дорогу. Что-то угрожающее чудилось в тусклом, мертвенном свечении белых сугробов.

Не одному Роману, всем жутковато было в затихшем холодном пространстве. Лишь Калмыкову хоть бы что. Покачиваясь на невысокой лохматой лошадке, напевал свое излюбленное:

И-эх, шашка бери-бери,
Винтовка бери-бери,
За красную знамю
Даешь впереди!

— Помолчал бы ты, черт кривоногий,— сказал Пантелеймон Громкий.— Глотку застудишь.

— Ты за мой глотка не боись. Я не балачку болтал, я революционный песня пел.

Судя по времени, проехали они верст десять. Потом пятнадцать. И на всем пути ни единой живой души. Ни зверя, ни птицы, никакого следа на дороге. Калмыков все чаще поднимался на стременах, вглядываясь в белесую мглу. Наконец сказал:

— Дым чую. Хутор будет.

— Большой?

— Совсем малый. Кошары для овец, домов два или три.

Дорога ощутимо пошла на спуск, к замерзшей речушке, и вскоре темными пятнами проступили впереди постройки. Приблизились к ним осторожно: не грянули бы навстречу выстрелы. Но все было тихо. Калмыков спрыг-

нул с коня, метнулся за угол, прижался лбом к чуть освещенному окну. Вернувшись, доложил:

— Бабы, детишки возле огня. Спокойно сидят, беляка нету.

— Может, погреемся?! — заколебался Леснов.— Коней в кошару, сами в избу.

— Давай мал-мала дальше поедем. Там кургашек есть, смотреть хорошо.

— На кургане пост выставим, а греться поочередно сюда,— решил Роман.

Намерзшиеся, заиндевевшие кони неохотно пошли от жилья. Люди приободрились: какие-никакие, а все же хибары рядом, будет, где теплом дохнуть, портянки перемотать. Поторапливали коней. И едва миновали мостик через речушку — увидели всадников. Четверо или пятеро ехали им навстречу. Медленно, понурившись, без голосов.

Роман мгновенно определил: казаки! Вдвое меньше! Атаковать!

— Шашки к бою! — полушепотом скомандовал он.— Ребята, «язык» нужен... За мной! — всем телом толкнул он вперед своего кабардинца.

Конь у него — золото. Умен, послушен: Леснов в бою бросал поводья, в одной руке шашка, в другой, если нужно, наган. А Стервец не отвлекался в самой горячке, чутко улавливал пожатие колен всадника, поворачивал куда нужно. Приучил его Роман, вопреки правилам, оставлять противника слева, под неудобную руку. А Леснов и левой рубил не хуже, чем правой.

Казаки стреляли — мелькнуло несколько вспышек. Кто-то вскрикнул позади. Роман летел, пригнувшись к шее коня, не сводил глаз со сбившихся в кучу врагов. Ближний к нему казак, скособочившись, рвал из ножен шашку и не мог вытащить — вмерзла. А верный Стервец уже обходил его, подставлял под удар. Клинком по голове, с потягом!.. Нет! Живьем!

Леснов привычным движением перебросил шашку в правую руку, а левой с разгона хлобыстнул казака по скуле. Тот, охнув, тяжелым мешком рухнул с седла.

Сгоряча промчался дальше, а когда остановил и повернул Стервеца, все уже было кончено. Двое белых стояли, задрав руки. Пантелеймон Тихий прыгал по сугробам, ловил казацкого коня. Несколько человек сгрудились, держа коней в поводу.

— Кого? — спросил Леснов, подъезжая.

— Осипа... Вакуева.— Роман не узнал чей-то изменившийся голос.— В живот, слепое...

У Романа сразу отяжелели плечи, будто усталость нахлынула...

— На полушубок его! В дом, в тепло поскорее!

К сдавшимся подъехал Калмыков, секанул одного нагайкой:

— У, гад! Мово друга убил!

— Не стрелял я, ей-бо, не стрелял! — причитал казак, так и не вытащивший из ножен шашку.

— Отставить! — Леснов спрыгнул с коня, глянул в испуганное, с выпученными глазами лицо. Немолодой уже, унтер, наверное.— А, мой крестник! Это я тебя обезножил!

— Ей-бо, не стрелял!

— Каменюкин, отведи второго. Допросим порознь. Кто соврет, сразу точка. Правду — жить будешь... Куда ехал?

— В походном охранении мы. С правого флапга.

— Кого охраняли?

— Так что всю колонну, ваше благородие.

— Я тебе не благородие... Какую колонну?

— Нашей дивизии.

— Что? — насторожился Леснов. Откуда тут, в тылу Конармии, целая дивизия белых? Спросил строго: — Ты верно знаешь?

— Как не знать, ваше... Такая колонна идет — днем

ни конца ни начала не видно. Гутарят, не одна наша дивизия... Гонят, гонят без передыху. Лошади совсем притомились, сами аж в седлах спим...

«У кого кони крепкие? — соображал Роман.— У Калмыкова, у братьев Пантелеймоновых... Пусть скачут к командиру полка. Нет, сразу в полевой штарм... А если этот казак врет?.. А с чего ему врать?..»

— Пантелеймоновы! — позвал комиссар.— Пленных на коней и в штаб армии! Особая срочность и особая важность! Аллюр три креста! Прямо к Буденному или к Ворошилову... Три креста! Скорей! — повторил он.

7

Семен Михайлович так и не успел уехать в свою станицу. К вечеру осложнилась обстановка. Белая пехота напирала вдоль железной дороги. В морозном воздухе далеко разносилась пальба, полыхало на горизонте широкое зарево. Пока что стрелковые дивизии сдерживали натиск врага, не было необходимости прерывать отдых кавалеристов, но беспокойство не покидало Буденного и Ворошилова. Они допоздна засиделись в двухэтажном кирпичном доме, отведенном под штаб.

Когда привели двух обмороженных, обалдевших от страха и переутомления казаков, Климент Ефремович не сразу поверил их показаниям. Генерал Павлов объединил под своим руководством несколько белых дивизий — это понятно. А вот то, что Павлов четвертые сутки гонит конницу по занесенным дорогам, без дневок, без обогрева, делая переходы в тридцать и сорок верст,— разве такое возможно?

Усомнился даже видавший виды Буденный. А пленные, обмякшие в тепле, разговорившиеся после стакана самогона, охотно выкладывали подробности. Горячей пи-

щи казаки совсем не получают. Артиллерийские кони выдохлись, пушки тянут на веревках, подталкивают руками. Пообморозились — спасу нет. Сперва, начальство сказывало, двигались на станицу Великокняжескую, а вчера повернули вдруг на Торговую.

— Утром должны здесь быть.

Семен Михайлович, слушая, переживал втуне:

— Угробит же конницу! Сколько лошадей погубит!

— Тем хуже для Павлова,— сказал Ворошилов.— Будем готовить встречу.

— Рано еще шум подымать,— возразил Семен Михайлович.— Вышлем разведку, уточним, проверим.

— Действуй,— одобрил Ворошилов. И, улыбнувшись, добавил: — До чего назойливый генерал оказался. А я хотел поспать нынче.

— Вздремни сейчас, потом не придется.

— Да уж что за сон, всю охоту отбил этот Павлов! — отшутился Климент Ефремович.

Ни он, ни Буденный еще не представляли себе, какая угроза нависла над Первой Конной, сколько вражеских войск скрывает в степи ночь. Двадцать четыре кавалерийских полка двигались по разным дорогам на Шаблиевку, на Торговую, на Воронцово-Николаевку. Мертвящее дыхание холода заставляло казаков из последних сил стремиться к жилью. Передовые отряды противника находились уже совсем близко.

8

Около полуночи в окраинных проулках спавшей станицы появились группы всадников. До глаз закутанные башлыками, в закуржавевших бурках медленно ехали они на вымученных конях со стороны кладбища. Там проходил летник, давно уже занесенный снегом. С рас-

путья — ни полозом, ни копытом, даже сторожевую заставу не выставили в той стороне.

На лошадиное ржание вышел из конюшни заспанный дневальный в тулупе.

— Эй, земляк, какая дивизия? — окликнули его.

— Четвертая.

— Наша! — обрадовался всадник.— Как это вы поперед нас заскочили?

— А вот так и заскочили,— равнодушно зевнул дневальный.

— Хаты свободные есть?

— Куды-ы-ы! По тридцать человек втиснулись. На полу в два наката...

— А нам околевать, что ли?

— Шукайте,— пожал плечами дневальный.— Может, найдете.

В доме, где расположился взвод Сичкаря, было малость посвободнее, чем в других. Даже проход оставался посреди горницы. Сам Кирьян, нагулявшийся за день, лег отдыхать рано. Ему отвели лучшее место у печки. Проснулся с тяжелой головой еще до первых петухов и потягивался на полушубке, подремывая. Лениво думал: надо выйти по нужде, заодно и коня поглядеть...

Топот ног раздался в сенях, распахнулась дверь, вошли люди, настолько обмерзшие, что полы шинелей стучали, как жестяные. Такой стынью пахнуло, таким холодом наполнилась горница, что заворочались на полу бойцы.

— Дверь захлопни!

— Закрыто,— ответили ему.— Дрыхни.

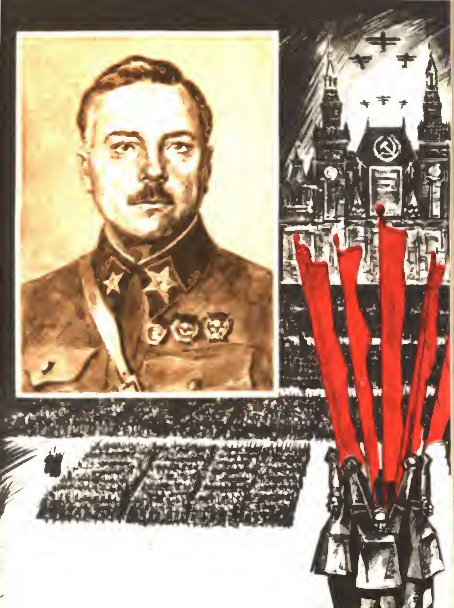
И другой голос:

— Тут поместимся, зови наших.

— Я те помещусь, командир выискался... Всю избу выстудил... А ну, катись отсюдова!

— Чего бушуешь, Колодкин! — окликнул Сичкарь.

— Прется тут по ногам... Куды, говорю?!
— За грудки не хватай, мы тоже умеем!
— Получи, мать твою!
Еще кто-то ввалился в дверь, громыхнул оледеневшей одеждой, спросил резко:
— Что за свалка?
— Господин есаул, не пущают!
Кирьяна аж подбросило с полушубка! По-кошачьи, большим прыжком одолел половину горницы, увидел рослую фигуру, крест-накрест перехваченную портупеей. Выхватил из ножен острый кавказский кинжал, кинулся на офицера.
— Братцы! Беляки! — орал кто-то.
— Назад!
— Не стреляй, свои!
В сенях — давка. Грохали револьверные выстрелы. Кричали раненые. Сичкарь отбросил мокрый кинжал, быстро натянул сапоги, полушубок. Поискал кубанку... А, черт с ней!
Выскочил на улицу и чуть не задохнулся: так обожгло морозом горло и легкие. Пальба разрасталась со всех сторон. Жикали пули.
Кирьян побежал к сараю. Там уже были Черемошин, Сазонов, еще кто-то. Руками выкатывали пулеметную тачанку. Появился Башибузенко.
— Га! Разворачивайте в тот край, вдоль улицы! Остальные все в цепь, живо! Ложись, стреляй! Ты куды? — полоснул он тупым концом шашки бежавшего бойца.— Давай в цепь! Огонь!
Сичкарь помог Черемошину заправить ленту. Глянул вдоль улицы — ничего не поймешь. Шарахались пешие, туда-сюда проносились всадники. От окраинных домов медленно приближалась, все явственнее проступала темная шевелящаяся громада. «Колонна! — понял Сичкарь.— Разворачиваются для атаки!»

— Черемошин, вали! — крикнул Башибузенко.

Два пулемета хлестнули вдоль улицы раскаленным свинцом.

9

— Белые в Торговой! — доложил взволнованный ординарец.— Я прямо от Тимошенко.

— Как так? Почему допустили? — разгневанно глянул Буденный.

— Лезут со всех сторон, как саранча! Коней бросают и бегом в хаты греться.

— Где начальник дивизии?

— Разворачивает боевые порядки.

— Раньше разворачивать надо было! — Буденный на ходу пристегивал шашку.— Клим Ефремович, я — к Тимошенко.

— Тогда я — к Городовикову.

— Только бурку накинь!

Беспорядочная, частая стрельба гремела на северной и западной окраинах. Суматошные крики, ржание. Кто-то совсем близко орал надрывно: «Ой, маты моя, ой, моя родная!»

Сопровождаемый десятком всадников, Ворошилов поскакал по улице, заполненной метавшимися людьми. Впереди что-то горело, слепя глаза. Попадались повозки, сани, двуколки. Ворвись сейчас сюда казаки — изрубили бы бегущих, не встретив сопротивления. Вот так и начинается паника, так и гибнут не за понюх табаку целые подразделения!

На перекрестке ярко пылали две мазанки, освещая артиллерийскую батарею. Посвистывали пули. Бились на снегу раненые кони переднего уноса. Второе орудие, накатившись сзади, зацепило колесом зарядный ящик, опрокинуло его и само развернулось поперек пути. Прислуга

торопливо отпрягала лошадей. Климент Ефремович видел: бойцы огорошены, суетятся, ничего не понимают. Стрельни рядом — бросят батарею и побегут. А у него, как всегда в критические минуты, возникло холодное, расчетливое спокойствие. Он даже сам удивлялся: в обычной жизни мог вспылить, легко возбуждался. А в трудной обстановке — наоборот.

Остановил Маузера, крикнул требовательно:

— Командир батареи, ко мне!

Начальственный голос заставил оглянуться всех пушкарей. Подбежал молодой, подтянутый артиллерист.

— Из вольноопределяющихся? — спросил Ворошилов первое, что пришло в голову, чтобы сбить волнение и напряжение батарейца.

— Так точно! — удивился тот.— Окончил школу прапорщиков.

— И не знаешь, что делать?

— Казаки! Боюсь, орудия захватят!

— А ты не бойся! Это они тебя бояться должны, раз ты с пушками! — И возвысил голос: — А ну, разворачивайте два орудия на прямую наводку! Застрявшие потом растащите. По казакам, по их пулеметам — картечью!

— Слушаюсь! — артиллерист аж на месте подпрыгнул.— Ребята, поворачивай живо! Есть у нас картечь, есть!

Климент Ефремович дождался, когда плеснула пламенем первая пушка... Порядок, тут белым шлагбаум закрыт!

Свернул по переулку на соседнюю улицу, в конную сутолоку, где строились, разбираясь по эскадронам, всадники. Вылетел откуда-то Ока Иванович Городовиков: в папахе набекрень, с обнаженной шашкой. И, как показалось, веселый. Объяснил Ворошилову:

— Обоз, понимаешь, панику поднял!

— Белых много?

— Шибко много! Мы их в пешем строю вышибаем — опять лезут. Опять вышибаем — еще лезут! Казак замерз, совсем чуть живой, стреляет плохо, рубит плохо, в тепло хочет. Конницу развернул, скоро на нас пойдет!

И как бы подтверждая слова Городовикова, издали, с темных полей, докатился нарастающий воинственный клич, загудела земля под множеством конских подков.

— Слушай мою команду! — ввинтился в морозный воздух напряженный голос Городовикова.— Пики на бедра, шашки вон! За мной, в атаку, марш-марш!

Ока Иванович вздыбил коня, резко послал вперед. Следом двинулись, набирая ход, эскадроны.

Ворошилов оказался на правом фланге, рядом с командиром полка. Где-то в центре атакующей лавы бойцы схлестнулись с казаками, опрокинули их, повернули, погнали, а правофланговый полк, раздробившийся среди окраинных хат и садов, не встретил организованного сопротивления. Нагоняли отдельных всадников, пеших. Рубили тех, кто отстреливался.

За домами — мглистая степь. Глубокие следы на снегу. Черные трупы. Поодаль маячили конники, повозки, тянулось что-то темное, длинное, как стена. Там вспыхивали выстрелы, оттуда неслось тягучее «Ура-а-а-а...», поражавшее однообразием, унылостью и обреченностью.

Полк замедлил движение в глубоком снегу. Подтянулись отставшие, все эскадроны снова сомкнулись, слились воедино.

Высокий Маузер хорошо шел по сугробам. Ворошилов, командир полка и еще несколько всадников опередили общий строй, мчались навстречу крикам и выстрелам.

Ближе, ближе, ближе противник! Климент Ефремович понял: впереди дорога. На ней, теряясь во мгле, растянулась густая колонна пеших, конных, повозок. Сотни казаков, может быть, тысячи, замерли в плотном строю

и по чьему-то приказу всё кричали и кричали тягуче, однообразно, надрывно: «а-а-а-а-а-а!»

Их было так много, что страх кольнул Ворошилова: «Зарвались! Крышка!» Сейчас ударят залпами, полоснут из пулеметов и подчистую выкосят на голом поле весь полк, два полка! А поворачивать поздно. Разогнавшиеся эскадроны накатятся сзади, стопчут тех, кто замедлил ход или остановился.

Враг рядом! Но почему не скачут казаки навстречу, не бьют в упор?

Лишь когда увидел перед собой заиндевелую, недвижимую, с остекленевшими глазами морду лошади, когда выстрелил в белое, как у мертвеца, вымороженное лицо, понял: они закоченели, они ничего не могут!

— Братцы! Братцы! — вонзался в уши нечеловеческий вопль.— Не надо, братцы!

Распаленная атакой лавина — шестьсот всадников — врезалась в окостеневшую вражескую колонну.

10

Несколько часов продолжалась эта страшная битва, в которой с обеих сторон участвовали на сравнительно небольшом пространстве до двадцати тысяч конников. Мороз к утру усилился градусов до тридцати. В затишье слышно было, как шуршит, слегка потрескивая, воздух — вымерзала в нем последняя влага, оседая на землю мельчайшими сверкающими кристалликами.

У казаков не было выбора: позади голая степь с леденящим ветром, гибель от холода, а впереди — красные. Но там хаты, тепло, еда — жизнь!

Снова и снова бросались они к жилью, стремясь захватить хотя бы один населенный пункт, закрепиться в нем, переждать самую лютую стужу. Но белых отбра-

сывали огнем, контратаками. Казаки отходили на полтора-два километра. Генерал Павлов выставил там плотный пулеметный заслон, преодолеть который буденновцы не могли.

Малость отдохнув, пополнившись подошедшими частями, белогвардейцы опять шли на штурм, и все повторялось снова.

Сотни раненых коченели в снегу.

Вдали, за линией пулеметных заслонов, всю ночь пылали костры. Пытаясь спастись от гибели, казаки жгли свои обозы, стога сена.

Лишь перед рассветом, убедившись в бесполезности атак и страшась ответного сокрушительного удара, генерал Павлов приказал своим дивизиям отходить к селу Средний Егорлык.

Днем стало немного теплее. Сквозь разрывы туч проглядывало багровое, с мутными, расплывчатыми краями солнце.

Ворошилов и Буденный объехали поле недавнего боя. Жуткая картина открылась перед глазами. По дороге двигаться невозможно: брошенные орудия, пулеметы, сани, опрокинутые повозки, зарядные ящики, а среди них трупы зарубленных и замерзших людей, окоченевшие кони.

За линией пулеметного заслона дорога свободнее, но трупов почти столько же. Не убитые — погибшие от холода. Кто как: сидя, лежа, свернувшись клубком, распластавшись во весь рост. По обе стороны от проселка, среди сугробов, тоже повсюду чернели трупы. Мела поземка, слегка шевелившая снег, и казалось, что мертвые люди и лошади плывут, покачиваясь, по белым волнам.

В неглубокой балке возле стога сена казаки замерзли стоя. Прятались, наверно, от ветра да так и остались, прислонившись, прижавшись к стогу. Некоторые не вы-

пустили из рук поводьев, отправились на тот свет вместе с конями...

— Их тут по всей балочке человек двести,— понизил голос ординарец.— Видать, в хвосте шли, самые ослабевшие. Как остановились, так сразу и окочурились.

От стога к дороге по двое, по трое ходили местные жители, пожилые крестьяне, переносили трупы, укладывали ровными штабелями, как дрова. Старый казак с седыми усами, прыгая на деревянной култышке, обыскивал карманы мертвых, отдирал шинели и гимнастерки, проверяя за пазухой. Доставал документы, а заодно и кисеты с махоркой. Бумаги складывал в большую белую папаху с пятнами крови, опрокинутую на снегу.

— Здоров, земляк! — приветствовал его Буденный.

— Валяй, проезжай,— неохотно ответил тот.— Чего любуешься али еще не нарадовался?

— Любоваться действительно нечем,— сказал Ворошилов.— У меня аж мурашки по коже.

— Значит, ишшо человечье обличье не совсем потерял,— глянул на него старик.— Это разве допустимо такое смертоубивство, чтобы братов в чистом поле морозить! Совсем уже до крайней лютости озверели! Не простит господь грех!

— Ты это не нам, ты генералу Павлову скажи, который своих служивых четверо суток гнал по снегам, по морозу, без горячей еды. Пускай его бог накажет за такое командование.

— Я господу не указ, сам разберет. Только все одно: большой грех сотворили,— упрямствовал седоусый.— Учинили избиение православных, а чего содеял, тем отольется...

— Каркай меньше! — прикрикнул ординарец.

— Оставь его! — Климент Ефремович тронул коня. Смутно было на душе. Конечно, никакой вины нет на бойцах, на Семене Михайловиче, на нем самом. Белые

шли уничтожать их, получили отпор. Это правильно. И все же тяжело видеть такие последствия, столько трупов. Не одни ведь враги здесь. Много обманутых казаков, которым заморочили голову, много насильно мобилизованных... Теперь им уже ничего не докажешь, ничем не поможешь...

— Семен Михайлович,— догнал Ворошилов командарма,— давай комиссию создадим по расследованию причин и обстоятельств этого боя.

— Зачем? — удивился Буденный.— После каждой схватки бумагу марать...

— Это не обычная схватка, сам знаешь. Пусть комиссия соберет все данные, изложит свое мнение. Для местных жителей, для наших бойцов, для истории, наконец.

— Не возражаю,— согласился Буденный.

11

Цифры, которые назвала в своих выводах комиссия, превзошли любые предположения. Выяснилось, что в районе Торговой — Среднего Егорлыка белые потеряли замерзшими и убитыми не менее пяти тысяч человек и две тысячи триста лошадей. По существу, генерал Павлов загубил всю лучшую деникинскую кавалерию, свел на нет отборные казачьи полки, которыми так гордился генерал Мамонтов.

Пять тысяч — это ведь только погибших. А сколько было раненых, поморозившихся, заболевших?! Многие из них окончательно утратили веру в своих начальников. Сломлен был боевой дух казаков.

Расплющить Конную армию ударом «молота», как это было задумано, белым не удалось. Больше того, сам «молот» был раздроблен и уже не представлял серьезной угрозы. Но оставалась еще «наковальня» — пехотный кор-

пус генерала Крыжановского. Верный правилу бить противника по частям, Семен Михайлович без промедления обрушил свои главные силы на вражескую пехоту. За двое суток Кубанский корпус, обойденный с обоих флангов, был почти полностью рассеян и уничтожен, остатки его сдались в плен. Генерал застрелился.

В те дни Первая Конная не имела никакой связи со штабом фронта. Буденный и Ворошилов не представляли, что происходит на других боевых участках, и действовали, «руководствуясь революционным чутьем», как говорил Климент Ефремович. Оба они даже не догадывались, какую пользу принесли в тот критический период их решительные удары по белым войскам. Оказывается, Деникин начал новое наступление на том направлении, которое считалось главным, и начал довольно успешно. Его Добровольческий корпус сумел захватить Ростов, вызвав тем самым большую тревогу красного командования. В районе Ростова не было сил, способных остановить дальнейшее продвижение деникинцев. Вновь нависла угроза над Донецким бассейном. По указанию Владимира Ильича Ленина туда срочно перебрасывались 42-я стрелковая и Латышская дивизии, но они были еще далеко.

И вдруг Добровольческий корпус сам, почти без всякого нажима со стороны красных оставил Ростов, опять отошел за Дон и Маныч, заняв оборонительные позиции. Не от хорошей жизни поступили так белые. Для них это была единственная возможность высвободить часть войск и бросить их против Буденного, который ворвался в деникинские тылы, крушил там всех, кто сопротивлялся, рвал коммуникации.

Воспользовавшись тем, что Первая Конная и 10-я армии сковали основные силы врага, двинулись вперед 8-я и 9-я армии, освободили Азов, Батайск, Мечетинскую. 11-я армия с боями вошла в Ставрополь.

Остатки белогвардейских дивизий откатывались на Кубань. Казаки при первой возможности разбегались по станицам. Надо бы гнать противника, не давая ему передышки, но Первая Конная тоже выдохлась в кровопролитных сражениях, нуждалась в отдыхе и пополнении. В полках было много раненых. Израсходованы все снаряды. Требовалось разобраться с тысячами пленных: кого отпустить домой, кого принять в свои эскадроны, а кого наказать за совершенные преступления.

Выделив для преследования деникинцев несколько крупных отрядов, основные силы Конной армии расположились в хуторах и станицах. У Ворошилова появилась наконец возможность съездить в Ростов, в Таганрог, в тыловые подразделения, в свой основной штаб, заняться подвозом боеприпасов, фуража, продовольствия. Климент Ефремович надеялся ускорить прибытие в действующие части новых маршевых эскадронов, укомплектованных рабочими-коммунистами.

Отправился вместе с Буденным в трофейном бронепоезде: рельсы надежней начавшего раскисать чернозема.

Климент Ефремович решил дать себе отдых в дороге: под стук колес проспал шесть часов подряд. А утром вспомнил: такого не случалось месяца полтора. Прикорнет где-нибудь часа два-три — и снова на ногах, снова в седле. Даже Семен Михайлович, привычный к походной жизни, и тот покряхтывал иногда: эх, в баньку бы да отлежаться от зари до зари... Теперь и он получил такую возможность.

В пути узнали, что на станции Батайск находится служебный вагон командующего Кавказским фронтом. И хотя Тухачевский не вызывал их, решили воспользоваться случаем: познакомиться, доложить о своих делах, выяснить перспективы.

Разыскать вагон не составляло большой трудности.

Ворошилов наметанным глазом определил, куда тянутся провода полевой связи. Добился, чтобы вызвали дежурного, попросил сообщить о приезде.

Тухачевский принял их сразу, даже вышел навстречу из салона. Ворошилова удивила молодость командующего: лет двадцать пять ему, а уже на таком посту! Отличился в боях с Колчаком, при освобождении Сибири. Лицо у него интеллигентное, красивое, на щеках юношеский румянец, губы большие, полные, яркие. Взгляд властный, несколько даже надменный. Голос звучал резко. И вообще встретил он их настороженно, холодно: зачем, дескать, явились незваные гости? Сразу спросил:

— Почему не выполнили мое распоряжение о движении на Мечетинскую, повели Конармию в район Торговой?

Буденный, помедлив, объяснил.

— Вам известно, к каким последствиям привело невыполнение распоряжения?

И опять, помедлив, Буденный продолжал рассказывать о морозах, о том, что нельзя было отрываться от населенных пунктов, как это сделал генерал Павлов.

Слушая их разговор, Климент Ефремович подметил в Тухачевском молодую прямолинейность: не знает, не чувствует многообразия оттенков, которые есть в любом деле и понимание которых приходит лишь с жизненным опытом. Принцип «приказано — выполнено» был и будет основой любой регулярной армии, но в войне гражданской, иногда еще полупартизанской, не всегда можно придерживаться несгибаемых правил. Тем она и отличается, эта война, что необходимо учитывать настроение, революционный порыв, инициативу самих масс и направлять их движение в нужное русло...

За спиной Тухачевского неслышно появился коренастый мужчина с сильными покатыми плечами. Смуглый, черноволосый, усы тоже черные. Нос большой, слегка за-

гнутый. По кавказскому обличью сразу можно было узнать, что это Орджоникидзе, член Реввоенсовета Кавказского фронта. Он назвал себя, добродушно, шутливо укорил Тухачевского:

— Ай-яй-яй, как мы гостей принимаем! Зови в салон, я скажу, чтобы чай дали... И не ругай ты их, Михаил Николаевич! — Голос Орджоникидзе звучал с таким же акцентом, как и у Сталина, но не столь глухо: звонче, веселей, чище.— Зачем ругать? Противник разбит, и разбит в основном усилиями Конной армии. А ведь еще Екатерина Вторая говорила, что победителей не судят. Давай и мы не будем задним числом судить их!

Тухачевский улыбнулся скупо, жестом пригласил сесть на диван. И снова вопрос:

— Как вы оказались здесь вместо передовой?

— Едем в Ростов,— пожал плечами Семен Михайлович.

— Почему без моего ведома?

— Мы едем в свой штаб, о вас узнали случайно, решили представиться,— недовольно объяснил Буденный. А Климент Ефремович подумал, что командующий в общем-то прав, выговаривая им. Просто Семена Михайловича раздражают молодость и настойчивость Тухачевского.

— Хорошо, что пришли ко мне. Но ехать в Ростов я вам разрешения не давал.

И опять резкость Тухачевского смягчил своим добродушием Орджоникидзе:

— Не придирайся к нему, Михаил Николаевич, а то он в следующий раз сто верст крюка сделает, лишь бы с нами не встречаться... Мы ведь сами собирались к вам, товарищи, да не знали, где искать.

Тухачевский между тем раскинул на столе карту, аккуратно разгладил сгибы, взял остро отточенный карандаш.

— Докладывайте, товарищ Буденный.

Климент Ефремович сидел молча, вставляя слово, когда требовалось. Он чувствовал, что Тухачевский достаточно осведомлен и о них самих, и о состоянии Конармии. Известно ему даже количество орудий и пулеметов в каждой дивизии. А главное — он обладал способностью видеть и оценивать обстановку в больших масштабах, уверенно заглядывал вперед, опираясь при этом на твердые выкладки, на знание своих и вражеских возможностей. Вот в этом районе следует ударить по противнику, а результат скажется здесь, на левом фланге. Две дивизии необходимо перебросить сюда... Что, не видите выгоды? Она даст знать себя через неделю, когда пехотные части достигнут Кубани...

Слушая четкие фразы, взвешенные аргументы Тухачевского, Климент Ефремович начал понимать, почему столь молодому человеку доверили очень ответственный пост: люди с даром предвидения встречаются не часто. К тому же организаторские способности, неизрасходованный запас энергии.

— Товарищ Ворошилов, пойдемте ко мне,— предложил Орджоникидзе.— Потолкуем о партийно-политической работе.

Салон члена Реввоенсовета фронта оказался в противоположном конце вагона. Здесь не было такой строгости и аккуратности, как у Тухачевского, чувствовалось, что разместился человек гражданский. Книги на диване, свернутые в трубку плакаты, кусок хлеба на столе. Баночка клея, а рядом накрытая газетой эмалированная кружка. Черное штатское пальто висело за дверью.

— Давно мы не встречались с тобой, Климент Ефремович,— дружески обнял его Орджоникидзе.— Очень давно. Поговорить есть о чем, есть что вспомнить... А пока задавай вопросы, какие у тебя есть.

— Кто он, новый командующий? Из дворян?

— Я, между прочим, тоже из бывших дворян,— сказал Орджоникидзе.— И между прочим, дорогой, в Красной Армии много бывших офицеров, которые очень добросовестно воюют за Советскую власть. Думаю, что тебе, опытному революционеру, не следует этому удивляться.

— Не удивляюсь. Законное желание побольше знать о новом командующем. В штыки ведь встретил нас.

— Про таких говорят: полководец милостью божией.

— Быстро он вырос.

— Революция, дорогой, помогла многим свои таланты раскрыть. Разве Семен Михайлович не яркий пример? А Тухачевский окончил Александровское военное училище. Командовал взводом, повоевал. Попал в плен к немцам. Два раза бежал — поймали. Но он упрямый — бежал третий раз... Советскую власть принял сразу и полностью. А насчет того, что вас в штыки встретил,— для этого у него веские основания есть. Понимаешь, дорогой, в Москве, в Реввоенсовете республики, очень плохие отзывы были. И вот с этой телеграммой Михаил Николаевич знаком. Возьми, прочитай.

Ворошилову бросились в глаза подчеркнутые слова: «Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного...» И подпись: Ленин.

Разом прихлынула к щекам горячая волна крови, болью отозвалась в голове. Замелькали, запрыгали перед глазами фиолетовые искры. Климент Ефремович сжал кулаки, стараясь овладеть собой. И когда исчезло мельтешение в глазах, когда ослабла боль, произнес сдержанно:

— Откуда такие сведения, товарищ Орджоникидзе?

— Суть не в том, откуда сведения, а в том, насколько они соответствуют истине.

— Я, как член Реввоенсовета армии, полностью отвергаю всякое обвинение в разложении. Товарищ Ленин введен в заблуждение.

— Кое-что мы уже выяснили,— успокоил Орджоникидзе.— Кое-что уже отмели. Но мы еще побываем у вас в армии.

— Всегда рады принять... В чем конкретно нас обвиняют?

— Товарищ Шорин, например, утверждает: после взятия Ростова буденновцы, вместо того чтобы наступать дальше, пьянствовали в городе.

— Мы вместе с Шориным ездили по бригадам и полкам, он не увидел ни одного пьяного и сам признал это.

— Не выполнили его приказ о взятии Батайска.

— Мы наступали в самых наихудших условиях, уложили на равнине, в болотах сотни людей, множество коней. Этот приказ был отменен из Москвы.

— Слышал, дорогой, ты сам чуть не погиб там?

— Не обо мне речь! Какие еще обвинения?

— Конная армия разграбила Новочеркасск.

— Ну, знаете! — развел руками Ворошилов.— Эту клевету опровергнуть проще простого. Ни один полк, даже ни один эскадрон Конармии в Новочеркасск не заходил, город в стороне от полосы наших действий. Если быть совсем точным: Новочеркасск занял седьмого января Конно-Сводный корпус Бориса Думенко.

— Разве он не был подчинен Конной армии?

— Нет, товарищ Орджоникидзе, корпус Думенко входил тогда в состав другой армии и даже другого фронта. Ничего общего. Нам подчинили Думенко много позже. И подчинили только в оперативном отношении на несколько дней.

— Однако недоразумения в Новочеркасске все же имели место? — хмурясь, спросил Орджоникидзе.

Климент Ефремович ответил не сразу. Ведь беседа принципиальная, для пользы общего дела.

— Борис Макеевич Думенко приезжал потом к нам в Ростов,— заговорил Климент Ефремович, подбирая сло-

ва.— С Буденным они давние знакомые... Толковали за чашкой чая...

— Чая ли?

— Да, спиртного Думенко в рот не берет, особенно после ранения... Так вот, рассказывал он о бригаде Жлобы... Дорвалась она в Новочеркасске до винных погребов. Цимлянское там... Богатые дома грабили, купцов. Несколько случаев изнасилования... Борис Макеевич сразу принял крутые меры, пресек все это... Очень он недоволен Жлобой.

— Из рук вон плохо в корпусе Думенко,— сказал Орджоникидзе.— Знаю, что воюет он отважно, только порядка никакого... Влияние политработников минимальное, да почти и нет их там. Партийные ячейки не созданы, коммунистов малая горстка. Сколотили корпус поспешно из разных частей, о комиссарах, о партийной прослойке не позаботились. Лишь недавно направили к Думенко военным комиссаром опытного большевика Теро Микеладзе. Подпольщик, умница, выдержка у него образцовая. В тюрьмах сидел, из деникинской контрразведки сумел вырваться, а убили тут...

— Я не поверил, когда узнал,— понурился Ворошилов.— Не хотел верить... Но кто его? Кто?.. Меня люди спрашивают...

— Пока неизвестно. Нашли зарубленным недалеко от штаба... — Орджоникидзе подавил вздох. — Разберемся мы, во всем разберемся. А пока давай о Конной армии. Утверждают, будто она утратила боеспособность.

— Это не Шорин,— сразу догадался Климент Ефремович.— Шорин так не скажет, он нас в боях видел. Тут чей-то другой голос. Не Троцкого ли?

— Правильно, дорогой. И повторяет он, что Конная армия вообще не оправдала себя, что управлять таким скоплением кавалерии Буденному не под силу.

— Тогда пусть скажет, кто освободил Ростов, кто разбил генерала Павлова, кто уничтожил корпус Крыжановского, кто, наконец, опрокинул деникинцев под Егорлыкской?!

— Успокойся,— жестом остановил его Орджоникидзе.— Мы знаем. Но вот есть жалобы, что Конная армия чуть ли не наполовину состоит из пленных, бывших белоказаков.

— Пленных берем после проверки,— подтвердил Ворошилов.— Это превосходный боевой материал, многие отличились в сражениях за Советскую республику.

— Не эти ли казаки отбирают у жителей продовольствие, фураж, лошадей?

— Да, такое случается. Мы решительно боремся, но факты бывают. А причина, товарищ Орджоникидзе, вот она, лежит на самой поверхности. Я сам в Конармии с декабря. Теперь весна. И за все это время не было никакого снабжения. Более того, армия сама отправляла в центр продовольствие, эшелоны с углем. А кормить людей, лошадей нужно? Стрелять необходимо? Главная наша база снабжения — противник. Но эта база не очень надежная...

— Климент Ефремович, я все понимаю. Скажу тебе: я сразу ответил Владимиру Ильичу, что разговоры о разложении Конной армии лишены всякого основания. Невозможно громить врага без высокой дисциплины. И Первая Конная в смысле боеспособности выше всяких похвал.

— Вопрос настолько серьезный, что необходимо послать товарищу Ленину и Главкому Каменеву подробный отчет.

— Мы отправим обстоятельное донесение. Оно готовится,— заверил Орджоникидзе.— Особенно подчеркнем, что в результате неточной информации в Реввоенсовете республики сложилось искаженное представление о Первой Конной и ее командарме, что красные кавалеристы

отличаются чрезвычайной смелостью. Ни одна кавчасть противника, даже сильнейшая, не выдерживает стремительных атак буденновцев... И, разумеется, сообщим, что со дня своего создания Конная армия не получала жалованья, а уж тем более продовольствия. Занимается самоснабжением. А это, естественно, не может пройти безболезненно для населения.

— Спасибо за добрые слова,— поднялся Ворошилов.

— Один мой совет. Конно-Сводный корпус — горький урок нам всем. Не жалейте сил для укрепления партийного влияния в армии. Чем больше будет коммунистов, тем надежней и боеспособней станет она. И не оставляйте без внимания ни одного случая нарушения дисциплины. Требуйте строго порядка от всех, невзирая на лица,— напутствовал его Орджоникидзе.

Глава девятая

1

Солнце с утра светило так ярко, так приятно согревало щеку, что не хотелось возвращаться в прокуренную хату. Леснов и Черемошин, угнездившись на пулеметной тачанке, не спеша толковали о предстоящем собрании партийной ячейки. Роман был доволен: двое молодых конармейцев подали заявления в партию. В бою себя показали, политически, как говорится, подкованы. Один прикреплен к неграмотным: занимается с ними во время отдыха. Второй проводит громкие читки газеты «Красный кавалерист».

Хорошие хлопцы. А вот с Пантелеймоном Громким просто беда. Вояка бывалый, всем другим пример, ветеран эскадрона. Кандидатский срок давно кончился, но не может Громкий взять в толк: как это так — бога нет?

Откуда же на земле все живое и произрастающее? Сколько раз уже беседовал с ним Леспов, а сдвигов почти незаметно.

К тачанке стремительно подошел Башибузенко:

— Га, комиссар, вот ты где притулился? Новость знаешь?

— Какую?

— Насчет Пархоменко?

— Знаю,— неохотно произнес Роман.

— Тут ординарец из штаба ошивался, ну и гутарил: Ворошилов своей рукой смертельный приговор подписал.

— Слышал звон, да не знает, где он! Ничего Климент Ефремович не подписывал. Просили его вмешаться, смягчить наказание, а он не стал, не имел морального права.

— Как же так? — Микола от волнения кубанку с головы сдернул.— Они же давние друзьяки, еще под Царицыном вместе! Старого знакомого засудили! — не мог взять в толк Башибузенко.

— Значит, за дело.

— Какое там дело! — вскипел Микола.— Какое дело? Человек не железка, разрядка ему потребна. Такая походная жизнь, на крови замешанная, хоть кого измотает. Ну, выпил человек, сорвался малость... Все грешны! Конь на четырех ногах, и то спотыкается.

— Он коммунист.

— А что партейные из другого теста слеплены?

— Тесто одно, выпечка разная. Закалка на самую высокую прочность. Мы от бойцов дисциплины добиваемся?

— На то и служба.

— С командиров, с тебя, к примеру, спрос вдвое выше. Ты согласен?

— Согласен,— сказал Микола.

— Ну, а к коммунисту, тем более если он на высокой должности, если он со всех сторон виден, требования в десять раз больше. Если уж он позволяет себе закон

переступить, значит, и каждому это позволено. Какой тогда к черту порядок? Вот и соображай.

— Мыслями я вроде с тобой, а душа не принимает. Это же каким твердым надо быть, чтобы своему революционному другу нисколько даже не порадеть?! Ажник страшно!

— У него, может, слезы в глазах кипели, когда приговор этот читал. Но ведь дело наше, Микола, такое светлое, что не терпит никакой грязи. За это дело тысячи людей добровольно жизнь свою отдают. Потому и не должно быть ни одного пятна на нашем партийном знамени.

— Ну и ну,— почесал затылок Башибузенко.— Дюже она сурьезная, твоя партия.

И пошел обмякший, задумчивый, тискEя в огромных ручищах кубанку с ярким малиновым верхом. Будто огонек перекидывал из ладони в ладонь.

2

Нет, не было у Климента Ефремовича никаких слез, никаких охов и вздохов, когда узнал о суровом приговоре военного трибунала. Даже вида не показал, как резануло по сердцу слово «расстрел». Боль — словно пуля пронзила!

Эх, Саша, Саша, старый дружище! Всегда ты был человеком простым, открытым, преданным рабочему классу — откуда же взялись буржуйские замашки, барское отношение к людям?! Власть развращает?..

Впервые увидел его Ворошилов на заводе Гартмана, особенно сблизились они в начале 1905 года, когда готовили большую всеобщую стачку с политическими требованиями. Климент Ефремович, хотя и самому-то лишь двадцать четыре года, считался уже опытным партийным

вожаком, возглавлял Луганский комитет большевиков. А Саша Пархоменко был отчаянным парнем, смышленым и находчивым, одним из тех молодых активистов, которым можно было доверить любое поручение. И листовки распространял, и агитацию вел, и оружие хранил для первых рабочих дружин.

Много воды утекло с тех пор, много дорог прошли они рука об руку. Вместе совершили невероятный поход из Донбасса до Волги, переформировывая прямо в боях свои партизанские отряды в регулярные части Красной Армии. Был момент — лег бы Климент Ефремович в сырую землю, не окажись рядом Пархоменко. Жизнью ему обязан.

Конечно, в усатом, рослом командире с громоподобным голосом трудно теперь узнать молодого рабочего Сашку Пархоменко. Давно окреп, заматерел, набрался ума. Однако не научился, значит, держать себя в жесткой узде. Особоуполномоченный Реввоенсовета Конной армии, комендант Ростова, он поддерживал в городе твердый порядок, и вдруг — на тебе: вспылил, самочинно захватил чужую легковую автомашину, обезоружил бойцов, пытавшихся остановить его, ударил шашкой. Хорошо хоть — только полушубок красноармейцу рассек.

Тяжелым был их разговор с глазу на глаз, когда Пархоменко привели под конвоем. «Как ты мог?» — гневно спросил Ворошилов. «Извини, Клим, первый раз. И последний!» — «Тебя будут судить».— «Да, Клим! — Пархоменко поднял голову.— Помню твои слова: кого больше ценю, с того больше спрашиваю».— «Честь партии дороже всего».— «Понимаю, Клим. Искуплю, как положено».

Сколько потом ходатаев разных перебывало у Ворошилова! Приезжали представители из дивизий, бойцы и командиры, давно знавшие Александра. Сам Буденный обращался дважды. Первый раз попросил:

— Ты хоть позвони председателю трибунала, пусть знает твое мнение.

Ворошилов сразу, при нем, связался с председателем по телефону, сказал:

— Надеюсь, судить Пархоменко будете в полном соответствии с законами Советской власти.

— По законам военного времени ему грозит расстрел,— напомнил председатель. Чувствовалось, что он ждет от члена Реввоенсовета каких-либо указаний, хотя бы намека, но Климент Ефремович молча повесил трубку.

Нет, никто не должен знать о том, как хотелось бы ему помочь Саше, как мучается он ночами без сна, в сотый раз спрашивая себя, правильно ли поступает, и в сотый раз отвечая: по-другому поступить он не может, не должен, не имеет права. Очень даже своевременно привел Орджоникидзе ему в пример Конно-Сводный корпус. Не было там твердого порядка, не сумел Борис Думенко установить сознательную дисциплину, командиры полков, командиры бригад позволяли себе лишку, показывали каждый свой нрав. Докатились до того, что приказы не выполняли. И результаты плачевные. Корпус терпел неудачи в боях, анархия началась, пьянки, грабеж... Комиссар корпуса убит неизвестно кем, сам Думенко, в общем-то хороший вояка, много сделавший для создания красной конницы, теперь арестован и находится под следствием... Допусти сейчас Ворошилов какие-то послабления, помоги близкому человеку — и у них в Конармии тоже покачнется с трудом налаженный порядок.

Жалел Климент Ефремович Сашу Пархоменко, очень жалел, но к этому чувству примешивалось глухое, подспудное раздражение, вызванное тем, что не оправдал Александр полного к нему доверия, вроде бы даже личную обиду нанес своему другу. Для чего жил-то Ворошилов? Для революции, для трудового народа, для счастливого будущего. Ради такого великого дела надо все

отдать, себя не жалеть, подчинить все мысли и устремления одной цели. Настоящий революционер прежде всего требователен и беспощаден к себе самому, к своим друзьям, к товарищам по партии. Чтобы без всяких снисхождений, без всяких скидок. А Пархоменко на машине раскатывать захотел, да еще на чужой. Шашку занес на красноармейца ради собственного каприза... Как в душу плюнул...

Однако все равно друг, близкий человек. Ну, оступился, сорвался... Поправить бы, отругать, да и ладно. Попробуй выбросить его из себя, оторвать от сердца...

Так и мучился Климент Ефремович, скрывая свои чувства. Только лицо выдавало: осунулся, глаза красные от бессонницы, заострился нос...

И снова пришел к нему Семен Михайлович. Предложил срочно отправить Пархоменко на другой фронт или еще куда-нибудь, в далекий тыл.

— Не надо играть в прятки с самим собой,— устало произнес Ворошилов.— Что о нас беспартийные скажут?.. Укрыли своего дружка-коммуниста... Козырь врагам, пища для сомнений тем, кто колеблется.

— Приговор в двадцать четыре часа? Хоть время оттяни...

— Не знаю,— отрезал Ворошилов.— Есть срок обжалования.

— А куда обращаться?

— В Москву, во ВЦИК. К товарищу Калинину.

— Ну, ладно! — повеселел Семен Михайлович.— Еще поглядим! Срочно сообщу Михаилу Ивановичу.

После таких слов у Климента Ефремовича чуть-чуть отлегло от сердца. Может, действительно, не все еще кончено? Он сам не имеет права вмешиваться, но ведь другие коммунисты вполне способны объективно сравнить проступки Пархоменко со всеми его революционными заслугами. Что перетянет?

— И товарищу Орджоникидзе напиши,— вырвалось у Ворошилова.

— Ага! — Буденный внимательно посмотрел на болезненное лицо Климента Ефремовича, на его маленькие, почерневшие, плотно сжатые губы. Кивнул понимающе: — Обязательно. Прямо сейчас.

3

Михаил Николаевич Тухачевский приехал в погожий день, звеневший ручьями. Над освободившимися от снега пашнями радостно заливались жаворонки. Весна пришла полная, необратимая.

Климент Ефремович и Семен Михайлович встретили командующего фронтом на станичной площади, где был развернут Особый резервный кавдивизион. Перед строем бойцов вручили Тухачевскому памятный подарок: суконный шлем-богатырку с высоким шишаком, с синей звездой. Михаил Николаевич как надел шлем вместо шапки, так и носил потом не снимая — впору пришелся.

Командующий фронтом привез новое распоряжение для Конной армии: продолжать наступление на главном направлении в сторону Новороссийска и одновременно ударить по флангу противника, оборонявшегося в районе Екатеринодара. Белые подтянули туда конный корпус князя Султан-Гирея, который остановил продвижение красной пехоты.

— У Султан-Гирея около пяти тысяч всадников,— сообщил Тухачевский.— Думаю, он намерен переправиться через Кубань в станице Усть-Лабинской. Там надежный мост. Надо помешать.

— Когда князь подойдет к Усть-Лабе? — спросил Буденный.

— Через двое суток.

— Не успеем.

— Кто у вас ближе всех к мосту? Пусть немедленно вышлет сильный отряд на лучших конях. Пусть заводных коней возьмут. Доскачут, ударят неожиданно, захватят переправу. Следом дивизия подойдет.

Буденный молчал хмурясь. По выражению лица Климент Ефремович понял его состояние. Предложение правильное, однако самолюбие заедает. Сам не додумался сразу до такого истинно-кавалерийского маневра, соображал медленно, вот и опередил мальчишка.

— Если поторопимся, захватим,— высказал свое мнение Ворошилов, опасаясь, что Семен Михайлович начнет возражать зря, ударившись в амбицию.— Как считаешь, справится Тимошенко?

Не мог же Буденный при командующем фронтом высказать сомнение в способностях боевого начдива, своего друга-приятеля! Произнес сердито:

— Тимошенко никогда не подводил.

— А с передовым отрядом комиссара дивизии Бахтурова отправим. Он донской казак, рубака отменный,— пояснил Климент Ефремович командующему.

— Тем лучше.

— Пойду, Семен Михайлович, распоряжусь, чтобы без малейшей задержки?! Связного пошлю и еще своего ординарца для верности.

Ворошилов вышел из горницы и не возвращался потом долго. Пусть побеседуют командарм и командующий, познакомятся поближе. У Климента Ефремовича и своих забот много. Однако после обеда, когда на несколько минут остались вдвоем, Буденный прямо-таки взмолился:

— Ослобони меня! Свози его, куда захочет. В полк, в эскадрон. Пусть смотрит, только меня избавь за-ради всего святого!

— А что такое? — вроде бы не понял Климент Ефремович.

— Трудно мне с ним, на разных языках толкуем. Дюже ученый, все по науке шпарит, по этому... Клаузевицу. А я и без науки грамотеям жару всыпал!

— Зря ты на него,— посмеивался Ворошилов.— Знания не самый большой недостаток. Михаил Николаевич хоть и образованный человек, а Колчака-адмирала галопом через всю Сибирь гнал.

— Куга зеленая, молоко на губах не обсохло, а советы дает.

— Ты однажды говорил, Семен Михайлович, что человек не выбирает себе родителей и начальников в армии. Кто дан, кто поставлен — тому и подчиняйся. Твои слова?

— Я и подчиняюсь.

— Со скрипом. Возраст, вежливые манеры, холеные руки тебе свет застят. Главного не хочешь видеть: дело он знает. И характер у него крепкий.

— Да уж не согнешь.

— Так чего еще тебе надо? Партия его на высокий пост выдвинула, товарищ Ленин сюда к нам направил, давай выполнять его указания со всей старательностью, а иначе пользы не будет, сам знаешь.

— Я выполняю,— ответил Буденный.— А в части все-таки ты с ним поезжай. Прошу. Я Усть-Лабой займусь, а ты — с ним...

— Ладно,— согласился Климент Ефремович.

Оседланные кони ждали их у крыльца. Для Тухачевского — «гостевой» мерин: высокий, видный и очень спокойный. Не сбросит начальника, не оконфузит. Далеко на этом мерине не ускачешь, зато по станице покрасоваться в самый раз.

От площади крестом расходились четыре улицы.

— Куда? — спросил Ворошилов.— Везде наши стоят.

— Витязи на распутье? — Улыбка у Тухачевского яркая, белозубая.— Все равно. Давайте направо.

— Поднять полк по тревоге? Построить?

— Не надо. Так посмотрим,— ответил Михаил Николаевич.

А Ворошилов подумал: командующий не из верхоглядов, старается без шумихи, попроще, по-будничному, чтобы вникнуть глубже.

Медленно поехали мимо белых мазанок. С коней хорошо было видно, что делается за невысокими заборчиками, за плетнями. Во всех дворах — верховые лошади: у коновязей, в сараях. Занимались своими делами бойцы. Вот на лавке, возле стены, расположились на солнечном припеке четверо эскадронных умельцев. Шорники и сапожники. Перед ними на расстеленной попоне ременная сбруя, седла. Чинят.

На задворках, возле закопченной кузни, покуривают, ожидая очереди, кавалеристы, приведшие своих коней. Здесь тоже работа в несколько рук. Бухает по наковальне большой молот, звонко и часто вторит ему молоточек. А двое бойцов в кожаных фартуках умело, быстро меняют старые, стершиеся подковы на только что изготовленные.

Плетень следующего двора сплошь увешан смазанными частями разобранных седел, до блеска начищенными трензелями, пряжками, стременами. Прохаживаясь вдоль плетня, щурится молодой боец. Очень уж света много. Сверкает солнце, сверкают оконные стекла, сверкают надраенные металлические детали.

В конце улицы, на просторном выгоне, приготовлены специальные станки с недавно нарезанными прутьями лозы. Шеренгой — десятка полтора всадников. Перед ними на поджаром ахалтекинце донской казак в фуражке с околышем. Конь вороной, в праздничных белых носочках на черных ногах. Всадник гибкий, легкий, влитый в седло. Резко подаваясь вперед всем корпусом, показывал молодым, как владеть шашкой.

Помчался вдоль станков. Вспыхивал на солнце кли-

нок, и каждый раз, косо срубленная точным страшным ударом, вертикально падала лоза, втыкаясь острым концом в ноздреватый осевший снег.

— Опытная рука! — одобрил Тухачевский.— Вы его знаете?

— Партийный билет недавно вручал. Помощник командира полка. На службе с четырнадцатого года.

— Профессиональный солдат. Нам очень важно будет сохранить такие кадры после войны.

— Не рано ли об этом, Михаил Николаевич? Или считаете, что Деникина разобьем и конец?

— Впереди будет много противников. Думать об этом надо уже сейчас.— Тухачевский тронул коня.— Давайте дальше, не будем мешать им.

Ворошилову показалось, что, понаблюдав за обучением рубке, командующий утратил интерес ко всему остальному. Ехал, не глядя по сторонам. Оживился немного, когда встретили несколько саней с сеном. Остановил возчиков, спросил, откуда берут, много ли там еще, кому сено принадлежит? Возчики и сами не знали, чье оно. Приметили скирды в степи и пользуются.

— А хозяина, значит, нет?

— Вроде не объявлялся.

— А если объявится?

— Пущай,— пожал плечами возчик.— Не в свой карман, для войны леквизируем.

Проводив сани взглядом, Тухачевский произнес невесело:

— Голод будет.

— Почему?

— Белые брали, мы берем... Каково крестьянам?

— Мы не трогаем бедняков, стараемся ничего не требовать у середняков. Люди сами отдают последнее.

— Я о другом. Весна, сев приближается, а на юге, в самых урожайных местах, примерно половина земли

пустовать будет. По моей прикидке — больше половины. Обрабатывать некому. И не хотят много пахать — только для своей семьи... Была у нас с товарищем Орджоникидзе идея перевести некоторую часть войск, особенно кавалерию, на полумирное положение. Конная армия — Трудовая армия. Совместить временно и то и другое...

— Очень даже интересная мысль,— сказал Ворошилов.— Лошадей у нас вполне достаточно, люди по земле стосковались. Даже как отдых... Если обстановка позволит...

— Боюсь, что нет,— покачал головой Михаил Николаевич.— Мы советовались с Москвой.

— И что же?

— Продолжим этот разговор в штабе.

— Понятно,— кивнул Ворошилов.

Они были уже неподалеку от площади, когда внимание Тухачевского привлек большой бревенчатый дом, похожий на школу. Из открытых форточек валил махорочный дым, слышался разноголосый шум.

— Сюда попрошу,— посуровел командующий, сворачивая в открытые ворота.— Что здесь?

— Не имею представления,— пожал плечами Ворошилов. Подумал с тревогой: «Неужели гулянка? Среди дня, под боком у штаба... Не может такого быть!»

Распахнув дверь, первым вошел в просторную комнату. За столом и на лавках вдоль стен тесно сидели бойцы. Без оружия, многие даже без ремней. Гимнастерки, рубахи, трофейные френчи и кители.

— Что за сбор? — резко спросил Климент Ефремович, чувствуя, что от напряжения вот-вот прихлынет кровь к голове.— По какому поводу?

И сразу обмяк, расслабился, увидев шагнувшего навстречу комиссара полка — кряжистого, строгого Елизара Фомина.

— Товарищ член Реввоенсовета, провожу занятия с

активистами, которые готовятся в кандидаты партии,— доложил комиссар.

Ворошилову удалось не показать своей радости, спросил ровным голосом, как о самом обычном:

— Какая тема?

— Борьба с пережитками проклятого прошлого в сознании наших бойцов.

— Какие пережитки имеются в виду? — поинтересовался Тухачевский, и все удивленно посмотрели на него. Наверно, приняли за ординарца. Чего встревает молодой чернявый в разговор старших?!

— Мы имеем в виду религию, пьянство, грубость, трусость, плохое отношение к женщинам,— объяснил Фомин, обращаясь к Ворошилову. Тот хотел представить командующего, но Тухачевский отступил к порогу, давая понять, что называть его совсем не обязательно.

— Хорошо,— сказал Климент Ефремович.— Только надымили очень. Мы ехали мимо, подумали, дом горит.

— Без курева нам невозможно,— весело отозвался кто-то.— Больно уж тема трудная, в голову не влезает.

— А между прочим, курево тоже пережиток,— сказал Ворошилов.

— Не могет быть!

— Все курят!

— Не очень, конечно, существенный, а все-таки пережиток,— с улыбкой продолжал Климент Ефремович.— Наследство проклятого прошлого. От безвыходных тягот приобщались. А здоровью махорка никак не на пользу.

— Оно, конечно...

— А вы сами-то?

— Не курил, не курю и другим не советую.

— Может, из старообрядцев?

— Мать и отец — православные. Но не люблю, не втянулся.

— Во как!

— Это что же, теперь всем бросать?

— Кто как хочет,— ответил Климент Ефремович.— Я не по службе, по дружбе отговариваю, особенно молодых. Ну, до свидания, товарищи!

Вышли на улицу, на свежий воздух.

— Вы прирожденный агитатор,— засмеялся Тухачевский.— Даже тут не упустили возможность.

— Против курения я как против классового врага,— отшучивался Ворошилов.— Теперь куда мы? К артиллеристам?

— Достаточно. Я полностью согласен с мнением товарища Орджоникидзе о состоянии Первой Конной. Думаю, она вполне способна преодолеть большие трудности, которые ждут ее в недалеком будущем.

— Выход к Черному морю?

— Если бы только это,— понизил голос Тухачевский.— Белополяки, Климент Ефремович.

Они молча поднялись на крыльцо штаба, прошли в горницу. Лишь там, снимая шинель, Ворошилов спросил:

— Насколько это реально?

— Мы с Орджоникидзе получили шифрограмму от товарища Ленина. Вот, познакомьтесь.

Климент Ефремович читал медленно, стараясь понять и запомнить:

«Очень рад Вашему сообщению, что скоро ожидаете полного разгрома Деникина, но боюсь чрезмерного Вашего оптимизма.

Поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия. Используйте пленных архиэнергично для того же».

— Вот так,— сказал Тухачевский, пряча бланк в полевую сумку.— Продолжайте наступление, бейте Султан-

Гирея. Вам поручено — с вас спросим. А думать надо о новых сражениях.

— Значит, завершается один бой и начинается следующий... Ну что же, нам не привыкать. Будем готовиться,— заверил Климент Ефремович.

4

Два бронепоезда и сводный пехотный полк, наполовину состоявший из офицеров, прикрывали отход белых вдоль железной дороги. Они не только замедлили продвижение красной конницы, но и причиняли ощутимые потери. Действовали деникинцы умело — не подступиться. Пока один бронепоезд менял позицию, другой отражал натиск. Медленно откатывались белые от рубежа к рубежу, навязывая свой темп, что никак не устраивало Буденного. «Наступайте быстрей, решительней!» — требовал Семен Михайлович.

Эскадрон Миколы Башибузенко получил необычный приказ: ночью пройти незаметно во вражеский тыл, добраться до предгорий и там взорвать железнодорожный путь, пролегающий в глубокой скалистой выемке. Такой взрыв учинить, чтобы каменная стена ущелья рухнула, засыпав рельсы. В ловушке окажутся бронепоезда, эшелоны с военным имуществом.

С вечера и почти до рассвета эскадрон шел переменным аллюром по подмерзшей дороге. Минут десять — пятнадцать грели коней рысью, потом переводили на шаг. Чтобы и к сроку успеть, и коней не загнать.

Времени — в обрез. Большую казачью станицу, лежавшую на пути, Башибузенко решил не объезжать. Велел поснимать звездочки, у кого были. И буденовки тоже. Закутаться башлыками.

На окраине станицы — сторожевая застава: пожилые

бородатые казаки с пулеметом. Окликнули, приказали остановиться. Выехал вперед скуластый, узкоглазый Калмыков.

Рядом — горделивый Сичкарь: под буркой видна черкеска с газырями, на ногах — мягкие козловые сапожки. Бросил небрежно:

— Из «дикой» дивизии князя Султан-Гирея. Пропустить!

— А чего в тыл правитесь?

— Маршрут выведываешь, большевистская морда!

— Извиняйте, ваше благородие! — выскочил вперед старший заставы.— Порядка не знает!

— Плетюганов ему, чтобы знал!

Казаки торопливо сняли с дороги спираль из колючей проволоки, сошли на обочину, пропустив эскадрон. Больше никто их не останавливал.

Башибузенко и Леснов ехали рядом, почти не разговаривая. Внешне вроде бы ничего не изменилось за последнее время в их отношениях, взаимную привязанность испытывали по-прежнему, но ощущался все-таки легкий холодок, едва приметное отчуждение. И виной этому была, несомненно, Ася. Микола неловкость испытывал перед комиссаром. Формально Ася числилась при дивизионной медслужбе, но почти всегда находилась вместе с мужем. Женщина бойкая — договорилась с начальством, прикрепили ее к эскадрону. Башибузенко никак не мог обойтись без своей законной. И скучал, и ревновал, если не видел несколько дней. Ее и сейчас черт понес в этот рейд. Затихла на тачанке, укрывшись буркой. Роман очень не одобрял такое поведение, такие вольности, мешавшие службе.

Опередив эскадрон, выехали они вместе с проводником из местных жителей на заросший кустами увал. Светало. Сквозь поредевшие сумерки виднелось неровное, изрезанное овражками поле. Все яснее проступали дома

железнодорожной станции, очертания гор, узкий разрез ущелья, куда убегали стальные полосы и где следовало учинить завал.

— Вон там возле станции окопы,— показал рукой проводник.— А перед ущельем мостик и проволока в три ряда.

— Дрыхнут небось беляки,— зевнул Башибузенко.— На заре самый сон.

— Пулеметы у них,— предупредил проводник.— А поле воронками исковыряно. Лучше бы коней здесь оставить и по кустам пеши. Прямо к окопам выведу.

— Эх, сапоги заляпаем! — Башибузенко спрыгнул с жеребца и скомандовал: — К пешему бою слезай! Коноводам — в балку. Тачанки на увал. Черемошин с двумя «гочкисами» — на ту горушку. Прикроешь в случае чего, на себя беляка отвлечешь!

Спешенный эскадрон привычно и быстро разворачивался в цепь.

5

— Что это у тебя настроение веселое, вроде «наурскую» собрался плясать, а, Клим Ефремович? — спросил Буденный.— Будто и радоваться особенно нечему...

— Есть причина, Семен Михайлович, и очень даже приятная! — У Ворошилова лицо сияло, блестели карие глаза.— Сообщение получил из Москвы: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет разобрал дело нашего дорогого Саши. Учли там преданность товарища Пархоменко революции, его боевые заслуги и все безупречное прошлое. Помилован он целиком и полностью!

— Вот это новость! — Рука Буденного привычно потянулась к усам.— Куда ж он теперь?

— Предложили на выбор в любую армию, на любой фронт, а он только к нам. Хоть на какую должность.

— Принципиальный,— уважительно произнес Буденный трудное слово.— Где поскользнулся, там и встать хочет.

— Может, дать ему четырнадцатую кавдивизию?

— Прямо сразу? — усомнился Буденный.

— Опыта у него достаточно. Сейчас важно недоверием не обидеть.

— Пожалуй, правильно.

— А в четырнадцатой дивизии Пархоменко знают, там половина бойцов — его земляки из Донбасса.

— Решено! — стукнул ножнами шашки Семен Михайлович.

6

Быстро вошел ординарец:

— Семен Михайлович, вас к аппарату. Говорят из белого тыла.

— Узнай сам.

— Семен Михайлович, это наши, которых путь подорвать послали, эскадрон Башибузенко.

Буденный глянул на Ворошилова:

— Пойдем вместе.

Аппарат четко выстукивал тире и точки. Телеграфист громко читал по складам:

— Докладывает военком Леснов. Приказ выполнен, станция закупорена. Эскадрон окружен. Попытка прорваться в горы не удалась. Надежды нет!

— У аппарата Буденный. Сколько продержитесь?

— Часа полтора.

Ворошилов посмотрел на карту:

— Как помочь им?

— Никак,— отрезал Буденный.— Не успеем. Больше тридцати верст.— И снова телеграфисту: — Бейте на одном участке, где противник слабее.

— Атаковали три раза, понесли потери. Не можем поднять людей. Все. Прощайте, товарищи!

— Я тебе покажу «прощайте»! — выругался Буденный.— Это не ему... Стучи так: «Всеми силами — в одном направлении!»

— Пластуны рядом... Кончаю.

— Подожди! — шагнул к аппарату Климент Ефремович. Губы словно обескровились на побагровевшем лице.— Говорит Ворошилов... Вперед, комиссар! Веди коммунистов!

— Станция не отвечает! — вскинулся телеграфист.

— Все равно передавай!

«Веди коммунистов! Веди коммунистов! Веди коммунистов!» — отбивал телеграфный ключ.

7

По цепи пронеслось:

— Коммунисты, к комиссару! Быстрей!

Ползком, перебежками добирались они до выгоревшей изнутри конюшни, где за толстыми обугленными бревнами укрылись Леснов и раненный в голову Башибузенко. Перепуганная Ася пыталась перевязать его, но бинт выскальзывал из рук, съезжал Миколе на лоб, закрывал глаза.

— Отстань! — не выдержал он.— Поверх скобануло, само зарастет! — И, сорвав бинт, плотней надвинул на рану кубанку, придавил сверху.

Как всегда холодно-безучастно тянул самокрутку командир взвода Сичкарь. Щурился, глядя в синеву расчистившегося неба. Лишь пальцы выдавали волнение, шеве-

лились беспокойно, поигрывая наборным ремнем, кинжалом... Рядом присел на корточки закадычный дружок Кирьяна Иван Ванькович, тоже торопливо сворачивал «козью ножку».

Роман осмотрелся: все были здесь. Пантелеймон Громкий тяжело дышал после перебежки. У Пантелеймона Тихого сочилась из носу кровь — контузило близким разрывом. Каменюкин потирал тяжелой ладонью плоскую, заросшую щетиной щеку. Сжался, втянул голову в плечи Сазонов, мало бывавший в боях. Молодые ребята Шишкин, Зозуля и Колыбанов вопросительно, с надеждой смотрели на комиссара.

— По команде поднимемся разом! — отрывисто произнес Леснов.— И не ложиться! Только вперед — другого выхода у нас нет. Шинели на проволоку! Добежим — всем спасение. Остановимся — конец!

— Зачем долгий балачка? — поморщился Калмыков.— Все видят, чего надо. Бери граната — и айда!

— Высоко пулемет-то, как докинешь снизу?! — сказал Пантелеймон Громкий, никогда не умевший промолчать.— По скале придется...

— Крылья бы тебе,— съязвил Сичкарь.— Ангельские.

— Все, товарищи. По местам! — прервал его Леснов.— Ты как, Микола, не отстанешь?

— Силенка ишшо есть, кровь не вытекла.

— Я при нем! — торопливо сказала Ася.

— Отступись,— пренебрежительно хмыкнул Башибузенко и покривился от боли, вставая.

Втроем перебежали они от конюшни ближе к ручью, залегли. Леснов приподнялся на локте. Сзади стрельба раздавалась совсем близко. Белые не спешили, понимая, что буденновцам не уйти. Давили плотным огнем. А пулемет на скале молчал. Там ждали атаки, чтобы косить бегущих прицельно, наверняка.

Справа изготовились к рывку громоздкий Каменюкин

и поджарый, ловкий, хищно ощерившийся Сичкарь. Мелькнула мысль: Кирьян-то еще не в партии...

Ну, пора!

— Коммунисты! — Он не узнал свой звонкий, до предела натянутый голос. Помедлил долю секунды, оторвал от спасительной земли тело, ставшее вдруг чужим, невесомым.— Коммунисты, за мной!

И больше ничего не помнил, ничего не видел, кроме отвесной серой скалы впереди. Задыхался от нехватки воздуха, наверно, кричал что-то, а ноги сами несли его по скользкой земле, по воде.

Мелькнуло страшное, залитое кровью, с выбитым глазом лицо Каменюкина, падавшего, раскинув руки, на проволоку. Нечеловеческий, в последнем напряжении, хрип:

— По мне, комиссар! По мне!

Преодолевая ужас, мгновенно понял Роман, что так надо и для него, и для Каменюкина, и для всех. Прыгнул на обмякшее тело шахтера и оказался за проволокой, под скалой, где еще не было никого из своих.

Горячим сekануло в плечо, и он, слабея, подумал: это конец, ему не добраться, не доцарапаться до вершины. Пулемет грохотал близко, прямо над головой. Выдергивая зубами чеку гранаты, Роман успел еще оглянуться, разом охватить все. Кривоногий Калмыков был выше других, лез, цепляясь за выступы. Пластался по крутизне, извиваясь ящерицей, гибкий Сичкарь с кинжалом в зубах. Увидел трупы внизу, Миколу Башибузенко, который исступленно рубил палашом колючую проволоку...

Он совсем не ощущал левую руку и понял, что сейчас сорвется с откоса. Последним усилием метнул гранату и, уже падая, беспомощно переворачиваясь в воздухе, заметил еще чью-то «лимонку», летевшую на пулемет: две ярких вспышки ослепили и оглушили его.

8

Прошел этот день, один из многих боевых дней в истории Первой Конной, далеко не самый трудный для красных кавалеристов. Скорее — вполне удачный. Рассеяны были остатки войск Султан-Гирея, мешавшие двигаться на Екатеринодар. Освобождено несколько станиц. Эскадрон, посланный в предгорья, во вражеский тыл, разрушил железнодорожную станцию. Отступая, беляки вынуждены были бросить там два бронепоезда, вагоны с боеприпасами.

Климент Ефремович связался наутро с командиром полка, подробно расспросил, как вышли к своим уцелевшие бойцы эскадрона, где похоронены Леснов и другие коммунисты. Позвонил Екатерине Давыдовне, чтобы в газете напечатали о героях.

Как-то раз, когда уже был занят Майкоп и военные действия почти прекратились, смущенный ординарец доложил:

— Там к вам делегация прибыла, человек сорок. Просят выйти.

— Зачем?

— Говорят, по личному и очень важному делу.

Ворошилов потуже затянул ремень с кобурой револьвера.

Люди ожидали его в строю. Вычищенные лошади — ровной шеренгой. До светлого сияния надраены металлические части сбруи. Всадники словно явились на торжество: все выбриты, одежда аккуратно заправлена.

На правом фланге двое: могучий Башпбузенко, голова его опластована бинтами, на фоне которых особенно выделялись черные, до ушей, усищи, и незнакомый Клименту Ефремовичу боец в косматой папахе уссурийского казака. Он смущенно улыбнулся при виде Ворошилова.

Башибузенко покосился на бойца, хмыкнул недовольно. Спрыгнул с коня, шагнул к члену Реввоенсовета:

— Прибыли всем эскадроном! Которые в том бою были — все тут! — доложил он.

— Когда погиб Леснов? — уточнил Климент Ефремович.

— Так точно, когда сложил свою голову наш дорогой товарищ комиссар и наш друг Роман Леснов,— у Башибузенко голос перехватило от волнения. Однако справился, продолжал торжественно: — И погибли геройски все наши партийные коммунисты, окромя Нила Черемошина, который был в пулеметной засаде и потому уцелел, а теперь он у нас вроде бы комиссаром...

— Исполняю обязанности,— сказал Черемошин.

— И очень даже правильно их исполняет,— пояснил Башибузенко.— А прибыли мы к вам, товарищ Ворошилов, по самому важному делу. Не берут нас!

— Куда не берут?

— Порешили мы все записаться в партию заместо наших геройских товарищей, которые своими жизнями для нас путь вымостили и навечно стали нам самым главным примером... И я, и Сичкарь, и весь эскадрон. Чтобы во всем — как Роман Леснов, как Иван Калмыков, как дорогие братья Пантелеймоновы и шахтер Каменюкин.

— На смену погибшим братьям!

— Вот и мы так гутарим! — обрадовался поддержке Башибузенко.— А политотдел не берет!

— В политотделе требуют, как положено,— объяснил Черемошин.— От каждого — заявление, каждую кандидатуру рассмотреть и обсудить по отдельности. А наши хотят за всех погибших — все вместе!

Десятки глаз с надеждой смотрели на Ворошилова. Отказать сейчас — значит обидеть бойцов в их самых лучших, самых искренних чувствах. Но и от правил тоже никуда не уйдешь?!

А, ладно!

Климент Ефремович повернулся к ординарцу:

— Вот что, Алеша, давай сюда бумагу и карандаши, сколько есть. Пусть сейчас же пишут заявления. А полковая ячейка немедленно, сегодня же разберет. Я звоню комиссару полка, чтобы собрал коммунистов.— Улыбнулся повеселевшим людям.— Все грамотные, товарищи?

— Заявление составить каждый смогет. Не зря учил нас Рома Леснов, вечная ему память,— с достоинством ответил Башибузенко.

Глава десятая

1

«Поезд особого назначения» почти весь состоял из цистерн с нефтью, которую удалось с великим трудом собрать для столичных заводов на промыслах освобожденного Майкопа. В хвосте — два вагона. Один пассажирский, другой товарный, с мукой и сахаром: подарок бойцов Первой Конной Владимиру Ильичу Ленину.

Ясным и теплым утром 30 марта поезд отправился из Ростова. Едва проплыли за окном салона окраинные дома, Ворошилов и Буденный пошли каждый в свое купе. Готовясь к отъезду, не отдыхали целые сутки. Армию оставили на Щаденко, распоряжения штабу отданы, с Тухачевским и Орджоникидзе поговорили, посоветовались. Все вроде в порядке, можно было бы и поспать, но мешал яркий, бодрящий свет солнца, тревожили мысли о предстоящих делах и встречах в Москве.

Их вызвали к Главнокомандующему Вооруженными Силами республики Сергею Сергеевичу Каменеву, чтобы решить вопросы, связанные с переброской Первой Конной армии на Украину. Вероятно, стоило проя-

вить настойчивость,— и этой поездки можно было бы избежать, уладив все с помощью Тухачевского и старого знакомого — Александра Ильича Егорова, который возглавлял теперь Юго-Западный фронт: в его распоряжение и передавалась Конная армия. Семен Михайлович, кстати, не очень-то рвался в столицу: на месте забот хватало. Однако Климент Ефремович считал, что такая поездка необходима. Буденному полезно познакомиться с командованием Вооруженными Силами, чтобы он знал всех и его знали, имели о нем представление реальное, а не понаслышке. Может, удастся добиться помощи Первой Конной, хотя бы обмундированием.

Для самого Климента Ефремовича главным было другое. Вчера в Москве открылся IX съезд партии, очень хотелось побывать в это время в столице, встретиться с друзьями-товарищами, почувствовать пульс всей республики. И уж совсем хорошо было бы поговорить с Владимиром Ильичем, рассказать о своей армии, выяснить, каково положение на западной границе, неизбежна ли война с панской Польшей... Мысль о такой встрече и радовала и тревожила Климента Ефремовича. Он знал, что Тухачевский и Орджоникидзе дали самый хороший отзыв о состоянии Первой Конной, о ее боевых действиях. Но ведь кто-то раздувал и наверняка продолжает раздувать зловредные слухи о Конармии.

Давно не видел Владимира Ильича, даже не представлял, как он сейчас выглядит.

Каким молодым, полным энергии был Владимир Ильич перед IV съездом, когда Ворошилов впервые встретил его! Что особенно запомнилось, так это живость, одухотворенность Ленина. И очень выразительные глаза. Они то искрились весело, то подбадривали доброжелательно, а иногда и жесткая решимость, неумолимость светилась в них. И еще — быстрый, почти неуловимый жест, тоже имевший много оттенков.

Выступал Владимир Ильич без всякого артистизма, очень просто и естественно, будто разговаривал со слушателями, вовлекал их в свои рассуждения, покоряя обоснованностью, закономерностью выводов, словно ты сам пришел к этим выводам вместе с оратором. Климент Ефремович испытывал настоящее удовольствие, слушая Ленина, не говоря уж о той пользе, которую черпал из каждого его выступления.

На съезде в Стокгольме Ворошилов близко познакомился со многими большевиками, твердо стоявшими на позициях Владимира Ильича. Особая дружба установилась у него с Артемом-Сергеевым, с Фрунзе и Калининым. Вероятно, потому, что все они были делегатами из рабочих районов. Эта четверка была неразлучна. Делились впечатлениями, обменивались мнениями. И споры случались. Но в главном были совершенно единодушны: считали, что в лице Ленина рабочий класс и все трудящиеся России имеют вождя, обширные знания, идейная убежденность, организаторские способности которого обязательно приведут партию и народ к революции.

Владимир Ильич приметил дружную четверку, однажды подошел к молодым людям:

— Вы так своей кучкой, одной компанией и держитесь. Это хорошо. Была у нас «Могучая кучка» композиторов: Римский-Корсаков, Балакирев, Бородин, Мусоргский и другие. Они сказали свое слово в искусстве. А рабочий класс — это уже могучая организация. И нам предстоит, дорогие товарищи, не только сказать новое слово в революционной борьбе, но и покончить со старым миром угнетения и насилия...

Расспрашивал Владимир Ильич о проведении забастовок, о создании боевых дружин, о настроении рабочих, о привлечении молодежи к революционной борьбе. Несколько раз обращался к Ворошилову: очень интересовали Ильича подробности восстания в Горловке.

Окрыленным приехал тогда Ворошилов из Стокгольма, и эта окрыленность, обретенная в общении с Владимиром Ильичем, крепко помогла ему в трудной повседневной работе. А вот после второй встречи с Лениным остался на душе неприятный осадок, долго мучило раскаяние. Было это на V съезде партии в Лондоне, весной 1907 года. Климент Ефремович к этому времени имел, конечно, практический опыт, однако по молодости склонен был переоценивать свои возможности. Особенно когда дело касалось теории.

Владимир Ильич высказал мысль: а не укрепить ли состав ЦК рабочими непосредственно с фабрично-заводских предприятий, которые хорошо знают местные условия и настроение масс. Такими, к примеру, как Ворошилов и другие товарищи. Следует подумать, обсудить это. Ведь рабочие в составе ЦК были бы своеобразными мостиками или балками, которые еще более укрепляют связь руководящего органа партии с рабочим классом и всеми трудящимися.

Вот тут и вскочил Климент Ефремович, попросил слова, отвел свою кандидатуру. И остроумно, как сперва показалось ему, заметил: я, мол, не думаю, будто нашей партии, являющейся сердцевиной рабочего класса, для связи ЦК с рабочими нужны какие-то балки.

Ленин слушал его очень внимательно. Потом засмеялся, шутливо погрозил. Климент Ефремович будто услышал: «Ну и городишь ты, молодой человек!» Но Владимир Ильич произнес мягко, словно бы извиняя:

— Ведь это же только предположение...

Съезд продолжал работу, Климент Ефремович часто виделся с Лениным, разговаривал с ним, испытывая такую неловкость, что стеснялся смотреть в понимающие, чуть насмешливые глаза Владимира Ильича. Ни разу не напомнил он Ворошилову о его словах... Тактичный человек. Или просто не придал им значения? А Климент

Ефремович долго потом ругал себя: новоявленный «теоретик» выскочил, когда не спрашивали.

Сколько уж лет с той поры пронеслось, а вспоминать все равно стыдно.

Ну, это прошлое, а сейчас о чем в первую очередь рассказать Ильичу, если доведется увидеться? Ленина, конечно, интересует постановка партийно-политической работы. Надо доложить, что готовится 3-я партийная конференция Конной армии. Она будет проведена сразу после IX съезда партии. Делегатов на эту конференцию соберется много, партийные ячейки быстро растут. Теперь они созданы не только во всех полках, во всех эскадронах, но даже во взводах. Каждый боец чувствует на себе влияние коммунистов.

Конная армия многонациональна по своему составу. В ее рядах русские и украинцы, белорусы и калмыки, грузины и латыши, армяне и чехи, поляки и немцы, сербы и турки. Все они верно служат революции, трудовому народу... Пожалуй, Владимиру Ильичу интересно будет узнать, что в Конной армии сейчас тридцать восемь школ грамоты и около сотни библиотек и библиотечек. Небольших, конечно. Кавалеристы возят с собой книги, учебники, «походные буквари». Вспомнились слова, прозвучавшие на прошлой конференции: «Доставку литературы приравнять к доставке боеприпасов...»

В коридоре вагона раздалось покашливание. Что-то звякнуло: похоже, Буденный защелкнул свою жестяную коробку с махоркой. Сейчас задымит. Значит, и ему не спится.

Выйти, поговорить? Нет, надо отдохнуть хотя бы до обеда. Закрыть глаза и приказать себе: «Спи!» Раньше это легко получалось. И пока на заводе работал, и в ссылке. Мог заснуть в любое время суток, когда позволяло время,— такая выработалась привычка. А теперь гораздо труднее. Нервы не те: сказывается груз забот и ответственности.

2

Семен Михайлович действительно тоже не мог заснуть. Глядел на проплывавшую за окном степь, освобождавшуюся от снега, и думал. Это ведь сказать просто: перебросить армию с одного фронта на другой, с Кубани на Украину, больше чем за тысячу верст. Кавалерийские полки, пулеметы, артиллерия, обозы, бронеотряды, санитарные подразделения, склады, учреждения. Как переместить такую махину?

Есть два способа. Один — обычный, всем известный: погрузить войска, имущество в вагоны, отправить по железной дороге. О другом способе сказал ему Тухачевский.

— Главком запросил наше мнение об отправке Первой Конной на запад. Мы ответили: наиболее целесообразно двигаться самостоятельно, походным порядком.

Семен Михайлович не сумел скрыть удивления и даже некоторой растерянности. Он понимал: мысли у Тухачевского очень даже правильные, точные, но антипатия к «желторотому мальчишке» всегда давала себя знать. Михаил Николаевич чувствовал это, говорил с Буденным сдержанно, суховато, даже с оттенком снисходительности, подробно, до мелочей, объясняя свои предложения или распоряжения.

— У нас, товарищ Буденный, нет подвижного состава, чтобы за короткий срок перебросить такую массу конницы эшелонами. Пропускная способность железных дорог юга сейчас слишком мала. Познакомьтесь с нашими расчетами,— протянул он бумагу Семену Михайловичу.— Тут цифровые выкладки. Командующий Юго-Западным фронтом Егоров согласен с нами. Свое мнение мы оба сообщили Главкому Каменеву.

Семен Михайлович не мог сразу согласиться: целую армию своим ходом?!

А Михаил Николаевич, видя его сомнения, продолжал:

— При острой нехватке вагонов мы сможем отправлять один эшелон в сутки. На сколько же времени затянется переброска? Ваши дивизии будут прибывать в район сосредоточения каждая в отдельности, с большими интервалами. Их будут бросать в бой поодиночке, подчинять разным начальникам. Конная армия может растаять, потерять свое значение. А она важна для республики как сильное и маневренное объединение для нанесения мощных ударов, для достижения стратегических целей.

Хотел того Тухачевский или нет, он задел в Семене Михайловиче самую уязвимую струну. С железным упорством, с яростью отбивал он любую попытку изъять из его подчинения хотя бы один эскадрон, причинить малейший ущерб Первой Конной. Как жестокую личную обиду воспринимал подобные намерения, даже если диктовались они обстановкой, необходимостью. Не признавал никаких доводов. Стоял на своем: создать Конную армию очень трудно. А растащить, раздергать — проще пареной репы.

Выслушал Тухачевского и решил тогда твердо: отправлять Конную армию по частям он не позволит...

Покосился на дверь купе, в котором отдыхал Ворошилов. Посидеть бы вместе, потолковать, да жаль будить человека.

3

До Москвы «поезд особого назначения» шел трое с лишним суток. Тащился бы и еще дольше, если бы не энергичное вмешательство Ворошилова, который умел разговаривать с железнодорожниками, с начальниками

станций. К тому же запас топлива взяли с собой изрядный: уголь, дрова. Двигались, можно сказать, своим паром.

Эта поездка и Климента Ефремовича убедила, что с железной дорогой лучше не связываться. Распылят армию по станциям и полустанкам, по запасным путям — не разыщешь, не соберешь. А вот в Москве, в штабе Главкома, как выяснилось, думали не совсем так.

Сергей Сергеевич Каменев выслушал доклады своих помощников, потом соображения Буденного и Ворошилова, но окончательного вывода не сделал. Посоветовал взвесить, проанализировать оба варианта еще раз.

— Колеблется Каменев,— рассуждал Климент Ефремович, когда они, расстроенные, возвратились в гостиницу «Националь».— А почему? Необычности, новизны опасается?

— Он вроде бы человек с пониманием,— сказал Буденный,— а вот осторожничает. Вроде и готов поддержать, да на месте топчется.

Климент Ефремович знал, с какой неотвратимой настойчивостью способен Буденный добиваться того, что считал нужным.

— Куда же нам теперь обращаться?

— Переброской Конармии занимается полевой штаб Реввоенсовета республики и Главком.

— Там мы уже были.

— Но пока не армию, а нас перебрасывают из инстанции в инстанцию,— сказал Ворошилов.

Семен Михайлович сел к телефону. Созвонился с Михаилом Ивановичем Калининым, рассказал о своих трудностях, попросил совета. Калинин ответил, что подумает, как помочь, а пока пусть Семен Михайлович и Климент Ефремович приходят на съезд. После обеденного перерыва. Их пропустят.

Быстро одевшись, они отправились в Кремль вместе с делегатами, спешившими на очередное заседание. Климент Ефремович встретил несколько знакомых, обменялся рукопожатиями, а поговорить не успел.

У входа в Свердловский зал они увидели Ленина. Он шел по коридору, отвечая на приветствия делегатов. Заметив Ворошилова, остановился, пытливо глянул на Буденного. Тот оробел, вытянул руки по швам. Да и у Климента Ефремовича дыхание перехватило от волнения, когда увидел рядом знакомое лицо, только очень постаревшее, нездоровое, когда услышал голос, сохранивший все оттенки, звонкий, напористый, чуть картавый:

— Здравствуйте, товарищ Ворошилов... Давненько не встречались мы с вами.— Ленин опять внимательно, изучающе посмотрел на Семена Михайловича.— А это и есть тот самый знаменитый Буденный?

— Да, это командующий Первой Конной,— сказал Ворошилов.

— Как вы доехали, товарищ Буденный?

— Слава богу, Владимир Ильич,— вырвалось у командарма.

— Это, выходит, хорошо.— Ленин, улыбнувшись, тронул локоть Семена Михайловича и легким прикосновением словно снял напряженность.— Значит, «слава богу»! — засмеялся Владимир Ильич.— Ну, что же, товарищ Буденный, мне о вас Калинин много рассказывал и фотографию вашу передал, которую вы с ним послали. Спасибо.— И посерьезнев: — Очень важно, что наши командиры поднимаются из рядовых бойцов, им доверяют массы. Раньше вы, Семен Михайлович, командовали небольшим отрядом, а сейчас у вас целая Конная армия. Не трудно?

Вопрос насторожил Климента Ефремовича. Почему Ленин интересуется именно этим? Что ответит Буден-

ный, все еще смущенный, не справившийся окончательно с волнением?

— Владимир Ильич, товарищ Буденный пользуется в армии непререкаемым авторитетом. За своим командиром конармейцы пойдут и в огонь и в воду,— убежденно произнес Ворошилов.

— Ну что же, товарищи, кажется, нам пора на заседание. О ваших делах поговорим позже.

4

Ленин принял их сразу после заседания тут же в Кремле, у себя в кабинете. Усадил в кресла. Сам — возле стола. Попросил, чтобы принесли три стакана чаю. По всему видно было — приготовился к долгому разговору. Обратился к Буденному:

— Расскажите подробнее о ваших делах, о бойцах, об армии. Как относятся конармейцы к политике партии, к Советской власти? Какое у них сейчас настроение? Сколько у вас людей? Какой возраст преобладает?

— Средний примерно возраст,— ухватился Буденный за то, что попроще.— Лет от двадцати до тридцати. Народ бывалый, повоевавший. Есть, конечно, и постарше, и помоложе, но молодежь мы сразу определяем к тем, у кого опыт. Чтобы еще до боя молодняк обучить...

Голос Семена Михайловича звучал все увереннее. Заговорил человек о том, что хорошо знает, что ему дорого. Климент Ефремович маленькими глотками отпивал горячий, но жидкий чай, не прикасаясь к сахару. Несколько кусочков на блюдце, таких крохотных, что хоть в цейсовский бинокль разглядывай — вот как живет Ленин! Где уж поправиться, окрепнуть здоровьем!

Буденный умолк, и Владимир Ильич сразу спросил, весело щуря глаза:

— Вы на меня не обиделись?

— За что? — удивился Семен Михайлович.

— А моя телеграмма? Забыли?

— Как забудешь! Очень даже переживали с Климом Ефремовичем... Скажу на это: наши конники полностью выполняют все приказы Советского правительства, сражаются геройски, многие жизнь свою отдали.

— Без строгого порядка, без дисциплины побед не добьешься,— негромко добавил Климент Ефремович.

— Верю, товарищи. А за телеграмму на нас не сердитесь. Красная Армия — детище народа, его страж и надежда. И нам вовсе не безразлично, как ведут себя бойцы. Надо свято дорожить именем солдата революционной армии... Кстати, товарищи, Реввоенсовет дружно работает?

— Все главные вопросы обсуждаем вместе,— ответил Буденный.— Делить нам нечего.

— Случается, что и поспорим, но в конце концов всегда приходим к согласию,— подтвердил Климент Ефремович.

— Что же, выходит, мы правильно поступили, создав Конную армию. Таких армий не было в истории... Да, товарищи, революция ломает все старое, отжившее и выдвигает новые формы организации, в том числе и в военном деле...— Владимир Ильич задумался, припоминая что-то. Спросил: — С Главкомом о переброске армии на Украину вы говорили?

— Вопрос остался нерешенным. Нам предлагают перевозить армию поездами, а это невозможно.

— Почему? — Ленин был удивлен. Семен Михайлович заторопился, объясняя:

— Железные дороги разрушены. Мы вот ехали до Москвы, насмотрелись. На станциях нет фуража, даже воды. Не прокормим людей и лошадей, если закупорим их в вагонах.

— И вы так думаете? — обратился Владимир Ильич к Ворошилову.

— Да. Мы понимаем стремление главного командования как можно быстрей перебросить Конармию, но перевозить по железной дороге нельзя. У нас есть расчеты, подготовленные штабом Кавказского фронта.

— Любопытно послушать.

— Для погрузки людей, лошадей, вооружения нашей армии потребуется девяносто два эшелона по пятьдесят вагонов. Переброска автобронеотрядов, авиации, тылов, штабов потребует еще пятнадцать — двадцать эшелонов. Где найти столько вагонов и паровозов? В лучшем случае мы сможем отправлять один эшелон в сутки. Значит, на перевозку армии уйдет четыре месяца.

— Такой срок совершенно неприемлем... А что вы предлагаете?

— Двигаться походом, вместе со всеми обозами. При этом дивизии будут удовлетворять свои потребности за счет местных ресурсов. На марше все части будут находиться под контролем командиров, комиссаров и Реввоенсовета. Мы полностью сохраним боеспособность.

— И сколько же вам потребуется времени?

— Наполовину меньше, чем на переброску по железной дороге.

— Что-то я не совсем понимаю,— нахмурился Владимир Ильич.— Объясните, пожалуйста, подробнее.

— Про сотника Пешкова расскажи,— напомнил Ворошилову Семен Михайлович.

— Был такой любопытный пример,— улыбнулся Климент Ефремович.— Сотник царской армии проехал верхом тысячи верст из Средней Азии, из города Верного, до самой Москвы. У него все продумано было. За час переменным аллюром конь осилит восемь верст. В первый день сотник находился в пути три с половиной часа. За спиной — тридцать верст. На другой день — пять часов в пути и два на привал — сорок верст. Третий день самый напряженный: шестьдесят верст за семь ходовых

часов плюс три часа на большой привал. Зато следующий день — полный отдых и коню и всаднику. Вот и получилось, что за четверо суток Пешков одолевал сто тридцать верст без особой перегрузки.

— Но это один человек!

— Мы учитываем, Владимир Ильич. Если выдерживать темп Пешкова, мы пройдем тысячу верст за сорок суток. Прибавим еще десять дней на плохую погоду, на стычки с бандитами. Получается пятьдесят суток. Это не четыре месяца.

— Армия придет на фронт целиком, а не отдельными частями,— добавил Буденный.— На тренированных конях, сплоченная, готовая для удара.

— Все это звучит очень убедительно,— сказал Владимир Ильич.— Так и передайте Сергею Сергеевичу Каменеву...

Буденный торжествующе глянул на Ворошилова. Владимир Ильич заметил, улыбка тронула краешки губ. Продолжал:

— Каменев очень внимательный человек и нас с вами поймет... А вы, товарищ Ворошилов, насколько я знаю, из рабочих? Вы раньше не были кавалеристом?

— Не доводилось. У Семена Михайловича приобщился.

— Он теперь у нас настоящий красный джигит! — пошутил Буденный. И, видя, что Ленин отодвинулся от стола, давая понять, что деловой разговор окончен, произнес торжественно: — Дорогой Владимир Ильич, конармейцы прислали с нами свой скромный подарок — вагон сахара и муки. Он сейчас на станции.

— Большое вам спасибо, товарищи! — Ленин поднялся, протянул руку.— Передайте мою благодарность и привет конармейцам. Скажите, что партия и народ высоко ценят их героизм и преданность Советской власти...

А что касается подарка, отдадим муку и сахар детским домам. Согласны, товарищ Буденный?

— Вам виднее,— ответил Семен Михайлович.

— Значит, договорились. Но самым лучшим подарком для всех нас будут победы на фронте,— весело напутствовал Владимир Ильич.

5

Вернувшись в Ростов, часто вспоминали они разговор с Лениным.

— Вроде свежего воздуха полную грудь набрал! — поводил широкими плечами Семен Михайлович.— Какая теперь поддержка у нас! Только расспросить обо всем не успели,— задним числом сетовал он.

— Для того, чтобы обо всем, времени никогда не хватит. Главное прояснилось, а уж как добиться поставленной цели — это наша с тобой задача. Как ты говоришь, на бога надейся, а сам не плошай!

— Ладно уж про бога-то...— грозил пальцем Семен Михайлович.

Дел у них в эти дни было невпроворот. Армия готовилась к длительному маршу. В полках перековывали и откармливали коней, приводили в порядок снаряжение, заготавливали впрок сухари, сено, овес.

Своим ходом должны были двигаться к Днепру, в общем направлении на Киев, «старые» буденновские дивизии: 4-я и 6-я кавалерийские. Да и 11-я кавдивизия, влившаяся в армию сразу после Воронежа, тоже давно стала своей, «коренной». Значительно усиливала Первую Конную новая 14-я кавдивизия, формирование и обучение которой завершилось в Таганроге. В этой дивизии, которую иногда называли «шахтерской», особенно велика была партийная прослойка.

В армию была включена 9-я кавдивизия, хоть и малочисленная (всего тысяча человек), но хорошо оснащен-

вая, имевшая боевой опыт. И еще — кавалерийская бригада, почти полностью состоявшая из пленных казаков, с которыми предстояло много потрудиться политработникам. Эту бригаду Климент Ефремович держал под особым контролем, рассчитывая со временем использовать ее для пополнения постоянных дивизий.

К железнодорожным станциям стягивались тыловые учреждения, автоброневые и авиационные отряды. Им предстояло двигаться в эшелонах вслед за полевым штабом армии, вместе с четырьмя бронепоездами.

Климент Ефремович не скрывал своей радости: вот ведь какую силищу удалось им создать за несколько месяцев, превратить полупартизанские полки в организованные воинские части, преданные революции. Четко действуют политработники буквально во всех звеньях армейского организма. Но, пожалуй, особенно гордился Ворошилов тем, что все новые и новые рядовые бойцы и командиры вступали в партию. Дела, заботы партии становились понятными, близкими для сотен и сотен кавалеристов.

В минувшем декабре, когда Климент Ефремович прибыл в армию, в ней, по словам комиссара Кивгелы, было двести или триста коммунистов — даже учета настоящего не велось. К концу зимы партийные ячейки эскадронов и полков объединяли уже тысячу триста членов и кандидатов партии. Сколько их, замечательных товарищей, погибло потом в боях, выбыло по ранению, но их места занимали другие бойцы и командиры. И вот теперь, перед началом новых испытаний, в рядах Первой Конной насчитывалось уже более трех тысяч коммунистов.

Нельзя, наверно, выразить сухим языком математики кропотливый, малозаметный труд политработников, но две исходные цифры: неопределенные триста и три тысячи сто — были достаточно красноречивы. Во всяком случае, для самого Климента Ефремовича, в глазах ко-

торого вставали за этими цифрами дорогие ему люди, всплывали в памяти вместе пережитые тяготы, невозвратимые утраты, достигнутые победы.

И вот наконец, повинуясь приказу, всколыхнулась, двинулась конная армада! Выступили с хуторов, из станиц эскадроны, ручейками сливаясь на дорогах в струи полков, в мощные потоки дивизий. 20 апреля в десять часов утра головные колонны Конармии вошли в Ростов.

Было тепло, солнечно. Лопались почки. Легкая зелень молодых листьев опушила деревья. Издали услышав ликующую медь полковых оркестров, выбегали из домов жители, заполнили Темерницкий проспект, Садовую улицу и все примыкающие переулки. Люди теснились на тротуарах, смотрели с балконов, из распахнутых окон на яркие знамена, на строгие ряды всадников, на пулеметные тачанки и артиллерийские упряжки, громыхавшие по мостовой. Так начался необыкновенный, никем не запланированный парад, продолжавшийся потом двое суток, пока проходили через город бригада за бригадой, дивизия за дивизией.

Ворошилов и Буденный долго стояли на втором этаже штабного здания возле широкого окна. Семен Михайлович заметно волновался, без надобности постукивал об пол тяжелыми ножнами шашки. Клименту Ефремовичу тоже трудно было сохранить спокойствие. Конная армия — родное их детище!

Сейчас, конечно, Тухачевский, Орджоникидзе, весь штаб фронта тоже на конницу смотрят. Мнениями обмениваются. Ну, они-то знают, что представляет собой Первая Конная. А с каким любопытством и дружелюбием, с восторгом или ненавистью тысячами глаз глядит на красную кавалерию город?! Где-где, а здесь, на стыке трех казачьих войск, понимают толк в коннице!

Ну что же, пускай оценивает народ. Конечно, кони в эскадронах разной масти, и породы разные. Рядом с кра-

савцами дончаками и кабардинцами идут тяжеловесные ардэны и работящие крестьянские лошадки. Опытный глаз выделит и чистокровок, и арабов, и даже несколько почти исчезнувших за войну светло-серых грациозных представителей стрелецкой породы, отменно понятливых, восприимчивых к ритму, к музыке.

Нет в эскадронах однообразия, зато все кони ухожены, вычищены, откормлены, легко и бодро несут своих седоков. Вьюки, седла, сбруя старенькие, чиненые-перечиненые, но в таком порядке, что и самый въедливый урядник не придерется.

Всадники слиты с конями. Наиболее лихие бойцы в полку Особого назначения, который двигается головным. Здесь теперь собрана буденновская гвардия. Усы у многих — как у самого командарма. На гимнастерках, на черкесках сверкают революционные ордена. Песню рванули озорно, с гиканьем и лихим посвистом:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор.
На просторе хочет силушку набрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать!

Очень даже к месту такие слова. Павел Васильевич Бахтуров, комиссар 6-й кавдивизии, постарался, сочинил! Клименту Ефремовичу это особенно приятно — вот какие у нас комиссары! Сами воюют, сами песни слагают!

Вооружены бойцы карабинами и шашками. Редким леском проплывают иногда пики. Кое-кто из донцов еще с германской войны привержен к ним. А вот чего раньше не бывало в кавалерии — у многих всадников, даже у рядовых бойцов, револьверы на поясе. Пуля все же быстрее любого коня.

Людьми, их выправкой Ворошилов доволен. Только обмундирование подводит. Самое, пожалуй, уязвимое место сейчас в Конармии. Сносно экипирована лишь но-

вая 14-я кавдивизия да еще пленные казаки. В других полках чего только не увидишь! Разноцветные кубанки на головах рядом с серыми шлемами-буденовками, офицерские и казачьи фуражки, гражданские кепки. Шапки виднеются, даже шляпы.

Многие кубанцы и терцы в черкесках с яркими бешметами, донские казаки в мундирах, в широких синих шароварах с лампасами. Вкрапливается светлая зелень трофейной английской формы. Под бурками, под обветшавшими шинелями, под обыкновенными пальто у кого гимнастерка, у кого френч, у кого пиджак или просто рубаха.

Особенно скверно обмундирована 11-я кавдивизия. Ядро ее — сознательные рабочие и крестьяне центральных губерний. В бою — орлы. А для себя плохие добытчики: трофеи не разберут, захваченный обоз не растащат. Места здесь, на юге, для них чужие, земляков, родни нет, одежонку позаимствовать не у кого. Валенки, полученные осенью, совсем развалились, да и сапогам давно срок вышел. Не обувь — самодельные опорки, сшитые из кусков кожи и тряпок. Умудрились бойцы даже такие опорки начистить. Но глаза не смотрели бы на этот блеск.

Покосился на Семена Михайловича. Командарм хмурился, покусывая ус.

— Не переживай,— дружески толкнул его Ворошилов.— Тридцать тысяч пар сапог нам выделено... Грузят в Сарапуле.

— Откуда знаешь?

— Утром с Егоровым говорил. Добился.

Буденный, не сдерживая порыва, сильной рукой обнял плечи Климента Ефремовича.

— Помнишь, Клим, когда Ростов взяли, ты подскакал и сказал, что два черта во мне?

— Помню, а что?

— А то, что в тебе самом тоже два черта! — засмеялся Буденный.

6

25 апреля войска панской Польши, отлично оснащенные и вооруженные Антантой, начали наступление по всему фронту. Малочисленные дивизии 12-й и 14-й советских армий, оборонявшие Украину, не выдержали натиска, дрогнули, покатились на восток, открывая дорогу врагу. Белополяки продвигались, почти не встречая сопротивления. 6 мая они вышли к Днепру, захватили Киев.

Зашевелились в Крыму отдохнувшие, воспрявшие духом белогвардейцы, рассчитывая захватить Северную Таврию, сомкнуться единым фронтом с поляками.

Подняли головы, оживились разномастные, тайные и явные противники Советской власти. Загуляли в степях разбойные банды.

Казалось, что у молодой республики, которая истощена была жестокими битвами, долгим военным напряжением, в которой почти не осталось действующих заводов, фабрик, железных дорог,— у этой республики нет больше реальных сил, способных отбить новое, тщательно организованное нападение. Ни белополяки, ни Врангель, ни их зарубежные покровители не ждали от красных стойкой обороны, и тем более — решительного противодействия.

А между тем из далеких просторов уже шла навстречу врагу Конная армия, катились по проселкам триста пулеметных тачанок и шестьдесят артиллерийских орудий. Но не в них, не в пулеметах и пушках была главная мощь красной конницы. Привычно покачивались в седлах шестнадцать тысяч отборных бойцов. Вроде не так уж и много по сравнению со стотысячными вражескими войсками. Но каждый из буденновцев прошел если не три, не две, то уж, во всяком случае, одну войну, самую трудную — гражданскую. Три четверти бойцов несли на себе затянувшиеся рубцы сабельных ран и шрамы, оставшиеся от пуль и осколков. Каждый испытал все, что

только доводится испытать в бою, и достиг совершенства в воинском мастерстве.

Эти люди объединены были не только воинской дисциплиной, узами фронтового братства, но и великой верой в то будущее, к которому звала их партия.

Из каждых пяти бойцов, отправившихся в этот легендарный поход, один был коммунистом. Надежный цемент! Любой полк, скрепленный таким цементом, стоил трех, а то и четырех вражеских полков. И сравнивать не надо, потому что монолит Первой Конной в ту пору был выше всяких сравнений.

Польские солдаты отдыхали на зеленом берегу Днепра, беззаботно гуляли по улицам, разглядывая достопримечательности древнего Киева. И никто не предполагал тогда, что через месяц Конная армия в составе войск Юго-Западного фронта страшным ударом взломает, разрушит вражескую оборону, пересечет Днепр и неудержимой лавиной хлынет по тылам противника, сметая войска, пытавшиеся остановить ее. От Киева до Львова прорубит она победный путь и этим предопределит исход всей последней военной кампании, последней попытки Антанты уничтожить молодую республику. Скоро, скоро испытает на себе враг неотразимую силу ударов буденновской конницы.

А пока еще далеко от фронта день за днем упрямо двигались по весенней степи полковые колонны со строгими интервалами между эскадронами и батареями, с четкими звеньями — тройками в каждом ряду. Привычные кони сами держали строй.

Опередив свои эскадроны, подставляя лица теплому солнцу, ехали двое: Ворошилов — на гнедом Маузере и Буденный — на любимом выносливом дончаке. Стремя в стремя — два друга, два соратника, чья взаимная верность была скреплена пережитыми трудностями, пролитой кровью, совместной борьбой.

Скреплена навсегда. На всю оставшуюся жизнь.

Эпилог

«Я благодарен своей судьбе за то, что мне выпал именно тот путь, который мне довелось пройти»,— написал он незадолго до смерти...

Не судьба выделила его и направляла в этом пути — он сам избрал для себя наиболее трудную дорогу и шагал по ней, не отступая ни перед какими тяготами. Он преодолел все ступени с самого низа до самого верха, испытал все, начиная от унижения в полурабском труде до всемирной славы.

Он был батраком, чернорабочим — стал специалистом высокой квалификации. Он был подпольщиком, профессиональным революционером и стал одним из верных соратников Ильича, одним из руководителей партии большевиков. Он создавал первые рабочие дружины на баррикадах 1905 года, организовал первые полки для защиты завоеваний Октябрьской революции — и стал маршалом, многие годы возглавлял все Вооруженные Силы социалистического государства. Поздно овладел он азами грамоты, к искусству приобщился в церковном хоре, упорно занимался самообразованием в тюрьме, в ссылке — и достиг многого. Его мнение ценили Илья Ефимович Репин и Алексей Максимович Горький.

Велик перечень дел, которые он свершил, перечень высоких постов, которые он занимал.

В марте 1921 года революционные заслуги Ворошилова были особо отмечены товарищами по партии: на X съезде коммунистов страны его избрали членом Центрального Комитета. И с тех пор почти полвека удостаивался он такой чести. На протяжении долгих лет Климент Ефремович Ворошилов был членом Политбюро, Президиума ЦК партии, входил в состав высшего руководства партией и государством.

Вместе с Михаилом Васильевичем Фрунзе много энергии отдал он борьбе с троцкистами за создание сильной, дисциплинированной, технически оснащенной Красной Армии. Полтора десятилетия был он наркомом обороны нашей страны.

Екатерина Давыдовна и он вырастили, воспитали детей своего рано умершего товарища — Татьяну и Тимура Фрунзе.

Когда грянула Великая Отечественная война, Климент Ефремович сразу был включен в Ставку Верховного Главнокомандующего. От начала и до конца войны являлся членом Государственного Комитета Обороны. Бои на западном направлении, оборона и прорыв блокады Ленинграда, разгром фашистов в Крыму, освобождение Венгрии: просто не перечислить, где ему пришлось быть, чем заниматься. Вместе со старым другом Ефимом Щаденко, возглавлявшим управление формирований Красной Армии, готовил Ворошилов резервы в глубине страны. Руководил партизанским движением. Вел переговоры с иностранными военными делегациями, дипломатами, возглавлял Комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией и тем самым внес значительный вклад в разработку советской программы послевоенного мирного урегулирования.

Всем известно, что 7 ноября 1941 года в Москве, неподалеку от линии фронта, состоялся традиционный парад. Но не многие знают о другом военном параде: он

был проведен тогда же в городе Куйбышеве, куда эвакуировались высшие партийные, военные, государственные учреждения, различные посольства. Торжественным маршем прошли войска мимо заполненных трибун. Маршал Ворошилов, принимавший парад, взволнованно сказал о том, какой тяжелый период переживает страна. Уверенно прозвучали его завершающие фразы:

— Нет, господа фашисты! Вооруженные силы, боевые резервы и ресурсы Советского государства еще настолько велики, что их больше, чем достаточно, чтобы воевать с вами до вашей полной гибели, до вашего изничтожения вчистую!

Отгремели бои, надо было восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство, развивать науку, культуру. Опытный организатор, Климент Ефремович был утвержден заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Наконец, одно из самых значительных событий его жизни: 15 марта 1953 года Верховный Совет СССР единодушно избрал Климента Ефремовича Ворошилова Председателем Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. Семь лет находился он на этом посту.

До самых последних дней Климент Ефремович продолжал по мере возможности служить советскому обществу. Он оставался членом Президиума Верховного Совета, участвовал в работе партийных съездов. Высоко оценила Родина его заслуги. Две звезды Героя Советского Союза и звезда Героя Социалистического Труда украшали его грудь. Восемь раз награждался он орденом Ленина.

В 1959 году умерла жена — верная подруга всей его долгой жизни.

Скончался Климент Ефремович в ночь на 3 декабря 1969 года.

За несколько дней до смерти, уже не имея сил подняться с постели, слушал он по радио поэтическую передачу об Октябрьской революции, о гражданской войне — о тех бурных событиях, которые считал главными в собственной судьбе, в истории всей страны.

— Василий Семенович,— позвал он друга-журналиста, с которым трудился над своими воспоминаниями.— Обратите внимание, как точно и правильно сказано о том времени, о работе большевиков:

Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

— Очень здорово сказано! — повторил Климент Ефремович и устало закрыл глаза.

Успенский В. Д.
У77 На большом пути: Повесть о Клименте Ворошилове.— М.: Политиздат, 1981.— 335 с., ил.— (Пламенные революционеры).

У $\frac{10202-022}{073(02)-81}$ 246—81 0902030000 84Р7 + 66.61(2)8
Р2 + 3КП1(092)

Владимир Дмитриевич Успенский

НА БОЛЬШОМ ПУТИ

Заведующий редакцией *В. Г. Новохатко*
Редактор *Л. Б. Родкина*
Младший редактор *А. А. Мочалова*
Художник *Л. В. Козлов*
Художественный редактор *В. И. Терещенко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 3011
Сдано в набор 01.09.80. Подписано в печать 24.12.80. А 00238. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,31. Учетно-изд. л. 15,59. Тираж 300 тыс. экз. Заказ № 372. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

